

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 1 (57)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2025**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И. М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
<i>Рябов В. В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е. Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д. Л.</i> заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д. А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
<i>Северухин В. А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
<i>Беляева О. А.</i>	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
<i>Борисова Н. Е.</i>	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
<i>Диноршоев А. М.</i>	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
<i>Дорская А. А.</i>	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
<i>Ефимова О. В.</i>	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
<i>Иларию Претелли</i>	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
<i>Мартыненко И. Э.</i>	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
<i>Мкртумян А. Ю.</i>	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
<i>Ростокинский А. В.</i>	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
<i>Рыбаков О. Ю.</i>	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
<i>Сауляк О. П.</i>	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
<i>Серова О. А.</i>	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
<i>Смирнов Л. Б.</i>	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
<i>Черногор Н. Н.</i>	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
<i>Честнов И. Л.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
<i>Чурилов С. Н.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
<i>Шевелева С. В.</i>	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
<i>Андреянова Н. Н.</i> ответственный редактор	кандидат юридических наук (МГПУ)

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2025

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

Лановая Г. М. Осуществление правового выбора в условиях
текущей современности: особенности и проблемы 7

Публичное право

Бабаева Ю. Г. К вопросу о влиянии цели церковного наказания
на понимание цели наказания в современном уголовном праве..... 15

Дорская А. А. Развитие международного правосудия как способ
преодоления кризисных явлений в международно-правовой сфере:
ретроспективный анализ..... 22

Смирнов Л. Б. Пенитенциарная система России:
функции и перспективы развития 35

Частное право

Петрова Н. Д. Проявление кризиса брачно-семейных институтов
через тенденции развития семейного права в постиндустриальном
обществе: история и современность..... 47

Хоршева Ю. О. Основные тенденции правовой защиты беженцев:
национальный и международный аспекты 58

Образовательное право

Емелина Л. А., Яворский С. А. Правовой статус искусственного
интеллекта в системе российского образования..... 68

Сурилов М. Н. Совершенствование законодательства в части
прав и обязанностей родителей (законных представителей)
несовершеннолетних учащихся в сфере столичного образования 77

Трибуна молодых ученых

<i>Беляев Д. А.</i> Цель акционерного общества в историко-правовом контексте в условиях смены технологических укладов	88
<i>Боровченкова В. О.</i> Информационные технологии и реализация работодательской власти: правовые аспекты осуществления контроля.....	100
<i>Герреро Манчай А. Г.</i> Трансформация отрасли права: основные тренды	112
<i>Исмаилов Р. М.</i> Источники исламского права: история и современность	119

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2025, № 1 (57).....	130
--	------------

Требования к оформлению статей.....	133
-------------------------------------	-----

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

Lanovaya G. M. Implementation of legal choice in the conditions of liquid modernity: features and problems.....7

Public Law

Babaeva Yu. G. On the question of the influence of the purpose of ecclesiastical punishment on the understanding of the purpose of punishment in modern criminal law 15

Dorskaya A. A. Development of international justice as a way to overcome crisis phenomena in the international legal sphere: retrospective analysis.....22

Smirnov L. B. The Russian penitentiary system: functions and prospects of development35

Private Law

Petrova N. D. Manifestation of the crisis of marriage and family institutions of through trends in the development of family law in post-industrial society: history and modernity47

Khorsheva Yu. O. Main trends in legal protection of refugees: national and international aspects.....58

Educational Law

Emelina L. A., Yavorsky S. A. The legal status of artificial intelligence in the system of Russian education.....68

Surilov M. N. Improvement of legislation regarding the rights and obligations of parents (legal representatives) of underage students in the field of metropolitan education.....77

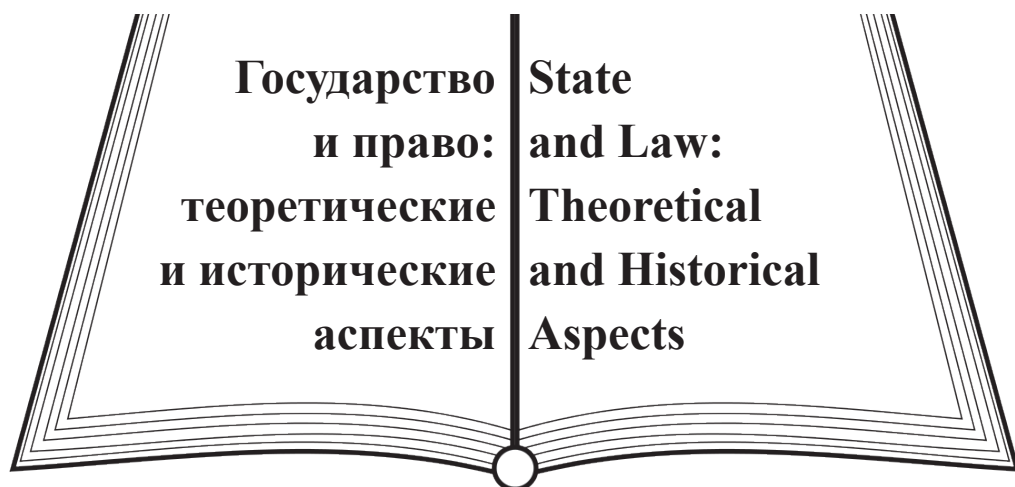
Tribune of Young Scientists

<i>Belyaev D. A.</i> The purpose of a joint-stock company in the historical and legal context in the conditions of change in technological orders	88
<i>Borovchenkova V. O.</i> Information technology and the exercise of employer power: legal aspects of exercising control	100
<i>Gerrero Manchay A. G.</i> Transformation of the branch of law: the main trends.....	112
<i>Ismailov R. M.</i> Sources of Islamic law: history and modernity.....	119

Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,

2025, № 1 (57)	130
-----------------------------	-----

Requirements for Style Articles	133
---------------------------------------	-----

**Государство
и право:
теоретические
и исторические
аспекты**

**State
and Law:
Theoretical
and Historical
Aspects**

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-7-14

Г. М. Лановая

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Российская Федерация,
lanovaya-galina@mail.ru

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ВЫБОРА
В УСЛОВИЯХ ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ:
ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация. Статья прежде всего посвящена анализу тех особенностей, которые приобретает осуществление человеком правового выбора в реалиях общественной жизни, маркированных Зигмунтом Бауманом в качестве текучей современности. Обосновывается, что в условиях изменения, во-первых, той действительности, в которой человек существует; во-вторых, нормативной системы права, регламентирующей его поведение; и, в-третьих, сознания и мышления процесс осуществления правового выбора трансформируется таким образом, что становится проблематично управлять поведением человека посредством традиционно используемых для этого правовых инструментов. Поскольку влиять на поведение посредством того инструментария, который предлагает действующее право, с прежней эффективностью оказывается уже затруднительно, перед учеными-юристами и юристами-практиками встает вопрос о необходимости отыскания новых, более эффективных средств правового воздействия.

Ключевые слова: правовой выбор; принятие правовых решений; правовое мышление; правосознание; современное право; изменение права; функционирование права; эффективное действие права.

UDC 340.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-7-14

G. M. Lanovaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation,
lanovaya-galina@mail.ru

IMPLEMENTATION OF LEGAL CHOICE IN THE CONDITIONS OF LIQUID MODERNITY: FEATURES AND PROBLEMS

Abstract. The article is devoted to the analysis of those features that a person acquires when making a legal choice in the realities of public life, labeled by Zygmunt Bauman as liquid modernity. It is proved that in conditions of change, firstly, of the reality in which a person exists, secondly, of the normative system of law governing his behavior, and, thirdly, of consciousness and thinking, the process of making a legal choice is transformed in such a way that it becomes problematic to control human behavior through the traditionally used legal means tools. Since it is already difficult to influence behavior through the tools offered by the current law with the same effectiveness, to the extent that legal scientists and practitioners face the question of the need to find new, more effective means of legal influence.

Keywords: legal choice; legal decision-making; legal thinking; legal awareness; modern law; change of law; functioning of law; effective operation of law.

Введение

В фокусе внимания ученых, изучающих проблемы правового воздействия на поведение человека, нередко оказывается вопрос о правовом выборе. В своих рассуждениях исследователи, как правило, исходят из представления о том, что такой выбор базируется на осмыслении требований правовых норм, на внутреннем соизмерении с ними фактических условий, в которых живет и действует человек, а также на прогнозировании на основе имеющихся знаний и накопленного опыта вероятных последствий реализации той или иной модели поведения. Таким образом, подразумевается, что на правовой выбор влияет, во-первых, та действительность, в которой человек существует; во-вторых, нормативная система права, регламентирующая его поведение; и, в-третьих, особенности его сознания и мышления.

Одной из примет современности является ее текучесть: та реальность, в которой существует человек, непрерывно и необратимо меняется; при этом, подобно жидкости, оставаясь все время подвижной и непостоянной, она в процессе своих изменений не претерпевает никакого ущерба, но на всем, с чем она соприкасается, остаются ее следы [1, с. 7–8]. Текучесть современности оказывает ощутимое влияние на право. В условиях, когда система общественных отношений находится в состоянии перманентного изменения и при этом трансформируется настолько

быстро, что очередные перемены для человека нередко бывает затруднительно не только спрогнозировать, но и осмыслить до того, как они превратятся в факт истории, нормативная система права также становится текучей. Свойство текучести приобретает и правовая практика. Кроме того, меняется человек, его образ жизни, потребности и притязания, сознание и мышление.

Таким образом, в эпоху текучей современности изменения претерпевает все то, что значимо влияет на осуществление правового выбора. В этой связи возникает вопрос: насколько актуальными остаются устоявшиеся представления о том, каким образом правовой выбор осуществляется? Вполне очевидно, что ответ на него имеет большое значение для решения многих проблем, важных для современной теории правового воздействия.

Методы исследования

Методологически статья базируется, во-первых, на социологическом подходе к пониманию права, предполагающем признание того, что правовая реальность формируется гораздо более сложным путем, чем юридическая регламентация общественных отношений и приведение в действие системы норм, установленных государством. Во-вторых, она основана на представлении о том, что реализация возможностей для познания правовой действительности, открывающихся в рамках социологического подхода, может быть обеспечена только при условии принятия в расчет существования наряду с объективной также субъективной стороны действия права. Важно понимать, что всякий раз, исследуя действие права, ученые-юристы в действительности изучают, как посредством права действуют индивиды, выступающие носителями сознания, мыслящие и испытывающие эмоции.

Автор использовала прежде всего компоненты социологической методологии, а также совместимые с ней элементы других методологических подходов: диалектического, системного, формально-логического. В ходе проведения исследования также применялись частнонаучные методы, выработанные теорией государства и права.

Основное исследование

Постоянное изменение реальности, в которой существует индивид, воспринимается им как перманентная неопределенность, условность, незавершенность, переходность. В этих условиях человек никогда не может рассчитывать на то, что он хорошо знает ту действительность, в которой живет, и на то, что он может учесть все факторы, значимые для принятия им правовых решений.

Ситуация усугубляется тем, что развитие современных технологий приводит не только к увеличению массива информации, но и к ее переизбытку.

Для получения и обработки сведений, необходимых для того, чтобы сделать сознательный волевой выбор, человеку приходится затратить много времени, сил и ресурсов. Иногда они и вовсе требуются в таком количестве, в каком индивид ими объективно не располагает.

Нельзя игнорировать и тот факт, что мир, который ассоциируется с текущей современностью, характеризуется бесконечным увеличением количества возможностей. Для человека он «похож на стол, уставленный аппетитными блюдами, слишком многочисленными, чтобы самые прожорливые едоки могли надеяться попробовать каждое» [1, с. 70]. «При этом изобилие вариантов выбора вызывает отчаяние: “Использовал ли я свои средства на сто процентов?”» — вот наиболее навязчивый, вызывающий бессонницу вопрос потребителя [Там же, с. 71].

В описываемых условиях ситуации, в которых необходимо сделать правовой выбор, для индивида становятся источником психологического дискомфорта, а сам правовой выбор перестает восприниматься им в качестве акта проявления свободы, часто превращаясь в тягостную повинность.

Для того чтобы нормы права оказывали то воздействие на поведение людей, на которое они рассчитаны, они должны соблюдаться, а для их соблюдения «необходимо, чтобы они находили отражение в эмоциях (и, разумеется, интересах), и — что еще лучше — становились естественным укладом жизни, облегчающим понимание в ходе принятия решений» [10, с. 47]. Вместе с тем в условиях текущей современности вследствие высокого динамизма общественных отношений нормативная система права меняется гораздо быстрее, чем человек осознает происходящие в ней изменения и осваивает новые для него системы координат. Кроме того, поскольку изменения происходят слишком быстро, возрастает вероятность появления пробелов и коллизий между отдельными нормами, что негативно сказывается на способности индивида выстраивать свое поведение на основе предписаний действующего права.

В условиях перманентного изменения нормативной системы права снижается авторитетность формализованных в нормах права императивных требований и, как следствие, уменьшается их действенность.

В описываемой ситуации снижается вероятность того, что нормы права будут восприниматься людьми в качестве эффективных средств стабилизации и упорядочения отношений. Одновременно люди перестают видеть в нормах права то, что позволяет делать правовой выбор осознанно и взвешенно, и, как следствие, испытывают потребность в иных, более надежных ориентирах.

Необходимыми человеку ориентирами способны стать правовые ценности и установки, усвоенные им в процессе правовой социализации. Они действительно могут создать систему координат более стабильную, чем та, которую предлагает перманентно изменяющаяся нормативная система права. Однако в условиях текущей современности происходит размывание правовых ценностей и правовых установок, и они утрачивают способность быть для человека точками отсчета. Описывая данный процесс, исследователи используют

термины «тотальный правовой нигилизм» [7, с. 17], «упадок правосознания» [5, с. 30], однако в действительности суть проблемы состоит в другом.

Во-первых, правовые ценности и установки усваиваются людьми в преломленном виде, в качестве ценностей и установок тех социальных групп, в которые они входят, а значит, в качестве адаптированных к потребностям этих социальных групп, в неразрывной связи с соответствующими групповой культуре моделями поведения. В то же время в условиях текучей современности система социальных групп отличается вариативностью, динамизмом и фрагментированностью. Во-вторых, правовая социализация протекает в условиях, когда значимые социальные связи растворяются, механизмы социального давления ослабевают, а авторитеты плюрализуются [3, с. 90]. В этой ситуации правовые ценности и установки, усваиваемые человеком в процессе правовой социализации, часто имеют довольно слабую связь с исходными образцами. Происходит дезориентация человека; он перестает понимать, что является ценностью в праве, а что — нет. Как следствие, ценности и складывающиеся в неразрывной связи с ними установки перестают быть теми эталонами, которые имплицитно известны всем и о которых поэтому не нужно договариваться, иначе говоря, тем контекстом, который является общим для всех участников правоотношений. Ориентация на них облегчает правовой выбор лишь в тех случаях, когда речь идет о выборе моделей внутригруппового поведения, а в остальных случаях лишь затрудняет принятие человеком правозначимых решений.

«Обездуховление общественной жизни компенсируется идеологическим возвышением ценностей, компенсирующим их исчезновение из повседневной мотивации» [6, с. 104], но, будучи «идеологически возвышенными», правовые ценности не воспринимаются в качестве оснований правового выбора, принимаются за недостижимые идеалы, которые в силу их недостижимости можно не принимать в расчет при решении практических, утилитарных вопросов, с какими обычно оказываются сопряжены ситуации, требующие правового выбора.

Рассуждая о том, как осуществляется правовой выбор, важно учитывать, что «не существует чистого мышления, свободного от эмоций; человек без эмоций вообще не способен думать» [2, с. 151].

Правовой выбор никогда не является исключительно рассудочным, несмотря на то что право эффективно функционирует именно тогда, когда он осуществляется рационально. Чем меньшим временем располагает человек, тем выше вероятность того, что сделанный им правовой выбор будет преимущественно эмоциональным, чем рациональным. Именно поэтому право не требует от человека принимать немедленно смыслоопределяющие, важные решения, а придание таким решениям силы юридически значимых, как правило, сопровождается соблюдением множества формальных процедур.

В условиях, когда правовой выбор в представлении человека превращается из существующей у него возможности в возлагаемую обществом и обеспечиваемую силой государственного принуждения обязанность и при этом осознается необходимость делать выбор в силу его значимости именно рассудочно, рационально,

появляется искушение переложить его осуществление на кого-то другого. Очевидно, именно этим обуславливается то, что современный мир невозможно представить без юристов различных профилей и специализаций, которые фактически превращаются для человека в кураторов, подобных тем, которые помогают удачно инвестировать деньги, найти новую работу, изменить интерьер жилища и т. д.

Вместе с тем в условиях существенных изменений в сознании и способах работы с информацией намечается и другая тенденция: люди считают, что благодаря умению гуглить разбираются во многих вещах, о которых в действительности ничего не знают. Сложностью практического плана становится то, что, оказываясь перед необходимостью правового выбора, люди в силу различных причин отказываются от возможности делегировать его осуществление юристам-профессионалам, несмотря на то что сами не всегда способны учесть все необходимые для принятия взвешенного решения данные, дать объективную оценку тому влиянию, которое окажет принимаемое ими решение на их жизнь, спрогнозировать другие последствия собственного правового выбора.

Также нельзя забывать о том, что повседневные жизненные ситуации, в которых человек оказывается перед необходимостью осуществления правового выбора, получают осмысление в массовой культуре и продуцируемые ею образы часто мешают мыслить рационально и отделять те прогнозы, которые делаются на основе анализа реально имеющих место фактов и событий, от образов, появляющихся вследствие мифологизации реально протекающих процессов.

Формируя искаженную картину реальности, массовая культура отнюдь не способствует адекватному анализу человеком фактов действительности, значимых для принятия им правовых решений. При этом многое из того, что не укладывается в эту картину, воспринимается как абсурдное, невозможное даже тогда, когда в действительности является реальным.

Искажению картины той реальности, в которой существует человек и правильное восприятие которой является значимым при осуществлении правового выбора, способствует появление технологий манипулятивного воздействия на сознание. В частности, экспериментально доказана способность искусственного интеллекта посредством целенаправленного отбора предоставляемой человеку информации подспудно влиять на его решения [4, с. 391–396; 8, с. 32–33].

В условиях текучей современности нередки ситуации, когда человек оказывается перед необходимостью сделать правовой выбор быстрее, чем он способен собрать нужную информацию и изучить нормы действующего права, предписывающие ему те или иные модели поведения. К сожалению, в подобных ситуациях человек часто принимает решения не рассудочно, а руководствуясь интуицией и эмоциями.

«Мы унаследовали свой гнев, страх и вожделение от миллионов предков» [9, с. 85], и, «к сожалению, то, что было полезно для выживания и продолжения рода миллион лет назад в африканской саванне, не обязательно будет способствовать ответственному поведению на шоссе в XXI веке» [9, с. 85]. Вместе с тем в силу унаследованной от далеких предков привычки неизбежными

оказываются разрывы между нормативными требованиями и поведением действовать в критических ситуациях под влиянием эмоций, особенно в условиях, когда человек дезориентирован настолько, что не в состоянии соотнести фактические обстоятельства с требованиями правовых норм.

Внедрение информационных систем, в том числе цифровых технологий, в процесс принятия правовых решений во многом представляет собой попытку компенсировать недостаток рациональности таких решений, стремление избавиться их от воздействия эмоций. Предполагается, что подсознание влияет на выбор человека, а на выбор компьютера — нет, так как он строго следует заданному алгоритму.

Однако, компенсируя в определенной степени недостаток рациональности, решения, принимаемые системами с искусственным интеллектом, не способны учитывать этико-правовые аспекты разрешаемых проблем. Поскольку справедливость — это не собственно правовая, а именно этико-правовая ценность, невозможно избежать ситуаций, в которых решения, принимаемые системами с искусственным интеллектом, будут восприниматься как несправедливые, способствуя возникновению в массовом сознании ощущения недостатка правовой справедливости. Это может усиливать дезориентированность человека в той правовой реальности, в которой он оказывается перед необходимостью правового выбора.

Важно также понимать, что, принимая за норму возможность делать правовой выбор под влиянием эмоций, а также используя системы с искусственным интеллектом в поддержке принятия правовых решений, человек лишается возможности накапливать собственный правовой опыт, необходимый для формирования правовой интуиции. Таким образом, правовой выбор в условиях, когда его требуется сделать быстро, все чаще оказывается именно эмоциональным, а не интуитивно-эмоциональным выбором.

Результаты исследования

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в эпоху текучей современности процесс осуществления правового выбора значительно изменяется. То, каким образом меняются факторы, под влиянием которых такой выбор происходит, превращают его в гораздо менее прогнозируемый и менее управляемый, чем он должен быть для того, чтобы право, влияя на него, имело возможность эффективно управлять поведением людей и, следовательно, упорядочивать общественные отношения. Представляется, что в этом заключается одна из важных причин снижения эффективности действия права в тех современных условиях.

Очевидно, что в правовом регулировании общественных отношений необходимо учитывать то, каким образом меняется процесс осуществления правового выбора. И в этой связи перед учеными-юристами и юристами-практиками встает вопрос о поиске новых эффективных правовых средств воздействия на сознание и поведение человека.

Список источников

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
3. Добрина О. А. «Ускользящий мир» и «текущая современность»: образ социальности в британской постнеклассической социологии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11. С. 88–92.
4. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 784 с.
5. Ильина Ю. А. Аксиология права как социального явления // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3 (133). С. 30–35.
6. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2013. 151 с.
7. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 17–33.
8. Фрай Х. Hello World. Как быть человеком в эпоху машин. М.: АСТ, 2021. 320 с.
9. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 416 с.
10. Шайо А. Эмоциональные манипуляции: тонкая сущность конституционных институтов // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1 (104). С. 45–56.

References

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost`. SPb.: Piter, 2008. 240 s.
2. Greber D. Utopiya pravil: o texnologiyax, gluposti i tajnom obayanii byurokratii. M.: Ad Marginem Press, 2016. 224 s.
3. Dobrina O. A. «Uskol`zayushhij mir» i «tekuchaya sovremennost`»: obraz social`nosti v britanskoj postneklassicheskoj sociologii // Teoriya i praktika obshhhestvennogo razvitiya. 2023. № 11. S. 88–92.
4. Zuboff Sh. E`poxa nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novy`x rubezhax vlasti. M.: Izd-vo In-ta Gajdara, 2022. 784 s.
5. Il`ina Yu. A. Aksiologiya prava kak social`nogo yavleniya // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 3 (133). S. 30–35.
6. Malaxov V. P. Mify` sovremennoj obshhepravovoj teorii. M.: Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2013. 151 s.
7. Matuzov N. I. Pravovoj nigilizm kak obraz zhizni // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2012. № 4 (87). S. 17–33.
8. Fraj X. Hello World. Kak by`t` chelovekom v e`poxu mashin. M.: AST, 2021. 320 s.
9. Xarari Yu. N. 21 urok dlya XXI veka. M.: Sindbad, 2019. 416 s.
10. Shajo A. E`mocional`ny`e manipulyacii: tonkaya sushhnost` konstitucionny`x institutov // Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie. 2015. № 1 (104). S. 45–56.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

УДК [348.51:272.2+343.01](470)
DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-15-21

Ю. Г. Бабаева

Московский городской университет управления
Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова,
Москва, Российская Федерация,
babaevayg@edu.mos.ru

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЦЕЛИ ЦЕРКОВНОГО НАКАЗАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье поставлена задача провести параллели и выявить аналогии в понимании целей наказания в церковном праве Российской империи и современном уголовном праве. Путем использования историко-правового, формально-юридического и сравнительно-правового методов данная задача успешно решена. Подчеркивается, что православная система ценностей, которая составляет одну из ключевых основ российской цивилизации, в значительной степени повлияла и на формирование законодательства периода существования Российской империи. Проводится параллель между исправлением осужденного и его покаянием. Сделан вывод о влиянии цели церковного наказания на понимание цели наказания в современном уголовном праве через сформировавшуюся под воздействием церковного и канонического права правовую традицию.

Ключевые слова: церковное право; уголовное право; уголовное наказание; цель наказания; правовая традиция.

UDC [348.51:272.2+343.01](470)

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-15-21

Yu. G. Babaeva

Moscow City University of Management Government
of Moscow named after Yu. M. Luzhkov,
Moscow, Russian Federation,
babaevayg@edu.mos.ru

ON THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF THE PURPOSE OF ECCLESIASTICAL PUNISHMENT ON THE UNDERSTANDING OF THE PURPOSE OF PUNISHMENT IN MODERN CRIMINAL LAW

Abstract. The article sets out and solves the problem of drawing parallels and identifying analogies in the understanding of the purposes of punishment in the church law of the Russian Empire and modern criminal law. Based on the use of historical-legal, formal-legal and comparative-legal methods, this task was successfully solved. It is emphasized that the Orthodox system of values, which is one of the key foundations of Russian civilization, significantly influenced the formation of legislation during the existence of the Russian Empire. A parallel is drawn between the correction of a convicted person and his repentance. The conclusion is made about the influence of the purpose of ecclesiastical punishment on the understanding of the purpose of punishment in modern criminal law through the legal tradition formed under the influence of ecclesiastical and canonical law.

Keywords: church law; criminal law; criminal punishment; purpose of punishment; legal tradition.

Введение

Совершенствование современного уголовного права требует комплексного подхода с опорой на сочетание практического опыта и доктринальных разработок. Важное значение имеет понимание особенностей отечественной правовой традиции, которая неразрывно связана с правосознанием населения страны и его динамикой на протяжении длительного исторического периода [4]. Несмотря на светский характер российской государственности, Русская православная церковь оказывает определенное влияние на мировоззрение достаточно большей части граждан. В исторической ретроспективе это влияние было еще больше [3]. Религиозные традиции и источники воздействовали на нормы отечественного уголовного законодательства, определяя особенности понимания преступного поведения, роли наказания и его цели. Поэтому те дискуссии, которые ведутся современными учеными и практиками о цели наказания в уголовном праве, могут опираться на исследование соответствующих историко-религиозных традиций. Это соответствует принципам историко-антропологического подхода к праву, который опирается на лучшие идеи немецкой исторической школы права, синтезируя их с современным социологическим антропоцентризмом [5].

В дореволюционной России, помимо уголовных, существовали и церковные наказания, которые также преследовали определенные цели и были неразрывно связаны с православными воззрениями на правомерное и противоправное поведение. Изучение данного аспекта позволит лучше понимать природу наказаний в современном уголовном праве и на этой основе предпринимать усилия по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Методы исследования

Конкретные нормы уголовного и церковного права изучались с помощью формально-юридического метода. Обращение к историческому опыту определило потребность в использовании историко-правового метода. Сопоставление исторических и современных норм проводилось с помощью сравнительного метода (диахронное сравнение). Вопрос о цели церковных наказаний исследован с учетом работ специалистов по церковному и каноническому праву. Понимание роли правовых традиций в формировании законодательства базируется на использовании историко-антропологической теории права [5].

Основное исследование

В последние десятилетия вопросы церковного права достаточно часто попадают в сферу научных интересов отечественных специалистов в области истории государства и права [1–3]. Среди причин такого научного интереса можно выделить несколько первостепенных:

- расширение доступа к материалам, связанным с церковным правом в целом;
- наличие научно-исследовательского интереса к этой области в дореволюционной России, результатом чего стало появление ряда работ в данном направлении;
- естественный ход развития современной общественной жизни, в котором Русская православная церковь стала одной из ключевых институций социума.

Тем не менее, несмотря на возрастающий интерес к данной области историко-правового знания, существует еще большое количество белых пятен, периодически проявляющихся в современном научном дискурсе. Одним из вопросов, которые требуют обсуждения и решения в рамках синтеза историко-правовой и уголовно-правовой науки, является вопрос о влиянии понимания целей наказания в системе церковного права на формирование современного понимания целей наказания в уголовном законодательстве России. Необходимость его изучения продиктована следующими соображениями. Статья 43 Уголовного кодекса Российской Федерации в части 2 определяет цели наказания как «восстановление социальной справедливости; исправление осужденного

и предупреждение совершения новых преступлений»¹. Из трех обозначенных целей «восстановление социальной справедливости» носит публично-правовой характер, представляя собой общественное согласие на применение соответствующей меры избранного вида наказания, как удовлетворяющее общество исходя из позиций соответствия причиненного вреда примененному наказанию. Другие же две цели — «исправление осужденного» и «предупреждение совершения новых преступлений» — связаны главным образом с личностным воздействием на виновное лицо. Правда, «предупреждение совершения новых преступлений» может еще рассматриваться и как общая превенция по предупреждению преступлений, но общая превенция должна быть индивидуально-личностно осознана, только тогда, на наш взгляд, она станет действенной реализацией заявленной цели наказания в уголовно-правовом смысле.

Говоря о личностном понимании и восприятии наказания, мы хотели выяснить, каким образом в сфере церковного права затрагивался ранее данный вопрос и каково его понимание в современном церковном праве. Соответственно, проблемным вопросом исследования стало само наличие церковного наказания как правового института в системе российского дореволюционного права, а равно и в настоящее время.

Одна из наиболее известных работ в этой области — исследование Н. С. Суворова «О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву» [7]. На момент представления на суд общественности работы Н. С. Суворова в 1876 году церковное право становилось полноправной исследовательской областью в сфере юриспруденции, поскольку наличествовали все необходимые к тому элементы. Тем не менее само понимание церковного права требует некоторых пояснений. Основываясь на анализе исследования Н. С. Суворова, можно отметить, что церковное право рассматривалось одновременно и как догматические положения Церкви, и как церковно-общественные отношения, в которые вступает Церковь как институт в системе общественных отношений. Исторический прогресс «сближает начала церковного права со светскими правосостояниями» [7, с. 2]. Церковь, исходя из догматических положений, представляет собой Божественное установление, целью которого служит искупление, что делает Церковь не юридическим, а нравственным институтом [Там же, с. 2]. При этом Церковь, существуя в системе общественных отношений, не может быть вне системы юридических определений, поскольку имеет в себе не только духовно-нравственную, но и внешнюю, общественную сторону.

Церковь как Божественное учреждение, через которое возможно спасение и очищение от грехов, в своей совокупности составляют отдельные люди, с общественной точки зрения, объединившиеся для исповедования своей веры. Такое объединение, как указывал Н. С. Суворов, должно подчиняться определенным нормам. Внутри такого объединения людей действуют постулаты,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

«данные Самим Христом Спасителем, развитые непосредственно Его преемниками и сформулированные в церковном законодательстве» [7, с. 3]. Эти положения регламентируют внутренний уклад церковной жизни, взаимоотношения между верующими, а также управляющих епископатом и верующими.

Такое понимание церковного права сохраняется и в настоящее время в церковной среде. Так, протоиерей Владислав Цыпин указывает, что «как Тело Христово Церковь бесконечно превосходит все земное и никаким земным законам не подлежит, но как человеческое общество она подчиняется общим условиям земного порядка: в частности, вступает в те или иные отношения с государственными и другими общественными образованиями. Уже одно это вводит ее в область права» [6, с. 6].

Современные историки права полагают правомерным говорить о церковном праве как об отрасли права. Например, А. А. Дорская, обстоятельно исследовавшая данный вопрос, пишет: «Церковное право как система юридических норм, определяющих устройство и деятельность Русской Православной Церкви, а также права и обязанности подданных в зависимости от отношения к ней, стало активно развиваться в XVIII в.» [2, с. 238]. По мнению цитируемого автора, понятие церковного права включает не только совокупность правовых норм, но и науку, и учебную дисциплину [2, с. 237]. Это позволяет говорить о полноценном существовании церковного права в правовой системе дореволюционной России, что, в свою очередь, должно было сформировать и сформировало соответствующую традицию.

В связи со сказанным для достижения цели исследования представляется полезным рассмотреть вопрос о взаимопроникновении и влиянии друг на друга церковного и светского права в части понимания целей уголовных и церковных наказаний.

В своей работе «О церковных наказаниях...» Н. С. Суворов отмечал, что «исходным пунктом при рассмотрении церковных наказаний полагается то, что наказание есть воздействие (reactio) против церковного преступления» [7, с. 13]. При этом церковные наказания не должны затрагивать иные сферы, кроме как сферы полномочий церковной власти. В подтверждение данного тезиса Н. С. Суворов указывает на специфические способы реализации церковных наказаний, которые в итоге сводятся к добровольности исполнения виновным лицом наказания, как-то, например, возложенная епитимья, заключающаяся в прочтении определенного числа молитв или положении определенного числа поклонов. Такой подход Н. С. Суворов считал неверным, поскольку он ставит в зависимость от воли лица исполнение наказания. «Если признать за Церковью право назначать в виде наказания совершение каких-либо положительных действий, то придется или исполнение церковного наказания поставить в зависимость от воли наказуемого, или же искать вне Церкви принудительную силу, которая бы обеспечила приведение в исполнение церковных наказаний» [7, с. 14–15]. То есть церковные меры должны были бы быть обеспечены иной принудительной силой, приобретающей характер не покаяния, в чем, собственно,

и должен быть смысл и цель церковного наказания, а претерпевания свершения «официально-вынужденных действий» во избежание большего зла.

Таким образом, церковное наказание возникает в случае преступления в смысле нарушения внутреннего церковного уклада, приводящего к обременению человека (человеческой души) грехом. Подлинной целью церковного наказания должно стать очищение души от греха, которое достигается покаянием, подлинным раскаянием за прошлое греховное деяние и отвращением от греха, его повторения в будущем не потому, что вновь будет наказание, а в силу несовместимости греховного состояния с душевным состоянием подлинно раскаявшегося человека, отринувшего от себя грех.

Несмотря на то что современное российское уголовное законодательство имеет светский характер, как и современная отечественная государственность, применительно к пониманию цели наказания мы видим подход, аналогичный изложенному ранее. Часть 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации, процитированная в начале статьи, наводит на определенные аналогии с церковным подходом к цели наказания.

Таким образом, в светском современном уголовном праве «исправление осужденного» можно сравнить с подлинным покаянием, как его понимает церковное право, а «предупреждение совершения новых преступлений» можно сравнить с несовместимостью преступного поведения с ценностными установками лица, подвергшегося соответствующему наказанию. Несмотря на имеющееся определенное формальное различие, сущностные характеристики в данном случае являются настолько сходными, что заставляют проводить аналогии и говорить об общих традиционных корнях.

По мнению А. А. Дорской, развитие церковного и уголовного права долгое время шло неразрывно. «Взаимовлияние церковного и уголовного права было сложным: с одной стороны, церковное право долгое время тормозило развитие уголовного права, с другой стороны, развитие институтов уголовного права расшатывало “наказующую” власть церкви, являющуюся необходимым атрибутом Церкви как государственного учреждения» [1, с. 267–268].

Влияние церковного в определенной мере продолжает сохраняться, пусть и в непрямой форме. И можно вполне согласиться с мнением А. А. Дорской, полагающей, что «такие принципы, как наличие вины в качестве признака преступления, допущение раскаяния преступника, утверждение различных целей наказания, а не только устрашения, послужили исходной позицией для дальнейшего развития уголовного права» [1, с. 268].

Результаты исследования

Одним из важных факторов, в силу которого целесообразно обращаться к вопросам церковного права в части наказания, является то, что православная система ценностей, которая составляет одну из ключевых основ российской

цивилизации, в значительной степени повлияла и на формирование законодательства периода существования Российской империи. Сложившиеся в тот период уголовно-правовые традиции прочно проникли в правосознание значительной части общества, они передаются с помощью механизмов социальной эстафеты и сохраняют свое влияние на развитие права. Это необходимо учитывать в процессе последующего совершенствования уголовно-правовых норм.

Список источников

1. Дорская А. А. Место церковного права в системе права Российской империи // Известия вузов. Правоведение. 2006. № 4. С. 237–248.
2. Дорская А. А. Взаимодействие уголовного и процессуального права Российской империи с церковным правом // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5. № 11. С. 255–269.
3. Пашенцев Д. А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 6. С. 168–173.
4. Пашенцев Д. А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 29–32.
5. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1. С. 16–22.
6. Протоиерей Владислав Цыпин. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 2009. 864 с.
7. Суворов Н. С. О церковных наказаниях: Опыт исследования по церковному праву. 2-е изд. М.: Либроком, 2012. 346 с.

References

1. Dorskaya A. A. Mesto cerkovnogo prava v sisteme prava Rossijskoj imperii // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2006. № 4. S. 237–248.
2. Dorskaya A. A. Vzaimodejstvie ugolovnogo i processual'nogo prava Rossijskoj imperii s cerkovny'm pravom // Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena. 2005. T. 5, № 11. S. 255–269.
3. Pashencev D. A. Rol' religii v formirovanii rossijskoj pravovoj tradicii // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2012. № 6. S. 168–173.
4. Pashencev D. A. Rossijskaya pravovaya tradiciya pred vy`zovom globalizacii // Yuridicheskaya nauka. 2016. № 1. S. 29–32.
5. Pashencev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj yuridicheskoy nauke // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2022. № 1. S. 16–22.
6. Protoierej Vladislav Cypin. Kanonicheskoe pravo. M.: Izd-vo Sretenskogo monasty`rya. 2009. 864 s.
7. Suvorov N. S. O cerkovny`x nakazaniyax: Opy`t issledovaniya po cerkovnomu pravu. 2-e izd. M.: Librokom, 2012. 346 s.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

УДК 341.64(4+8)«18/19»

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-22-34

А. А. Дорская

Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
adorskaya@yandex.ru

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье развитие международного правосудия от идеи до возникновения системы международных и региональных международных судов рассматривается как один из способов преодоления кризисных явлений в международно-правовой сфере.

Цель исследования — изучить конкретные примеры использования человечеством международного правосудия для выхода из состояния кризиса, а также влияния кризисных явлений в системе органов международного правосудия на развитие кризиса всей международно-правовой системы. В соответствии с целью в статье поставлены следующие задачи: раскрыть причины развития идеи международного правосудия во второй половине XIX века; показать первые попытки учреждения органов международного правосудия в Европе и Латинской Америке в начале XX века; выявить место обращения в международные суды среди мирных средств разрешения международных споров; на конкретных примерах показать значение решений международных судов для преодоления кризисных явлений в международном праве; рассмотреть возможное негативное влияние деятельности международных судов как одной из причин дестабилизации на международной арене.

В результате работы сделан вывод о том, что в основном деятельность международных судов позитивно сказывается на предотвращении и преодолении кризисных явлений в международно-правовой сфере. Однако истории известны и другие примеры, свидетельствующие о том, что несправедливые, политизированные решения органов международного правосудия могут служить причиной кризисов.

Ключевые слова: международно-правовая система; международное право; кризис; международное правосудие; универсальные международные суды; региональные международные суды; мирные средства разрешения международных споров; международное процессуальное право.

Благодарности: исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-01860 «Кризисы международно-правовой системы и пути их преодоления: исторический опыт».

UDC 341.64(4+8)«18/19»

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-22-34

A. A. Dorskaya

North-West Branch of the Russian State University
of Justice named after V. M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russian Federation,
adorskaya@yandex.ru

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL JUSTICE AS A WAY TO OVERCOME CRISIS PHENOMENA IN THE INTERNATIONAL LEGAL SPHERE: RETROSPECTIVE ANALYSIS

Abstract. The article traces the development of international justice, from its initial conceptualization to the establishment of the system of international and regional courts, highlighting its role in addressing crisis phenomena in the international legal sphere.

The study aims to analyze instances where international justice facilitated humanity's recovery from crisis, and conversely, how crisis phenomena within international justice bodies triggered a crisis of the entire international legal system. To achieve this goal, the article sets the following tasks: to reveal the reasons behind the development of the idea of international justice in the second half of the 19th century; to show the first attempts to establish international justice bodies in Europe and Latin America at the beginning of the 20th century; to identify the place of recourse to international courts among peaceful means of resolving international disputes; using specific examples, to show the importance of decisions of international courts to overcome crisis phenomena in international law; to consider the possible negative impact of the activities of international courts as one of the reasons for destabilization in the international arena.

It was concluded that, in general, the activities of international courts have a positive effect on not preventing and overcoming crisis phenomena in the international legal sphere. However, there are some historical examples showing that unfair, politicized decisions of international justice bodies can cause crises.

Keywords: international legal system; international law; crisis; international justice; universal international courts; regional international courts; peaceful means of resolving international disputes; international procedural law.

Acknowledgments: the research was funded by RSF according to the research project № 24-28-01860 «Crises of the international legal system and ways to overcome them: historical experience».

Введение

Вторая половина XIX века стала временем активного поиска новых способов преодоления кризисных явлений в международном праве. Это было связано с тем, что, во-первых, именно в то время международное право постепенно приобретало статус особой правовой системы и в теоретико-правовых работах, и в трудах юристов-международников, которые обратились к проблеме соотношения международного и внутригосударственного права. Однако, как быстро показали разработки, мнения существенно разошлись и появилось даже направление отрицателей международного права. Во-вторых, не вполне был ясен вопрос о том, кого относить к цивилизованным народам. С одной стороны, победа Германии во Франко-прусской войне показала, что народы, стремившиеся к единой государственности, способны адекватно ответить на вызовы со стороны стран, относившихся к мировым лидерам. С другой стороны, мир был четко разделен на метрополии и их колонии. В-третьих, несмотря на серьезные успехи в развитии права международных конференций и права международных организаций, человечество осознавало, что незащищенными, прежде всего в периоды вооруженных конфликтов, остаются как воюющие стороны, так и некомбатанты.

Такая ситуация способствовала поиску путей преодоления наметившихся или уже ярко выраженных кризисных явлений в международно-правовой сфере.

Опираясь на опыт Вестфальского 1648 года и Венского 1815 года конгрессов, государства пытались решать важнейшие вопросы на международных конференциях. Так, итоги Крымской войны подводились на Парижском конгрессе 1856 года, а Русско-турецкой — на Берлинском конгрессе 1878 года.

В 1863 году был учрежден Международный комитет Красного Креста, провозгласивший своими принципами гуманность и беспристрастность.

Знаковым стал 1873 год, когда юристы-международники осознали необходимость объединения усилий для доктринальной разработки новых правовых принципов международных отношений и кодификационных работ. Был учрежден Институт международного права, а также Ассоциация по реформе и кодификации права народов, которая в 1895 году была переименована в Ассоциацию международного права. То, что данные объединения работают до сих пор, говорит о правильности и значимости предпринятых усилий.

Одним из направлений преодоления кризисных явлений в международно-правовой сфере стало считаться развитие международного правосудия.

В 1872 году президент Международного комитета Красного Креста Гюстав Муанье предложил проект Конвенции об учреждении международного судебного органа для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушениях Женевской конвенции об улучшении положения больных и раненых в воюющих армиях 1864 года [5, с. 24–25].

В 1881 году российский юрист-международник Л. А. Камаровский издал первую в мире специальную работу, посвященную проекту создания постоянного

международного суда [12]. То, что данная книга в 1887 году вышла на французском языке в Париже [6, с. 57], свидетельствовало о ее значимости для мирового сообщества.

На современном этапе система международных судов насчитывает уже более сотни универсальных и региональных судов, деятельность которых характеризуется как несомненными успехами, так и возникновением новых проблем в международно-правовом регулировании и практике.

Степень научной разработанности темы

Проблемой преодоления кризисных явлений в сфере международного права занимаются специалисты практически во всех странах мира. Следует выделить работы, в которых рассматриваются причины и признаки кризисов [13, 15, 23, 29], а также труды, предметом исследования которых служит влияние наблюдавшихся и наблюдающихся в жизни мирового сообщества отдельных кризисов на состояние международно-правовой системы [8, 16]. Отдельным направлением исследований выступает изучение влияния кризисов национальных правовых систем на правовое регулирование на международном уровне [7, 30]. Особое внимание уделяется также кризисным явлениям в международном праве, вызванным развитием наднациональных образований и нерешенностью вопроса о юридической природе наднационального права [21, 28].

Истории международного правосудия как способа преодоления кризисных явлений в международном праве посвящены работы, в которых рассматриваются вопросы организации и деятельности Международного суда ООН [2], международных уголовных судов и трибуналов *ad hoc* [3, 9, 17], Международного трибунала по морскому праву [10] и т. д. Современные исследователи связывают состояние системы международных судов с развитием института международно-правовой ответственности [14]. Однако нельзя сказать, что эволюция международного правосудия, его роли в предотвращении кризисов международно-правовой системы и выходов из них хорошо изучены.

Методы исследования

В статье использовались общенаучные методы и специальные методы юридического исследования. Deskриптивный метод был применен для описания структуры и состава различных международных судов. Диалектический метод позволил выявить противоречия, которые сопровождают развитие международного правосудия. Методы анализа и синтеза были использованы для выделения особенностей каждого международного суда и их общих черт. Эвристический метод помог проследить эволюцию международных судов как постоянное сочетание проб и ошибок. Применение формально-юридического метода дало

возможность раскрыть содержание учредительных документов органов международного правосудия разных эпох. Синхронный срез сравнительно-правового метода способствовал определению тех тенденций, которые позволяли параллельно развиваться различным видам международных судов, а диахронный срез помог проследить эволюцию идеи международного правосудия и ее воплощение.

Основное исследование

Основоположник научного осмысления международного правосудия Л. А. Камаровский подчеркивал, что кризисные явления в международном праве будут время от времени возникать в любые эпохи, так как между государствами постоянно случаются недоразумения и столкновения, которые, если не разрешать их вовремя, могут приводить к войнам [12, с. 3]. В связи с этим должна быть целая система средств и инструментов преодоления таких кризисов. Российский ученый одним из первых предложил отнести международное правосудие к мирным средствам разрешения международных споров. Это имело огромное значение [4, с. 54], так как одно из решений Первой Гаагской конференции мира 1899 года предусматривало создание Постоянной палаты третейского суда в Гааге¹. Сам Л. А. Камаровский в ноябре 1909 года стал одним из четырех членов этой палаты от России, реально воплотив таким образом свои научные идеи [22, с. 5].

Однако уже на первом этапе развития постоянных международных судов стало ясно, что их деятельность может не только предотвращать появление и разрастание кризисных явлений в международно-правовой сфере, но и способствовать переходу в новые кризисы. Так произошло с Центральноамериканским судом [26, с. 192], решение о создании которого было принято на Вашингтонской мирной конференции 1907 года. Данный суд начал работу в период так называемых Гондурасских войн 1906–1912 годов, вызывавших напряженность во всем регионе [19].

Определенная конфликтность была заложена даже в том, что инициаторами учреждения данного суда были США, стремившиеся окончательно занять лидерские позиции в Латинской Америке после успешной Испано-американской войны, и Мексика, а участниками стали другие государства: Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа и Сальвадор.

Данный суд имел фиксированный состав: по одному судье от каждого государства. Впервые в истории орган международного правосудия не только получил широкую юрисдикцию, но и наднациональные полномочия. Например, он разбирал конфликты органов законодательной, исполнительной и судебной

¹ Конвенция о мирном решении международных столкновений от 17 июля 1899 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. СПб.: [б. и.], 1902. Т. 20. Отделение 1. № 18540.

власти пяти указанных государств. В него могли обращаться как государства, так и отдельные граждане стран, считавшие, что правительства соседних стран нарушили их права. Если спор между государствами-участниками не был урегулирован на уровне министров внутренних дел или дипломатическим путем, он в обязательном порядке передавался в суд.

Несмотря на то что одному из идейных вдохновителей Центральноамериканского суда — государственному секретарю США Элиу Руту — в 1913 году была присуждена Нобелевская премия мира, опыт данного судебного органа оказался в целом негативным, поскольку стороны сами стали не исполнять его решения (например, в 1914 году Никарагуа отказались исполнять решение по делу, инициированному Коста-Рикой, из-за заключения Никарагуа двустороннего договора с США о прокладке на своей территории канала и строительстве военно-морской базы, затрагивавшего интересы соседних стран), а судьи видели себя исключительно представителями своих государств (так, в 1908 году большинством голосов судьи фактически одобрили действия Гватемалы и Сальвадора по вмешательству во внутренние дела Гондураса посредством оказания поддержки антиправительственным силам), что не всегда давало возможность совместить судопроизводство с нравственными началами [20, с. 5].

После Первой мировой войны включение международных судов в международно-правовую систему уже воспринималось как данность. Одним из важнейших органов Лиги Наций стала Постоянная палата международного правосудия, начавшая работу в 1922 году. О ее значимости свидетельствует тот факт, что, несмотря на официально закрепленную факультативную юрисдикцию, обязательными для себя решениями палаты добровольно признали 65 государств. Несмотря на то что Лига Наций не справилась со своей главной задачей — предотвращением новой мировой войны, ей удалось, хотя и не в полной мере, урегулировать более 40 политических конфликтов [25, с. 249], в том числе с помощью судебного разбирательства, которое, согласно статье 12 Статута Лиги Наций, было отнесено к мирным средствам разрешения международных споров наравне с третейским разбирательством и рассмотрением спора в Совете Лиги Наций².

Первая мировая война, ставшая проявлением глубочайшего кризиса всей международно-правовой системы, поставила перед мировым сообществом также проблему привлечения к индивидуальной международной уголовной ответственности. Однако попытки наказать бывшего германского императора Вильгельма II как главного зачинщика войны не увенчались успехом. Но сама идея развивалась. Например, когда в октябре 1934 года были убиты король Югославии Александр и министр иностранных дел Франции Луи Барту,

² Статут Лиги Наций // Версальский мирный договор / полный перевод с французского подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Изд. Литиздата НКВД, 1925. С. 7–15.

Лига Наций, объединявшая в этот период 58 государств-членов [18, с. 131], разработала и 30 ноября 1937 года открыла для подписания Конвенцию о предотвращении и наказании терроризма и Конвенцию о создании Международного уголовного суда. И хотя они так и не вступили в силу, но показали готовность использовать решения органов международного правосудия для преодоления возникших на международной арене кризисных явлений.

Именно поэтому уже через полгода после окончания военных событий в Европе и через два с половиной месяца после разгрома Японии и подписания акта о ее капитуляции 2 сентября 1945 года³ удалось создать Международный военный трибунал, вошедший в историю как Нюрнбергский трибунал. Безусловно, что Устав данного трибунала имел наравне с Уставом ООН огромное значение для всего послевоенного мира, так как наряду с новым мировым правопорядком формировались представления о том, какие деяния являются международными преступлениями.

В Организации Объединенных Наций, согласно статье 33 Устава, изначально предусматривалось большее количество мирных средств разрешения международных споров (переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным органам или соглашениям, или иным мирным средствам по своему выбору⁴), по сравнению с тем арсеналом, который был у Лиги Наций. Учреждение Международного суда ООН создало не только механизм защиты провозглашенных принципов и норм, но и систематизировало источники международного права, на основании которых могут приниматься решения⁵. Однако в статье 95 уточнялось, что государства могут обращаться и в другие суды на основании уже имевшейся практики.

Эта идея затем неоднократно воспроизводилась при учреждении новых международных судов и стала важным средством обеспечения преодоления кризисных явлений в международном праве. Так, согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (часть XV) сторонам предоставлен выбор из четырех вариантов: Международный суд ООН; Международный трибунал по морскому праву; общий арбитраж; специализированный арбитраж для споров, порожденных расхождениями в толковании сугубо технических или естественно-научных вопросов [1, с. 35]. При этом указанный список не является закрытым для спорящих сторон.

Положительным моментом для преодоления кризисных явлений в международно-правовой сфере является также то, что существует практика,

³ Акт о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны / ред.-сост. С. Майоров. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 3. С. 480–481.

⁴ Устав ООН (полный текст) // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.09.2024).

⁵ Статут // Международный Суд: официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 21.09.2024).

предусматривающая, что если стороны недовольны решением международного регионального суда, они имеют право обратиться в орган международного правосудия на универсальном уровне. Так, когда Международный экономический комитет обратился в Экономический Суд Содружества Независимых Государств (СНГ) с запросом о толковании части четвертой статьи 31 Договора о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 года, предусматривающей для государств-участников возможность урегулирования спорных вопросов в других международных судебных органах, помимо Экономического Суда СНГ⁶, то получил ответ, что стороны могут обращаться в Международный суд ООН и Постоянную палату третейского суда в Гааге.

Однако развитие международных судов может сопровождаться развитием не только позитивных, но и негативных тенденций.

Во-первых, обращение в международные судебные органы влечет за собой серьезные последствия для участников спора, так как вынесенное судом решение признается обязательным для исполнения. Если государства игнорируют его, кризисные явления не преодолеваются, а нарастают. Так, США отказывались выполнять решение Международного суда ООН по делу «Никарагуа против США», которое было инициировано Никарагуа 9 апреля 1984 года в связи с поддержкой США посредством финансирования, обучения, вооружения и снабжения провиантом никарагуанской антиправительственной группировки контрас, постоянными вторжениями в водное и воздушное пространство страны, а также в минировании внутренних и территориальных никарагуанских вод [24]. Это был первый случай в практике Международного суда ООН, когда встал вопрос о том, что должен вмешаться Совет Безопасности.

Во-вторых, судебный активизм, прежде всего в сфере защиты прав человека, привел к кризисным явлениям в отношениях международных судов и некоторых государств-участников. В частности, это относится к практике Европейского суда по правам человека, который сначала стал обобщать характерные для каждого государства нарушения, а затем требовать серьезных изменений в национальных правовых системах, даже путем внесения поправок в Конституции. Такую практику Совета Европы пытается преодолеть Африканский союз, приняв в 2008 году решение о создании Африканского суда справедливости и прав человека, совмещающего функции главного судебного органа международной организации и международного суда по правам человека [11, с. 74].

В-третьих, кризис может быть связан с непризнанием юрисдикции суда государством-ответчиком. Например, Гвинея пыталась не признать юрисдикцию Международного трибунала по морскому праву по делу о задержании танкера «Сайга» [27] и даже устроить национальный суд над задержанными членами экипажа. Однако жесткая позиция трибунала заставила отказаться от такого шага.

⁶ Договор стран СНГ от 24.09.1993 г. «О создании Экономического союза» // Бюллетень международных договоров. 1995. № 1.

В-четвертых, участие в судебном процессе имеет высокую стоимость. Во многом это не позволяет в полной мере развиваться международному экологическому правосудию, требующему проведения высокочрезвычайных и долгих по времени экспертиз, поэтому государства предпочитают на двустороннем уровне договариваться о компенсации за нанесенный другому государству экологический ущерб.

Результаты исследования

Кризисные явления в международном праве носят периодический характер и свойственны для всех эпох, в рамках которых происходило общение между народами. На протяжении многих веков человечество пыталось с помощью различных юридических средств предотвращать такие кризисы, а если они все-таки случались, — находить адекватные средства выхода из них.

Международное правосудие развивалось как один способ преодоления кризисных явлений в международном праве. Именно это заставило исследователей еще во второй половине XIX века отнести обращение в международные суды к мирным средствам разрешения международных споров. Созданная система органов международного правосудия позволила предотвратить разрастание многих политических конфликтов и кризисов, однако решения судов или их игнорирование, в свою очередь, тоже могут служить причиной кризисов на международной арене.

Список источников

1. Абгарян Д. Р. Роль Международного трибунала по морскому праву в системе средств мирного разрешения международных споров // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2014. № 5-6 (132-133). С. 35–38.
2. Афанасьев М. А., Голубева Т. Ю. Международный Суд ООН // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4 (декабрь). С. 139–144.
3. Бурякс Ж. М. Вклад Нюрнбергского трибунала в становление системы принципов международного уголовного правосудия // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17. № 1. С. 94–102.
4. Валеев Р. М. Роль России в проведении Гаагских конференций мира (к 100-летию II Гаагской конференции мира) // Российский ежегодник международного права. 2007. СПб.: Россия-Нева, 2008. С. 52–61.
5. Власова Г. Б. Международное уголовное правосудие: история и современность // Эволюция государственных и правовых институтов в современной России. Ученые записки. Ростов н/Д.: Ростовск. гос. экон. ун-т «РИНХ», 2019. С. 24–35.
6. Волеводз А. Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2 (5). С. 55–68.
7. Голоскоков Л. В. Международное финансовое право, финансовое право России и доктрина как инструменты выхода из кризиса // Образование и право. 2016. № 4. С. 78–87.

8. Гуськова Е. Ю. Международное право для избранных: уроки балканского кризиса // *Обозреватель*. 2020. № 5 (364). С. 93–102.
9. Евлашкина Д. История, особенности становления международного уголовного правосудия // *Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сб. ст. по результатам II Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / под ред. С. А. Трофимова, Е. В. Евсиковой*. Симферополь: Ариал, 2023. С. 1390–1398.
10. Зангиев С. В. Международный трибунал по морскому праву: история и компетенция // *Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. П. Н. Дурневой, Ю. Н. Шаповалова*. Пятигорск: Пятигорск. гос. ун-т, 2020. С. 283–288.
11. Институт правосудия Африканского Союза: история, структура и компетенция / И. А. Ананских [и др.] // *Юридическая наука: история и современность*. 2016. № 6. С. 171–178.
12. Камаровский Л. А. О международном суде. М.: Типография Т. Малинского, 1881. 542 с.
13. Котляревский С. А. Кризис международного права // *Право и жизнь*. 1922. Кн. 1 (Июнь). С. 80–82.
14. Матчанова З. Ш. Цели международно-правовой ответственности: понятие и значение // *Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки»*. 2024. № 3 (55). С. 60–70.
15. Мусаелян Л. А. Некоторые соображения о кризисе международного права // *Пятый Пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. А. Кузнецова*. Пермь: Пермск. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. С. 248–250.
16. Назария С. М. Косовский кризис и международное право // *Московский журнал международного права*. 2004. № 3. С. 48–66.
17. Нюрнбергский процесс: торжество правосудия или суд победителей? (Размышления над книгой А. Н. Савенкова «Нюрнберг: приговор во имя мира») / И. М. Рагимов [и др.] // *Государство и право*. 2022. № 12. С. 7–26.
18. Павлик М. Ю., Шепелёва О. Р. Международные нормативные правовые акты об ответственности за террористический акт // *Ленинградский юридический журнал*. 2016. № 2. С. 128–137.
19. Патрин Д. А. Центральноамериканская палата правосудия // *Современное право*. 2017. № 9. С. 134–138.
20. Пашенцев Д. А. Суд, мораль и закон (к 180-летию со дня рождения выдающегося русского юриста Анатолия Федоровича Кони) // *Журнал российского права*. 2024. Т. 28, № 12. С. 5–16.
21. Степашин С. В. Приоритеты обеспечения евразийской конкурентоспособности в условиях кризиса международного права и санкций // *Право интеллектуальной собственности*. 2022. № 2. С. 5–7.
22. Таубе М. А. Граф Леонид Алексеевич Камаровский (некролог). СПб.: Сенатская типография, 1913. 13 с.
23. Толстых В. Л. Кризис международного права: диагноз // *Закон*. 2022. № 12. С. 122–133.
24. Федулова К. А. Решение Международного суда ООН от 27 июня 1986 года по делу «Никарагуа против Соединенных Штатов Америки»: влияние на институт применения силы и дальнейшее его развитие в международном праве // *Молодой ученый*. 2017. № 49 (183). С. 280–282.

25. Шпаковский Ю. Г. Лига Наций // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2020. № 12. С. 249–256.
26. Энтин М. Л. Опыт организации и деятельности Центральноамериканского суда // Международные суды и международное право. Сборник обзоров / под ред. Ю. Л. Алитванникова. М.: Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, 1986. С. 186–193.
27. Abgarjan D. Споры о незамедлительном освобождении задержанных судов и экипажей в практике Международного трибунала по морскому праву // Международное право. 2014. № 3. С. 201–226.
28. Habermas J. The crisis of the European Union in the light of a constitutionalization of international law // The European journal of international law. Oxford, 2012. Vol. 23, № 2. P. 335–348.
29. Law-Making and Legitimacy in International Humanitarian Law / Kreiger H. (ed.) & Püschmann, J. (ed.). Edward Elgar Publishing, 2021. 488 p.
30. Zamir N., Kielsgard M. D. Teaching International Law in Jurisdictions with International Law Crisis // ICL Journal. 2020. Vol. 13. I. 3. P. 259–280.

References

1. Abgaryan D. R. Rol' Mezhdunarodnogo tribunala po morskому pravu v sisteme sredstv mirnogo razresheniya mezhdunarodny`x sporov // Predstavitel`naya vlast` — XXI vek: zakonodatel`stvo, kommentarii, problemy`. 2014. № 5-6 (132-133). S. 35–38.
2. Afanas`ev M. A., Golubeva T. Yu. Mezhdunarodny`j Sud OON // Tavricheskij nauchny`j obozrevatel`. 2015. № 4 (dekabr`). S. 139–144.
3. Buryaks Zh. M. Vklad Nyurnbergskogo tribunala v stanovlenie sistemy` principov mezhdunarodnogo ugovnogo pravosudiya // Vestnik e`konomiki, upravleniya i prava. 2024. T. 17, № 1. S. 94–102.
4. Valeev R. M. Rol' Rossii v provedenii Gaagskix konferencij mira (k 100-letiyu II Gaagskoj konferencii mira) // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 2007. SPb.: Rossiya-Neva, 2008. S. 52–61.
5. Vlasova G. B. Mezhdunarodnoe ugovnoe pravosudie: istoriya i sovremennost` // E`volyuciya gosudarstvenny`x i pravovy`x institutov v sovremennoj Rossii. Ucheny`e zapiski. Rostov n/D.: Rostovsk. gos. e`kon. un-t «RINX», 2019. S. 24–35.
6. Volevodz A. G. Mezhdunarodnoe ugovnoe pravosudie: ot idei k sovremennoj sisteme // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2009. № 2 (5). S. 55–68.
7. Goloskokov L. V. Mezhdunarodnoe finansovoe pravo, finansovoe pravo Rossii i doktrina kak instrumenty` vy`hoda iz krizisa // Obrazovanie i pravo. 2016. № 4. S. 78–87.
8. Gus`kova E. Yu. Mezhdunarodnoe pravo dlya izbranny`x: uroki balkanskogo krizisa // Obozrevatel`. 2020. № 5 (364). S. 93–102.
9. Evlashkina D. Istoriya, osobennosti stanovleniya mezhdunarodnogo ugovnogo pravosudiya // Voprosy` sudebnoj deyatel`nosti i pravoprimeneniya v sovremenny`x usloviyax: sb. st. po rezul`tatam II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. / pod red. S. A. Trofimova, E. V. Evsikovoj. Simferopol`: Arial, 2023. S. 1390–1398.
10. Zangiev S. V. Mezhdunarodny`j tribunal po morskому pravu: istoriya i kompetenciya // Aktual`ny`e problemy` pravosudiya i pravooxranitel`noj deyatel`nosti: materialy` I Vseros. nauch.-prakt. konf. / pod red. P. N. Durnevoj, Yu. N. Shapovalova. Pyatigorsk: Pyatigorsk. gos. un-t, 2020. S. 283–288.

11. Institut pravosudiya Afrikanskogo Soyuza: istoriya, struktura i kompetenciya / I. A. Ananskix [i dr.] // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016. № 6. S. 171–178.
12. Kamarovskij L. A. O mezhdunarodnom sude. M.: Tipografiya T. Malinskogo, 1881. 542 s.
13. Kotlyarevskij S. A. Krizis mezhdunarodnogo prava // Pravo i zhizn'. 1922. Kn. 1 (Iyun'). S. 80–82.
14. Matchanova Z. Sh. Celi mezhdunarodno-pravovoj otvetstvennosti: ponyatie i znachenie // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2024. № 3 (55). S. 60–70.
15. Musaelyan L. A. Nekotorye soobrazheniya o krizise mezhdunarodnogo prava // Pyatyj Permskij mezhdunarodnyj kongress ucheny'x-yuristov: materialy` Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. O. A. Kuzneczova. Perm': Permsk. gos. nacz. issled. un-t, 2014. S. 248–250.
16. Nazariya S. M. Kosovskij krizis i mezhdunarodnoe pravo // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2004. № 3. S. 48–66.
17. Nyurnbergskij process: torzhestvo pravosudiya ili sud pobeditelej? (Razmyshleniya nad knigoj A. N. Savenkova «Nyurnberg: prigovor vo imya mira») / I. M. Ragimov [i dr.] // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 12. S. 7–26.
18. Pavlik M. Yu., Shepelyova O. R. Mezhdunarodny'e normativny'e pravovy'e akty` ob otvetstvennosti za terroristicheskij akt // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 2. S. 128–137.
19. Patrín D. A. Central'noamerikanskaya palata pravosudiya // Sovremennoe pravo. 2017. № 9. S. 134–138.
20. Pashencev D. A. Sud, moral' i zakon (k 180-letiyu so dnya rozhdeniya vy`dayushhegosya russkogo yurista Anatoliya Fedorovicha Koni) // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. T. 28, № 12. S. 5–16.
21. Stepashin S. V. Prioritety` obespecheniya evrazijskoj konkurentosposobnosti v usloviyax krizisa mezhdunarodnogo prava i sankcij // Pravo intellektual'noj sobstvennosti. 2022. № 2. S. 5–7.
22. Taube M. A. Graf Leonid Alekseevich Kamarovskij (nekrolog). SPb.: Senatskaya tipografiya, 1913. 13 s.
23. Tolsty`x V. L. Krizis mezhdunarodnogo prava: diaznoz // Zakon. 2022. № 12. S. 122–133.
24. Fedulova K. A. Reshenie Mezhdunarodnogo suda OON ot 27 iyunya 1986 goda po delu «Nikaragua protiv Soedinenny`x Shtatov Ameriki»: vliyanie na institut primeneniya sily` i dal'nejshee ego razvitie v mezhdunarodnom prave // Molodoj uchenyj. 2017. № 49 (183). S. 280–282.
25. Shpakovskij Yu. G. Liga Nacij // Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina. 2020. № 12. S. 249–256.
26. E`ntin M. L. Opy`t organizacii i deyatel'nosti Central'noamerikanskogo suda // Mezhdunarodny'e sudy` i mezhdunarodnoe pravo. Sbornik obzоров / pod red. Yu. L. Alitvannikova. M.: Institut nauchnoj informacii po obshhestvenny`m naukam AN SSSR, 1986. S. 186–193.
27. Abgarjan D. Spory` o nezamedlitel`nom osvobozhdenii zaderzhanny`x sudov i e`kizpazhej v praktike Mezhdunarodnogo tribunala po morskomu pravu // Mezhdunarodnoe pravo. 2014. № 3. S. 201–226.

28. Habermas J. The crisis of the European Union in the light of a constitutionalization of international law // *The European journal of international law*. Oxford, 2012. Vol. 23, № 2. P. 335–348.

29. *Law-Making and Legitimacy in International Humanitarian Law* / Kreiger H. (ed.) & Püschmann, J. (ed.). Edward Elgar Publishing, 2021. 488 p.

30. Zamir N., Kielsgard M. D. Teaching International Law in Jurisdictions with International Law Crisis // *ICL Journal*. 2020. Vol. 13. I. 3. P. 259–280.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

УДК 343.8

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-35-46

Л. Б. Смирнов

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена,

Санкт-Петербург, Российская Федерация,

lbs1958@yandex.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ФУНКЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье исследуются функции пенитенциарной системы, анализируется актуальность реализации функций, стоящих перед исправительными учреждениями.

В процессе исследования использовались общенаучные методы: сравнительно-правовой, формально-логический, индукции, дедукции и синтеза. Кроме того, применялись методы юридического и технического анализа, а также системно-структурный метод.

В результате было обосновано положение о пенитенциарной системе, которая объединяет подходы к исполнению наказания, исправлению осужденных и предупреждению преступлений, с учетом достижений пенитенциарной науки и практики, а также реальных ресурсных возможностей.

Аргументирована необходимость поиска и внедрения новых средств исправительного воздействия на осужденных в современных условиях.

Сделан вывод о том, что пенитенциарная система России продолжает развиваться и совершенствоваться, стремясь к достижению высоких стандартов исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: исправление, осужденные, наказание, ответственность, исправительные учреждения.

UDC 343.8

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-35-46

L. B. Smirnov

Herzen University,
Saint Petersburg, Russian Federation,
lbs1958@yandex.ru

THE RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM: FUNCTIONS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Abstract. The article examines the functions of the penitentiary system, analyzes the relevance of the implementation of the functions facing correctional institutions.

In the course of the research, general scientific methods were used: comparative law, induction, deduction and synthesis.

A formal logical general scientific method was applied. In addition, the methods of legal and technical analysis, as well as the system-structural method were applied.

As a result of the application of the above methods, the provision on the penitentiary system was justified, which combines approaches to the execution of punishment, correction of convicts and prevention of crimes, taking into account the achievements of penitentiary science and practice, as well as real resource opportunities. The necessity of searching for and introducing new means of correctional influence on convicts in modern conditions is argued.

It is concluded that the Russian penitentiary system continues to develop and improve, striving to achieve high standards of execution of criminal penalties. Innovative approaches to working with convicts are being introduced in correctional institutions, and the correctional process is being improved.

Keywords: correction; convicts; punishment; responsibility; correctional institutions.

Введение

Пенитенциарная система представляет собой сложный комплекс мер и институтов, предназначенных для осуществления наказания в виде лишения свободы и исправления осужденных. Таким образом, понятие «пенитенциарные учреждения» тождественно понятию «исправительные учреждения».

Пенитенциарная система играет важную роль в обществе, обеспечивая выполнение решений судебных органов о лишении свободы осужденных, однако ее задачи не ограничиваются содержанием осужденных в условиях изоляции от внешней среды и предусматривают их исправление.

Пенитенциарные учреждения реализуют соответствующие им функции: исполнительную — исполнение наказания; социализаторскую; профилактическую — предупреждение преступлений; правоохранительную — обеспечение прав, свобод и законных интересов осужденных, обеспечение здоровья осужденных; экономическую.

С учетом актуальности темы исследования требуется анализ функций и основных направлений пенитенциарной системы.

В настоящей публикации хотя и не предполагается полного исследования и анализа всех проблем пенитенциарной системы, но выявление и анализ ключевых аспектов вполне возможны и необходимы.

Методы исследования

В исследовании пенитенциарной системы мы придерживались методологического подхода и использовали следующие методы:

- метод анализа для изучения ее текущего состояния;
- формально-логический и системно-структурный методы при рассмотрении ее целей и задач;
- методы анализа, синтеза и индукции для изучения функций и основных направлений развития данной системы;
- системно-структурный и сравнительно-правовой методы анализа для исследования средств и механизмов реализации функций пенитенциарных учреждений.

Основное исследование

В юридической литературе и международном праве термин «пенитенциарная система» широко используется для обозначения проблем исполнения наказаний и обращения с осужденными. Однако в законодательстве не предоставлено четкого определения этого понятия, что приводит к различным трактовкам в литературе и законодательной практике.

Анализ научной литературы позволяет сказать, что пенитенциарную систему понимают довольно широко: во-первых, как систему учреждений и органов, ответственных за исполнение уголовных наказаний; во-вторых, как исправительную систему, связанную с исправлением осужденных; в-третьих, как совокупность мест лишения свободы, делая акцент на физическом исполнении лишения свободы, что подразумевает наличие различных видов исправительных учреждений. Каждый из указанных подходов имеет свои аргументы и право на существование. Однако наша позиция заключается в том, что понимание пенитенциарной системы во втором и третьем случаях наиболее точно отражает ее истинное значение.

Базу пенитенциарной системы составляют различные виды исправительных учреждений, включая исправительные колонии, тюрьмы, следственные изоляторы и лечебные учреждения. В последнее время наблюдается устойчивая тенденция к постепенному сокращению числа мест лишения свободы и численности осужденных, содержащихся в них.

Снижение количества лиц, находящихся в местах лишения свободы, происходит за счет применения альтернативных наказаний. Это позволяет снизить

перегрузку исправительных учреждений, а также облегчить процесс реинтеграции осужденных в общество.

На 1 января 2023 года в исправительных учреждениях ФСИН России содержалось 330 тыс. осужденных к лишению свободы, что на 100 тыс. осужденных меньше по сравнению с аналогичным периодом 2020 года. Количество исправительных учреждений на 1 января 2023 года составляло 560 колоний, что на 120 колоний меньше, чем было на 1 января 2020 года. Это достигается за счет увеличения числа осуждаемых к наказаниям, которые не требуют их изоляции от общества. Таким образом, качественно изменяется состав осужденных, отражая изменения в сфере преступности.

Пенитенциарные учреждения в современный период выполняют основную функцию — исполнение наказания в виде лишения свободы. Исполнительская функция пенитенциарных учреждений состоит из двух аспектов. С одной стороны, она связана с исполнением кары, которая представляет собой набор ограничений, определенных природой самого наказания в виде лишения свободы. С другой стороны, она включает в себя также установленный законом порядок исполнения наказания в виде лишения свободы (пенитенциарный режим).

В пенитенциарном режиме отражается сущность и содержание лишения свободы в виде комплекса применяемых к осужденному мер принуждения и правоограничений. В контексте исправительных учреждений пенитенциарный режим представляет собой слаженную систему организации и управления, направленную на достижение целей исполнения наказания, предотвращения преступлений, исправления и социальной реабилитации осужденных.

Ограничения, накладываемые на осужденных к лишению свободы, направлены на установление контроля и предотвращение повторных преступлений. Они предусматривают различные ограничения: свободы передвижения, доступа к определенным предметам и услугам, а также связи с внешним миром.

Исполнение лишения свободы требует учета индивидуальности каждого осужденного и особенностей совершенного преступления. В этом процессе применяются всевозможные методы и подходы, в том числе классификация осужденных, оценка их психологического и физического состояния, а также планирование и реализация программ исправления и социальной адаптации.

Осуществление уголовно-исполнительного процесса в местах лишения свободы происходит в строгом соответствии с нормами пенитенциарного режима, заключающегося в своде правил и требований, определенных нормами уголовно-исполнительного права, которые устанавливают правопорядок и обеспечивают исполнение наказания. В пенитенциарном режиме отражается сущность и содержание лишения свободы в виде комплекса применяемых к осужденному мер принуждения и правоограничений. В данном контексте пенитенциарный режим — это система организации и управления в исправительных учреждениях, которая направлена на достижение целей исполнения наказания, предупреждения преступлений, исправления и социальной адаптации осужденных.

Режим и условия содержания осужденных дифференцированы и также могут варьироваться в пределах одного вида исправительного учреждения. В рамках одной исправительной колонии осужденные могут находиться в обычных, облегченных или строгих условиях отбывания наказания. В дополнение к этому осужденные, находящиеся в воспитательных колониях, могут находиться в льготных условиях. В тюрьмах установлен общий и строгий режим содержания.

Социализаторская функция пенитенциарной системы реализует задачи исправления осужденных. Целью этой функции служит формирование у осужденных ценностей и навыков, которые помогут им успешно интегрироваться в общество после освобождения. Социализаторская функция достигается при помощи основных средств исправления, указанных в части 2 статьи 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. К ним относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие.

Пенитенциарный режим как средство исправительного воздействия основан на систематическом, длительном и строгом соблюдении правил поведения. Кроме того, пенитенциарный режим предоставляет осужденным возможность получить образование и профессию. Он может послужить толчком к нравственному совершенствованию личности, помогая осужденным осознать свои ошибки и преодолеть свои негативные черты.

Воспитательная работа рассматривается как наиболее существенное средство исправления осужденных к лишению свободы. Она направлена на переформатирование сознания и поведения личности осужденного.

Одно из первостепенных средств исправления осужденных — формирование у них позитивной юридической ответственности [1, с. 70], которая предусматривает выработку осознанного отношения к праву, что содействует не только соблюдению правил, но и формированию уважения прав других людей и социальных норм. Именно через воспитание уважения к праву и осознание его значимости осужденные могут интегрироваться в общество, где соблюдение законов и уважение прав других становятся нормой поведения. Перспективное положительное начало в сфере позитивной юридической ответственности по отношению к осужденным служит основой для эффективного исправительного воздействия. Таким образом, процесс исправления осужденных заключается в формировании позитивной юридической ответственности.

Эффективным методом реабилитации осужденных к лишению свободы признан общественно полезный труд. В советский период практически все заключенные были задействованы в трудовой деятельности, что способствовало их социализации и реинтеграции в общество после отбытия наказания. Однако со временем процент заключенных, занятых на производстве, стал снижаться, что негативно сказалось на процессе их исправления.

Согласно статистике, в настоящее время лишь около половины осужденных женщин (50,7 %) и менее четверти осужденных мужчин (37,2 %) участвуют

в общественно полезном труде. Это свидетельствует о неэффективности системы исправительных учреждений и необходимости внедрения новых подходов к реабилитации заключенных [2, с. 27]. При поступлении в учреждения уголовно-исполнительной системы основная часть осужденных лишена профессиональных и трудовых навыков, либо они потеряли их со временем. Это создает определенные трудности при ресоциализации осужденных и их последующем возвращении в общество. Кроме того, в последние десятилетия в места лишения свободы поступает значительное количество осужденных, не имеющих образования. Исправительные учреждения вынуждены заниматься профессиональной подготовкой и трудоустройством осужденных с нулевыми навыками. В то же время отсутствие общего образования у значительной части осужденных можно расценивать как тревожное явление.

Общественное воздействие выступает основным средством исправления осужденных к лишению свободы. Оно может смягчить негативное влияние изоляции и окружения на личность осужденного. Важно понимать, что общественное воздействие может оказать значительное влияние на процесс реабилитации осужденных и их успешное возвращение в общество после отбытия наказания.

В настоящее время является востребованным религиозное воздействие на осужденных. Многие религиозные институты, включая Русскую православную церковь, видят источник преступности в духовных и моральных изъянах человека. Они сосредотачиваются на воспитании и просвещении, чтобы укрепить духовные и нравственные ценности в обществе, предполагая, что это может предупреждать преступления. Для Церкви важно не только обращаться к исправлению лиц, уже совершивших преступления, но и предотвращать их возникновение [3, с. 110]. Воспитание, основанное на духовных ценностях, может способствовать формированию здоровых нравственных установок и образа мышления у осужденных, что, в свою очередь, может снизить вероятность совершения новых преступлений.

Функция предупреждения правонарушений в исправительных учреждениях заключается, прежде всего, в создании организационно-правовых условий, которые делают совершение правонарушений крайне сложным или даже невозможным во время исполнения наказания. Общее предупреждение заключается в удерживании индивидов от совершения преступлений посредством угрозы принуждений и ограничений, связанных с уголовным наказанием.

Функция обеспечения безопасности осужденных и персонала пенитенциарных учреждений представляет собой систему обеспечения, регулирования и защиты общественных отношений от нежелательных и разрушительных воздействий, способных угрожать участникам уголовно-исполнительных отношений. Ряд внешних и внутренних факторов значительно усилили угрозу нормальному функционированию исправительных учреждений. На сегодняшний день существуют угрозы со стороны криминальных структур, находящихся на свободе, а также от их лидеров.

Основные аспекты обеспечения пенитенциарной безопасности включают в себя несколько ключевых факторов, которые необходимо учитывать для эффективного контроля и предотвращения инцидентов в учреждениях. Физическая безопасность играет важную роль в обеспечении защиты как сотрудников, так и осужденных. Ее обеспечение предполагает не только наличие средств безопасности, таких как камеры наблюдения, ограждения и системы тревоги, но и обучение персонала правилам безопасности и процедурам эвакуации в случае чрезвычайных ситуаций.

Угроза пенитенциарной безопасности заключается в наличии асоциальной, криминальной субкультуры в местах лишения свободы [4, с. 296]. Лидеры группировок осужденных отрицательной направленности, имея определенный статус и влияние внутри учреждений, могут организовывать противозаконные действия и манипулировать другими осужденными.

Среди основных функций пенитенциарных учреждений следует назвать функцию обеспечения здоровья осужденных и персонала. Уголовно-исполнительное законодательство, в свою очередь, предусматривает целый ряд норм и институтов, нацеленных на сохранение здоровья осужденных и снижение губительного влияния вредных факторов, которые могут негативно сказываться на их состоянии здоровья.

Охрана здоровья осужденных — неотъемлемая часть исполнения наказания, которая играет важную роль с гуманитарной точки зрения, а также с позиции общественной безопасности и успешного реабилитационного процесса. Обеспечение надлежащей медицинской помощи осужденным направлено не только на сохранение их физического и психического здоровья, но и на предотвращение распространения инфекционных заболеваний в тюремной среде и обществе в целом.

Экономическая функция пенитенциарной системы носит традиционный характер. Привлечение осужденных к труду заключается в том, чтобы осужденные не только работали в целях улучшения собственного благосостояния, но и вносили свой вклад в общество.

Важно отметить, что экономическая функция должна рассматриваться в контексте исправления осужденных. Предоставление возможности для трудовой занятости во время отбывания наказания помогает осужденным восстановить ответственность, научиться новым навыкам и подготовиться к успешному возвращению в правопослушное общество.

В настоящее время существует неотложная потребность в установлении четких и обязательных императивов в области уголовно-исполнительных правоотношений, что обусловлено рядом факторов, оказывающих значительное влияние на наше государство. Важно понимать, что эти нормы необходимы для обеспечения эффективного функционирования пенитенциарной системы, а также для защиты прав, свобод и законных интересов заключенных.

Взросшее геополитическое противостояние, военное и экономическое противоборство требуют производственной мобилизации, что ставит перед

пенитенциарными учреждениями качественно новые приоритеты [5, с. 466]. Для успешной производственной мобилизации необходимо принять целый комплекс мер, включающий в себя модернизацию оборудования, обучение персонала, разработку новых методов и технологий работы. Благодаря этому учреждения исполнения наказаний смогут адаптироваться к изменяющимся условиям и эффективно функционировать в новых геополитических реалиях. В условиях современной реальности необходимо развивать и совершенствовать производственные процессы в учреждениях исполнения наказаний для обеспечения их эффективной работы и достижения поставленных целей.

Интеграция исправительных учреждений в государственный сектор экономики и их подчинение государственному планированию позволят укрепить и совершенствовать исправительную систему.

Одним из важных направлений развития пенитенциарной системы в России выступает ее гуманизация. Необходимо учитывать современные стандарты прав человека и обеспечить соответствие законов международным нормам. В данном случае имеется в виду улучшение процедур освидетельствования заключенных, контроль за условиями содержания в местах лишения свободы, а также разработка более гибких механизмов индивидуализации уголовного наказания.

В рамках гуманизации пенитенциарной системы следует отметить важность обеспечения осужденным необходимой и качественной медицинской помощи, даже после освобождения в случаях, когда такую помощь нельзя получить в учреждениях. Эта проблема становится все более актуальной в последнее время [6, с. 27]. Гуманизация пенитенциарной системы отражается как в уголовно-исполнительном законодательстве, так и в работе исправительных учреждений. Данный процесс подразумевает улучшение условий содержания осужденных различных категорий, таких как несовершеннолетние, женщины, инвалиды. Одним из значимых факторов гуманизации пенитенциарной системы служит смягчение режима и условий содержания осужденных. При этом предусматривается обеспечение доступа к медицинской помощи, образованию, трудоустройству и другим социальным услугам. Такая тенденция гуманизации охватывает как осужденных за преступления небольшой и средней тяжести, так и осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе тех, кто отбывает пожизненное лишение свободы [7, с. 78].

В целом гуманизация пенитенциарной системы в России направлена на создание условий для человеческого и достойного отбывания наказания, а также на обеспечение возможности реабилитации и реинтеграции осужденных в общество. Это важный шаг на пути к развитию справедливой и гуманной уголовно-исполнительной системы.

Реализация задач, стоящих перед пенитенциарной системой, и выполнение ее функций зависят от множества объективных факторов. Один из существенных моментов — изменения в составе осужденных, которые создают условия

для сосредоточения в местах лишения свободы опасных преступников, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а также осужденных с опасным и особо опасным рецидивом. Качественные изменения в составе осужденных могут оказать значительное влияние на общую ситуацию в пенитенциарной системе [8, с. 5].

Один из способов обеспечения различных условий содержания осужденных — это создание специализированных учреждений для осужденных с высокой степенью опасности. В таких учреждениях можно обеспечить более эффективный контроль и надзор за осужденными, а также предоставить им необходимую помощь и поддержку. Создание специализированных учреждений также позволит снизить вероятность конфликтов и инцидентов между осужденными, что повысит общую безопасность и стабильность в учреждении.

Любые изменения структуры и системы исправительных учреждений продиктованы требованиями времени [9, с. 615]. Сегодня в России происходит перестройка производственно-экономической сферы, связанной с укреплением суверенитета, обороноспособности и безопасности страны. Исправительные учреждения также вовлечены в отмеченные процессы.

Исполнение уголовных наказаний в экстремальных условиях требует особого подхода, учитывающего специфику чрезвычайных ситуаций. Важно принимать во внимание возможные угрозы и риски, связанные с экстремальными обстоятельствами, и разработать соответствующие меры безопасности [10, с. 63].

Для успешного выполнения уголовных наказаний в экстремальных условиях необходимо иметь специальную подготовку и опыт работы в подобных ситуациях. Сотрудники исправительных учреждений должны быть готовы к быстрым и решительным действиям, уметь адекватно реагировать на любые угрозы и обеспечивать безопасность как для заключенных, так и для самих себя. Кроме того, важно наладить эффективное взаимодействие между сотрудниками исправительных учреждений и другими службами, работающими в экстремальных условиях. Только таким образом можно организовать координацию действий и эффективную защиту от возможных угроз.

Одной из возможных функций пенитенциарной системы в условиях военной агрессии против России может стать содержание военнопленных агрессора.

Полагаем, следует определить приоритетные направления развития уголовно-исполнительной системы в настоящее время.

1. Рациональность процесса исполнения наказаний и применения мер исправительного воздействия. Это предполагает создание эффективной системы контроля и управления исполнением наказания, а также оптимизацию процесса отбывания наказания. При этом необходимы сбалансированные исправительные программы.

2. Паритет целей наказания. Следует стремиться к достижению баланса между карательной и социализаторской функциями пенитенциарной системы.

3. Прагматический подход к применению мер исправительного воздействия. Система исполнения наказания должна быть ориентирована на достижение

конкретных результатов и изменение поведения осужденных. Важно использовать инновационные методы и технологии, а также учитывать психологические и социальные аспекты воздействия на осужденных.

4. Безопасность как сотрудников учреждений исполнения наказаний, так и самих осужденных. Для этого следует внедрять современные системы видеонаблюдения, контроля доступа и обеспечения личной безопасности. Также необходимо усилить контроль за внедрением запрещенных предметов и средств связи в учреждениях, чтобы предотвратить их использование для совершения противоправных действий.

5. Самообеспечение пенитенциарных учреждений за счет эффективной производственно-хозяйственной деятельности. Следует развивать производство товаров и услуг в учреждениях исполнения наказаний, чтобы сократить зависимость от бюджетного финансирования.

Результаты исследования

Пенитенциарная система стремится к созданию современной модели, которая сочетает в себе передовые подходы к исполнению наказания, реабилитации осужденных и предотвращению преступлений.

Пенитенциарная система должна быть не только эффективной, но и гуманной. Осужденные имеют право на достойные условия содержания, защиту своих прав, свобод и законных интересов.

Одним из ключевых аспектов эффективной реализации задач пенитенциарной системы является углубление дифференциации режимов содержания осужденных. Разделение осужденных на категории, учитывающие степень опасности их преступных деяний, позволит рационально определить режим и условия содержания каждой группы.

В целях коррекции исправительного процесса необходимо осуществлять формирование позитивной юридической ответственности осужденных и традиционных для русско-российской культуры нравственных ценностей.

Список источников

1. Смирнов Л. Б. Теоретические и пенитенциарные аспекты цели исправления осужденных // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2. С. 64–72.

2. Грушин Ф. В. Некоторые направления развития современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 3 (9). С. 26–32.

3. Скоморох О. А., Смирнов Л. Б. К вопросу правового регулирования межрелигиозной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. № 2 (47). 2020. С. 110–115.

4. Смирнов Л. Б. Пенитенциарная безопасность: теоретические и организационно-правовые аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17. № 3. С. 295–300.

5. Зинин Г. Ю. Цели уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4). № 4. С. 463–470.
6. Грушин Ф. В. Некоторые направления развития современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 3 (9). С. 26–32.
7. Грушин Ф. В. Некоторые векторы уголовно-исполнительной политики // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: сб. тезисов выступлений и докладов участников Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголовных наказаний, Рязань, 17–18 ноября 2022 г.: в 2 т. / Академия ФСИН России. Т. 1. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 76–80.
8. Кириллов М. А. Актуальные вопросы раздельного содержания осужденных в исправительных учреждениях России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 3. С. 4–7.
9. Савушкин С. М. Дифференциация осужденных к лишению свободы в условиях трансформации системы и структуры исправительных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 4. С. 612–615.
10. Скиба А. П. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения (о результатах работы авторского коллектива) // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2019. № 3. С. 62–28.

References

1. Smirnov L. B. Teoreticheskie i penitenciarny`e aspekty` celi ispravleniya osuzhdenny`x // Izvestiya Tul`skogo gosudarstvennogo universiteta. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. 2022. № 2. S. 64–72.
2. Grushin F. V. Nekotory`e napravleniya razvitiya sovremennoj ugodovno-ispolnitel`noj politiki Rossijskoj Federacii // Vestnik Tomskogo instituta povы`sheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. 2021. № 3 (9). S. 26–32.
3. Skomorox O. A., Smirnov L. B. K voprosu pravovogo regulirovaniya mezhreligioznoj deyatel`nosti v uchrezhdeniyax, ispolnyayushhix nakazanie // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. № 2 (47). 2020. S. 110–115.
4. Smirnov L. B. Penitenciarная bezopasnost`: teoreticheskie i organizacionno-pravovy`e aspekty` // Ugodovno-ispolnitel`noe pravo. 2022. Т. 17. № 3. S. 295–300.
5. Zinin G. Yu. Celi ugodovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva // Ugodovno-ispolnitel`noe pravo. 2023. Т. 18 (1–4), № 4. S. 463–470.
6. Grushin F. V. Nekotory`e napravleniya razvitiya sovremennoj ugodovno-ispolnitel`noj politiki Rossijskoj Federacii // Vestnik Tomskogo instituta povы`sheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. 2021. № 3 (9). S. 26–32.
7. Grushin F. V. Nekotory`e vektory` ugodovno-ispolnitel`noj politiki // Ugodovno-ispolnitel`naya sistema na sovremennom e`tape s uchetom realizacii Konceptcii razvitiya ugodovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: sb. tezi-sov vy`stupenij i dokladov uchastnikov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. po problemam ispolneniya ugodovny`x nakazaniy, Ryazan`, 17–18 noyabrya 2022 g.: v 2 t. / Akademiya FSIN Rossii. Т. 1. Ryazan`: Akademiya prava i upravleniya Federal`noj sluzhby` ispolneniya nakazaniy, 2022. S. 76–80.

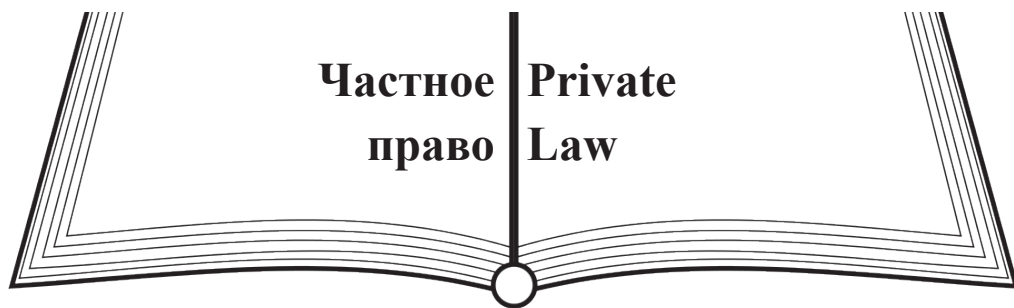
8. Kirillov M. A. Aktual'ny'e voprosy' razdel'nogo sodержaniya osuzhdenny'x v ispravitel'ny'x uchrezhdeniyax Rossii // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. 2021. № 3. S. 4–7.

9. Savushkin S. M. Differenciaciya osuzhdenny'x k lisheniyu svobody' v usloviyax transformacii sistemy' i struktury' ispravitel'ny'x uchrezhdenij // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2017. T. 25. № 4. S. 612–615.

10. Skiba A. P. Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyax stixijnogo bedstviya, vvedeniya chrezvy'chajnogo ili voennogo polozheniya (o rezul'tatax raboty' avtorskogo kollektiva) // Prolog: zhurnal o prave / Prologue: Law Journal. 2019. № 3. S. 62–28.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

УДК 347.6

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-47-57

Н. Д. Петрова

Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
nava2009@yandex.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ИНСТИТУТОВ ЧЕРЕЗ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Данное исследование направлено на изучение реформирования семейного законодательства, как национального, так и международного, в эпоху информационного общества, а также причин, которые послужили катализатором реформ.

Преобразования, происходящие в обществе, неизменно затрагивают различные сферы человеческих отношений. С переходом в информационную эру ориентиры и ценности человечества также претерпели изменения, что, несомненно, привело к образованию новых, нетипичных форм брака и семьи, трансформации традиционных институтов семейного права. Особенно качественные изменения в изучаемой сфере видны в рамках последних двадцати лет: частная жизнь в развитых странах радикально меняет свои формы, и часто подобные изменения расцениваются как кризисные. Изучение проявлений указанных модификаций в правовом ключе становится необходимым в целях недопущения уничтожения, вырождения семьи как ключевого общественного института.

Ключевые слова: кризис; семья; брачно-семейные отношения; международное право; национальное право; история.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 24-28-01860 «Кризисы международно-правовой системы и пути их преодоления: исторический опыт».

© Петрова Н. Д., 2025

UDC 347.6

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-47-57

N. D. Petrova

North-West Branch of the Russian State University
of Justice named after V. M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russian Federation,
nava2009@yandex.ru

MANIFESTATION OF THE CRISIS OF MARRIAGE AND FAMILY INSTITUTIONS OF THROUGH TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF FAMILY LAW IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. This study is aimed at studying the reform of family legislation, both national and international, in the era of the information society, as well as the reasons that served as a catalyst for reform.

The transformations taking place in society invariably affect various areas of human relations. With the transition to the information era, the guidelines and values of mankind also underwent changes, which undoubtedly led to the formation of new atypical forms of marriage and family, the transformation of traditional institutions of family law. Especially qualitative changes in the studied area are visible within the last twenty years: private life in developed countries radically changes its forms, and often such changes are regarded as crisis. The study of the manifestations of these modifications in the legal key becomes necessary in order to prevent the destruction and degeneration of the family as a key public institution.

Keywords: crisis; family; marriage-family relations; international law; national law; history.

Acknowledgments: the research was funded by RSF according to the research project № 24-28-01860 «Crises of the international legal system and ways to overcome them: historical experience».

Введение

Брачно-семейные институты в информационном обществе претерпевают безусловное изменение: меняется форма семьи, меняется ее функционал, традиционные ценности уходят в прошлое. Подобная трансформация связана с внедрением в жизнь новых технологий, а также с процессом модернизации семейных отношений: в современном обществе большую ценность представляют работники, ориентированные на карьерный рост, на использование своих интеллектуальных ресурсов и повышение уровня профессионализма, нежели ориентированные в первую очередь на семейные отношения. Между тем семья, будучи фундаментальным институтом общества, служит стабилизации общественных отношений, и от того, каким образом регулируются брачно-семейные институты в том или ином государстве, зависит его будущее.

В части случаев выражается мнение уже не о трансформации институтов семейного права, а о наличии определенного кризиса. Особенно остро именно кризисность проявляется в связи с довольно частым обсуждением на уровне мирового сообщества вопросов гендерного неравенства в части легализации нетрадиционных семейных отношений. Указанный вопрос перестал быть предметом обсуждения лишь в социальной среде: в докладах международных организаций практически повсеместно осуждаются действия ряда стран, которые связаны с притеснением и дискриминацией сексуальных меньшинств, в том числе осуждается и законодательство Российской Федерации.

Семейное право от государства к государству проходит свой путь модификаций и, безусловно, не может не испытывать влияния близлежащих стран и международного регулирования в этой сфере. Для того чтобы определиться с тем, как кризис институтов указанной отрасли права достиг особенно острой фазы, необходимо изучить нормы семейного законодательства Новейшего времени в некоторых отдельно взятых государствах.

Подобный анализ поможет понять, насколько кризис правовых институтов зависим от проводимых реформ в области семейных отношений, либо же кризис указанных институтов порождает необходимость подобного реформирования.

Степень научной разработанности темы

Семейные отношения анализируются учеными из различных сфер исследования. Безусловный вклад в изучение семьи как фундаментального института общества внесли О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, которые при рассмотрении иных процессов и явлений также в научных трудах не могли не уделить внимания и брачно-семейным процессам [3, 9, 11].

До 60-х годов прошлого века при изучении института семьи ведущую роль играла функционалистская теория П. Сорокина, который пытался постичь не только функции семьи, но и процесс ее эволюции, и связи указанного института с иными общественными формами [2, с. 95].

В правовой науке на данный момент сформированы два теоретико-методологических подхода, которые изучают брачно-семейные институты с позиции трансформации и кризиса: согласно первому подходу исследователи говорят о кризисе моногамной семьи (А. И. Антонов, В. М. Медков, А. В. Артюхов и т. п.), согласно второму — изучается трансформация семейных структур (С. И. Голод, Т. А. Гурко, А. Р. Михеева и т. п.)¹.

¹ Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник ОмГУ. Сер.: Экономика. 2015. № 3. С. 193–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-semi-v-usloviyah-sovremennyh-modernizatsionnyh-protsessov> (дата обращения: 11.11.2024).

Методы исследования

Для выявления общих и особенных черт реформирования в области семейных отношений в XX и XXI веках в статье применялись методы синтеза и анализа. Для описания содержания конкретных законов и иных нормативных правовых актов, направленных на регулирование семейных отношений в изучаемых государствах и на международном уровне, использовался формально-юридический метод. Применение сравнительно-правового метода позволило разделить изучаемые государства на две группы: поддерживающие сохранение традиционных ценностей в области брачно-семейных отношений и стремящиеся к трансформации исторически сложившихся в рамках семейного права институтов. Deskриптивный метод был использован для описания риторики изучаемых правовых актов как на национальном, так и на международном уровне.

Основное исследование

В контексте изучаемой темы необходимо провести точечный анализ реформирования семейного законодательства в различных государствах в XX и XXI веках.

Так, если говорить о том, каким образом регулируются семейные отношения в США, необходимо отметить деление государства на штаты, поскольку именно в их компетенции сосредоточены основные полномочия в этой сфере (исключая практику Верховного суда по данному вопросу). Кроме этого, для регулирования изучаемой области значение имеют так называемые единообразные законы, принятые федерацией, однако для штатов они носят лишь рекомендательный характер. Как правило, такие законы посвящены наиболее общим вопросам регулирования семейных отношений, например процедурам брака и развода, алиментированию, мерам социальной поддержки и др.

Если же говорить о том, как с течением времени регулирование брачно-семейных отношений изменялось в этой стране, следует начать с того, что в государстве наиболее активно реформируется семейное законодательство в две волны: в период 60–80-х годов XX века (об этом говорят годы принятия уже упомянутых единообразных законов) и в период последних двадцати лет [7, с. 197]. Первая волна законодательных реформ нацелена на укрепление института семьи, поддержку институтов материнства и детства, в то время как вторая волна отличается принятием законов иного характера, направленных на защиту прав меньшинств, а не семьи традиционного типа.

Для сравнения, так же как и в США, определенный всплеск реформирования семейного законодательства в период 60–70-х годов прошлого века наблюдается и во Франции. Например, группа законов, вступивших в силу в период с 1965 по 1985 год, направлена на расширение прав женщин, в 1977 году

принят закон о брачно-семейных отношениях, и в целом еще с 1913 года (с момента начала предоставления матери оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком) в государстве неизменно до 2000-х годов наращивались меры поддержки семьям и стимулировалось рождение детей.

Однако с момента принятия Акта о гражданской солидарности в 1999 году (фактически узаконившего гомосексуальные пары), аналогично реформам в США, последние десятилетия тенденция развития законодательства складывается исключительно по пути поддержки нетрадиционных типов семейных отношений [10, с. 245].

Высоким уровнем правовой регламентации семейных отношений может похвастаться Германия. В отличие от приведенных ранее примеров, реформы здесь начинают происходить раньше, в частности в 1946 году принимается закон о браке, в 1957 году — закон о равноправии мужа и жены; однако в 1980-е годы избежать реформирования не удастся, и в 1976 году принимается закон о реформе брачного и семейного права. Аналогично французскому законодательству сожителство является юридически значимыми отношениями, а с 2001 года гомосексуальные отношения также признаны законодательно [6, с. 39].

Радикально отличается процесс регулирования брачно-семейных отношений от представленных государств в Израиле. Основное значение здесь имеют религиозные институты, что очень сильно отражается и на реформах законодательства. Полномочия в области семьи и брака здесь принадлежат раввинским судам, при этом судьей фактически может быть только мужчина, имеющий соответствующее свидетельство знатока еврейского закона. Вся система указанных судов до 2004 года находилась в ведении Министерства по делам религий и лишь после перешла в ведение Министерства юстиций. Однако и в такой, казалось бы, жесткой и традиционной системе регулирования традиционного семейного быта имеются исключения. В государстве действует светский Верховный суд, который проповедует доктрину судейского активизма, предоставляющую указанному органу право принимать решения, обязательные для других судов. И именно решением указанного суда на практике были легализованы однополые браки [12, с. 92].

Таким образом, ключевые реформы в западных странах в постиндустриальном обществе практически во всех государствах проходили в одно и то же время — в период с 60-х по 80-е годы XX века, а затем в последние двадцать лет.

Интересным представляется и регулирование семейных отношений в Нидерландах. Кроме типичных источников для национального законодательства — Гражданского кодекса и ряда федеральных законов в области семейного права, для голландского законодательства характерно практически прямое использование статьи 8 Европейской конвенции о защите прав и человека и основных свобод, в свою очередь, повлекшее в дальнейшем изменение национального законодательства в части признания биологическим отцом незаконнорожденного ребенка высланного из страны иностранца.

Значимым следует признать и тот факт, что приблизительно 30 % всех лиц, вступающих в брак, заключают его в форме брачного контракта. Данная практика распространилась по стране особенно после Второй мировой войны. При этом именно Нидерланды стали первым государством Европы, признавшим право на гомосексуальный брак².

В Китае реформирование семейного законодательства прежде всего связано с политикой рождаемости. С 1956 года по настоящее время государство фактически в четыре этапа управляло и управляет демографическими процессами, законодательно то сокращая, то увеличивая количество детей, которых можно иметь в семье³. При этом китайская семья имеет явный патриархальный уклон даже сегодня, несмотря на тенденцию развития нового типа семей, в котором присутствует гендерное равенство. Семьи в Китае преимущественно несколькопоколенные, и, как уже отмечалось, главой семейства обычно является отец [8, с. 217] (что выражается даже в языковых особенностях — все родственники со стороны жены имеют отдельное название, нередко с приставкой иероглифа, в переводе означающего «чужой», «иностранный», как, например, в слове «外婆 — бабушка по материнской линии», первый иероглиф обозначает как раз слово «иной, чужой»).

В истории России реформирование семейного законодательства в постиндустриальном обществе происходило и происходит чрезвычайно часто (только лишь законы о разводе изменялись в период действия советской власти с 1918 по 1968 год семь раз!).

Мнение властей по отношению к значимости института семьи и его функционалу в обществе в нашем государстве постоянно менялось. Д. И. Курский в своих изречениях вспоминал, что в первое десятилетие советской власти — в 20-е годы XX века — велась широкая пропаганда идеи о том, что семейное воспитание должно быть заменено общественным [4, с. 56]. Фактическое сожительство в этот период времени практически приравнивается к официальному браку. Традиционный институт семьи искоренялся советской властью лишь по причине того, что та считалась ячейкой и опорой старого строя.

Однако, несмотря на такой радикальный подход в смысле идеологии, уже в первых декретах советской власти видна забота государства о том, как будут развиваться семейные отношения далее. В тексте явно видны идеи о равенстве прав мужчин и женщин, о том, на кого ложится обязанность заботиться о внебрачных и родившихся в браке детях.

² Чимаров Н. С. Актуальные аспекты правового регулирования семейных отношений в законодательстве королевства Нидерландов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 7. С. 174–178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-pravovogo-regulirovaniya-semeynyh-otnosheniy-v-zakonodatelstve-korolevstva-niderlandov> (дата обращения: 03.12.2024).

³ Ван Мо, Цун Линь. Структура семьи и традиции семейных отношений в китайской народной Республике в историко-социальном контексте // Социология. 2020. № 4. С. 174–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-semi-i-traditsii-semeynyh-otnosheniy-v-kitayskoy-narodnoy-respublike-v-istoriko-sotsialnom-kontekste> (дата обращения: 03.12.2024).

В 1930-е годы стала очевидной проблема принятых ранее решений в области семейного законодательства: росло количество беспризорных детей, по судебной практике алиментные обязательства на несовершеннолетних могли быть взысканы со всех сожителей матери солидарно, количество зарегистрированных браков резко снизилось, также как начал падать уровень рождаемости. Судебная практика начала изменяться со временем, дабы отвечать запросам вновь построенного общества, например к 1944 году суды полностью отошли от практики взыскания алиментных платежей с лиц, которые не находились с матерью ребенка в зарегистрированном браке, однако реформам законодательства не удалось сбыться в этот период времени — помешала Вторая мировая война и ее последствия [5, с. 352].

Только в 1969 году был принят новый для нашего государства семейный кодекс⁴, в котором от мыслей советской власти об уничтожении института брака и алиментов как явлений не осталось и следа. Предыдущий опыт регулирования четко показал, что наличие традиционных семейных институтов в правовой системе государства просто необходимо.

Принятый в 1995 году новый Семейный кодекс уже в новом государстве — Российской Федерации почти неизменно перенес многие нормы, содержащиеся в предыдущем кодексе. Практически за тридцать лет существования указанного нормативного правового акта в него вносилось более пятидесяти изменений, из них основная масса — в последние десять лет. Однако в отличие от уже упомянутых нами стран (исключая Китай) все эти изменения никак не связаны с правами меньшинств, а, наоборот, направлены на усиление и защиту традиционных семейных ценностей⁵.

Из общей канвы реформирования как Китай, так и Россия выбиваются. Прежде всего, это связано с особенностями исторического развития указанных государств: XX век для этих стран ознаменован фундаментальным изменением формы государства (для России даже не единожды), что не могло не отразиться на области регулирования семейных отношений.

В сфере международного права временные рамки проведения реформ в области семейного права совпадают с теми, что наблюдались при анализе реформ национального законодательства в части брачно-семейных институтов.

Так, в преамбуле и статье 5 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года критикуется гендерное неравенство мужчин и женщин⁶, в Конвенции о правах ребенка 1989 года в статье 24 выражается негативное отношение к традициям, отрицательно влияющим

⁴ Об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР (вместе с Кодексом о браке и семье РСФСР): Закон РСФСР от 30.07.1969. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss5142.htm> (дата обращения: 05.12.2024).

⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.12.2024). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 05.12.2024).

⁶ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 05.12.2024).

на здоровье детей⁷, эти нормы явно отражают тенденцию заботы государств мира о брачно-семейных институтах и личности.

Однако начиная с 2000 года риторика международных актов в области семейных отношений начинает претерпевать изменения. В принятых за последние два десятилетия документах ООН повсеместно содержатся такие фразы (или синонимичные им), как «недопустимость критики однополых отношений», «отмена законов, запрещающих аборт», «контроль рождаемости» и др.

Кроме того, Комитеты ООН повсеместно предъявляют аналогичные требования к различным государствам мира, что часто приводит и к реформированию законодательства: так, в 2010 году Португалия, Исландия и Аргентина приняли законы об однополых браках; в 2012 году в Уругвае был отменен закон, запрещающий аборт; в Ирландии аналогичный закон отменен в 2018 году. Многие государства вынуждены реформировать законодательство не только из-за предъявления указанных требований, но и в связи с экономическими санкциями, которые применяют ведущие государства мира в случае несогласия контрагента с их семейной политикой⁸.

При этом такая политика не соответствует принятым ранее международным актам ООН, в частности пропаганда различных нетрадиционных семейных ценностей, таких как аборт, возможности усыновления лицами, состоящими в однополых отношениях, явно не способствует увеличению рождаемости.

Результаты исследования

Таким образом, реформирование законодательства как на национальном, так и на международном уровне свидетельствует о том, что кризис брачно-семейных институтов в постиндустриальном обществе приходится приблизительно на одно и то же время: сначала на 50–60-е годы XX века (вынуждая проводить реформы в 70–80-х годах), а затем на последние два десятилетия (в течение которых реформы осуществляются повсеместно).

Первая волна реформ с точки зрения истории абсолютно объяснима: кризис семейных институтов наблюдается в послевоенное время; население, пытающееся восстановиться после глубокого экономического и политического спада, требует от государства мер социальной поддержки; государство, в свою очередь, абсолютно разумно начинает оказывать меры поддержки

⁷ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 03.12.2024).

⁸ Устинкин С. В., Рудакова Е. К. Обеспечение демографического суверенитета России в условиях трансформации подходов ООН к институту семьи // Власть. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-demograficheskogo-suvereniteta-rossii-v-usloviyah-transformatsii-podhodov-oon-k-institutu-semi> (дата обращения: 03.12.2024).

фундаментальному институту общества — семье, с целью воспроизводства населения. Следовательно, реформы, которые реализуются далее, связываются с укреплением брачно-семейных институтов и стимуляцией рождаемости.

Однако реформы, предпринятые в последние двадцать лет, практически повсеместно имеют обратный характер. Основной причиной служит столкновение цивилизаций, которые стремятся сохранить традиционные ценности в семейных отношениях, и цивилизаций глобализирующегося мира. Так называемый атлантический альянс считает традиционные ценности изжившими себя и неспособными к должному функционированию; в свою очередь, западный альянс пытается отстаивать важность традиционных брачно-семейных отношений. Соответственно, проводимые реформы на национальном уровне будут зависеть от того, какой семейной политики придерживается рассматриваемое государство. В то же время международное законодательство хотя и не совсем открыто, но идет по пути западных стран.

В условиях меняющегося мира, безусловно, сохранить институты брака, материнства, детства неизменными не представляется возможным: людьми создаются новые формы и способы репродукции, государства испытывают влияние извне государств-партнеров и союзников в сфере социальной политики, информационное общество предоставляет любому индивидууму огромное количество информации в изучаемой сфере. Изолироваться от подобных изменений на данном этапе означает изолироваться от всего мира.

В то же время выведение нетрадиционных семейных отношений на первый план, чрезмерная либерализация прав и свобод отдельно взятого гражданина, накладывание санкций на государства, не отвечающих современной повестке, — это путь к уничтожению человечества как вида, так как указанные меры блокируют выполнение самой главной функции семьи — воспроизводство населения.

Исходя из вышесказанного, сам факт того, что именно семейное законодательство подвергается на современном этапе столь серьезному и постоянному реформированию, свидетельствует о глубоком кризисе в области брачно-семейных отношений. При этом как реформы, связанные с полным отказом от традиционных семейных отношений, так и реформы, чрезмерно направленные на защиту таковых, не способствуют преодолению этого кризиса. Полагаем, что его разрешение возможно только путем поиска компромисса.

Список источников

1. Галлямов Р. Р. Стратификационная теория П. А. Сорокина и концептуальная модель этносоциальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 2. С. 90–98.

2. Курамшев А. В. Роль семьи в социологии О. Конта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2020. № 3 (59). С. 135–139.

3. Курский Д. И. Избранные статьи и речи / сост.: Г. Н. Амфитеатров, А. С. Курский, М. Л. Шифман. М.: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. 198 с.

4. Максимова О. Д. Революционные идеи и традиционные ценности в период становления брачного и семейного права Советской России // Моисеевские чтения. Гуманитарные вызовы и угрозы XXI века: доклады и материалы VI Общерос. (нац.) науч. конф., Москва, 20–22 апреля 2023 г.: в 2 т. М.: Московск. гуманитарный ун-т, 2023. С. 350–353.
5. Нагнибеда В. В. Семейное право в Германии // Актуальные вопросы науки и практики и перспективы их решений: сб. науч. тр. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., Анапа, 06 июня 2022 г. Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном федеральном округе, 2022. С. 37–41.
6. Романовская В. Б., Серпухова О. Ю. Революция семейного права в странах Запада в XX веке (на примере США) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 1. С. 196–199.
7. Саенко К. А. Трансформация китайской семьи и ее влияние на образовательные практики в современном Китае // Современная система образования в России и Китае: сб. ст. XX Российско-китайской социол. конф., Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2024 г. СПб.: Астерион, 2024. С. 216–219.
8. Спасов В. Д. Феномен отцовства в концепции Э. Дюркгейма: философский аспект // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 12. С. 272–277.
9. Шайденко Н. А., Орехова Е. Я., Данилова И. С. Становление государственной семейной политики Франции в XIX–XX веках // Вестник педагогических наук. 2021. № 2. С. 242–246.
10. Ясная Л. В. Спенсер об эволюции института семьи // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: сб. науч. докладов симпозиума, Москва, 13–14 октября 2011 г. / под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. С. 181–192.
11. Liviev N. M., Zimenkova O. N. Familial and Marital Law of the State of Israel: Premises of the Establishment and Development // Moscow Journal of International Law. 2022. No. 3. P. 89–99.

References

1. Gallyamov R. R. Stratifikacionnaya teoriya P. A. Sorokina i konceptual'naya model' e'tnosocial'noj stratifikacii // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2004. T. 7, № 2. S. 90–98.
2. Kuramshev A. V. Rol' sem'i v sociologii O. Konta // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya «Social'ny'e nauki». 2020. № 3 (59). S. 135–139.
3. Kurskij D. I. Izbranny'e stat'i i rechi / sost.: G. N. Amfiteatrov, A. S. Kurskij, M. L. Shifman. M.: Yurid. izd-vo Min-va yusticii SSSR, 1948. 198 c.
4. Maksimova O. D. Revolyucionny'e idei i tradicionny'e cennosti v period stanovleniya brachnogo i semejnogo prava Sovetskoj Rossii // Moiseevskie chteniya. Gumanitarny'e vy'zovy i ugrozy XXI veka: doklady i materialy VI Obshheros. (nacz.) nauch. konf., Moskva, 20–22 aprelya 2023 g.: v 2 t. M.: Moskovsk. gumanitarnyj un-t, 2023. S. 350–353.
5. Nagnibeda V. V. Semejnoe pravo v Germanii // Aktual'ny'e voprosy nauki i praktiki i perspektivy ix reshenij: sb. nauch. tr. po materialam IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Anapa, 06 iyunya 2022 g. Anapa: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Nauchno-issledovatel'skij centr e'konomicheskix i social'ny'x processov» v Yuzhnom federal'nom okruge, 2022. S. 37–41.

6. Romanovskaya V. B., Serpuxova O. Yu. Revolyuciya semejnogo prava v stranax Zapada v XX veke (na primere SShA) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 25. № 1. S. 196–199.

7. Saenko K. A. Transformaciya kitajskoj sem'i i ee vliyanie na obrazovatel'ny'e praktiki v sovremennom Kitae // Sovremennaya sistema obrazovaniya v Rossii i Kitae: sb. st. XX Rossijsko-kitajskoj sociol. konf., Sankt-Peterburg, 12–13 aprelya 2024 g. SPb.: Asterion, 2024. S. 216–219.

8. Spasov V. D. Fenomen otczovstva v koncepcii E`. Dyrkgejma: filosofskij aspekt // Nauchny'e problemy` gumanitarny`x issledovanij. 2011. № 12. S. 272–277.

9. Shajdenko N. A., Orexova E. Ya., Danilova I. S. Stanovlenie gosudarstvennoj semejnoy politiki Francii v XIX–XX vekax // Vestnik pedagogicheskix nauk. 2021. № 2. S. 242–246.

10. Yasnaya L. V. Spenser ob e`volyucii instituta sem'i // Davy`dovskie chteniya: isto-richeskie gorizonty` teoreticheskoy sociologii: sb. nauch. dokladov simpoziuma, Moskva, 13–14 oktyabrya 2011 g. / pod red. I. F. Devyatko, N. K. Orlovoj. M.: In-t sociologii RAN, 2011. S. 181–192.

11. Liviev N. M., Zimenkova O. N. Familial and Marital Law of the State of Israel: Premises of the Establishment and Development // Moscow Journal of International Law. 2022. No. 3. R. 89–99.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

УДК 341.215.4-054.72

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-58-67

Ю. О. Хоршева

Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
y.horsheva@szfrgup.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ БЕЖЕНЦЕВ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции защиты прав беженцев на национальном и международном уровнях.

Цель исследования — обосновать необходимость поиска правового баланса между интересами принимающих государств, государств исхода беженцев и самих беженцев. В соответствии с целью в статье поставлены следующие задачи: раскрыть различные подходы к регулированию прав вынужденных мигрантов; показать различия в защите прав беженцев на национальном и международном уровнях; охарактеризовать теоретические и практические проблемы, связанные с правовым регулированием статуса беженца, на национальном и международном уровнях.

В результате работы сделан вывод о том, что, с одной стороны, попытки совершенствования миграционного национального законодательства и международного механизма защиты прав беженцев направлены на разработку универсального подхода к массовым миграциям в целях предоставления как можно большему количеству людей правовой защиты; с другой стороны, современное международное право не сформировало единой целостной системы регулирования массовых миграций, что влечет за собой споры внутри государств и между ними в процессе разрешения вопроса правового закрепления баланса между беженцами и принимающим государством.

Ключевые слова: беженцы; мигранты; массовая миграция; Конвенция о статусе беженцев; ООН; право ЕС; гуманитарное право; Глобальный договор.

UDC 341.215.4-054.72

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-58-67

Yu. O. Khorsheva

North-West branch of the Russian State University
of Justice named after V. M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russian Federation,
y.horsheva@szfrgup.ru

MAIN TRENDS IN LEGAL PROTECTION OF REFUGEES: NATIONAL AND INTERNATIONAL ASPECTS

Abstract. The article examines the main trends in the protection of refugee rights at the international and national levels.

The purpose of the study is to substantiate the need to find a legal balance between the interests of receiving states, states of origin of refugees and the refugees themselves. In accordance with the purpose, the article sets the following tasks: to reveal different approaches to regulating the rights of forced migrants; show differences in the national and international level of protection of refugee rights; characterize theoretical and practical problems associated with the legal regulation of refugee status at the national and international levels.

As a result of the work, it was concluded that, on the one hand, attempts to improve national migration legislation and the international mechanism for protecting the rights of refugees are aimed at developing a universal approach to mass migrations in order to provide legal protection to as many people as possible, on the other hand, modern international law has not formed a single holistic system for regulating mass migrations, which entails disputes within and between states in the process of resolving the issue of legal consolidation of the balance between refugees and the host state.

Keywords: refugees; migrants; mass migration; the Refugee Convention; UN; EU law; humanitarian law; Global Compact.

Введение

На сегодняшний день вопрос регулирования статуса беженца актуален для всего мирового сообщества.

Фактором, усложняющим регулирование статуса беженца, выступает миграционный процесс, который протекает совместно с вынужденным переселением, однако в отличие от последнего несет добровольный характер. Правовые нормы и юридическая практика призваны обособить явления, схожие по внешним признакам, но имеющие разные субъективные и объективные стороны.

Еще с античных времен такой процесс, как вынужденная миграция, был знаком внутригосударственным институтам, регулировавшим вопрос предоставления убежища иностранцу, которого преследовали власти страны его гражданства (подданства) [8, с. 15].

Основным источником международно-правового регулирования статуса беженцев на сегодняшний день служит Конвенция о статусе беженцев,

принятая 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созданной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года¹.

Помимо международных актов, имеющих универсальный характер, огромную роль в регулировании вопроса защиты прав беженцев играют региональные международные соглашения. 24 сентября 1993 года в Москве главы государств Содружества Независимых Государств (СНГ) в целях стабилизации ситуации, сложившейся после распада СССР, и с учетом огромного количества переселенцев подписали Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам².

Однако в настоящее время отсутствует единая универсальная международная система защиты прав беженцев. По факту мы имеем достаточно проработанный национальный уровень регулирования, а также ситуативный, фрагментарный международный уровень регулирования, который требует дальнейшего совершенствования. Основной проблемой видится соотношение интересов самих мигрантов, стран исхода мигрантов и принимающих стран. Именно на поиск этого баланса должно быть направлено как международное, так и национальное законодательство.

Степень научной разработанности темы

На сегодняшний день существует достаточно большое количество научных работ, посвященных отдельным вопросам регулирования статуса беженца. В большинстве своем они затрагивают отдельные аспекты, а также рассматривают национальное право различных государств. Комплексные исследования тенденций развития гуманитарного права Организацией Объединенных Наций (ООН), Европейским союзом (ЕС) и сопоставления с национальным законодательством практически отсутствуют. Тем не менее среди проанализированных источников имеются и такие, которые раскрывают вопросы международного сотрудничества в условиях увеличения миграционных потоков.

Так, среди трудов российских юристов-международников, поднимающих вопросы защиты прав беженцев и вынужденных переселенцев, внимания заслуживают исследования таких авторов, как Д. К. Бекяшев [2], В. А. Карташкин [5], Е. В. Киселева [6], Д. М. Алиев [1] и др.

¹ Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 23.12.2023).

² Соглашение стран СНГ от 24.09.1993 «О помощи беженцам и вынужденным переселенцам» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6564/ (дата обращения: 23.12.2023).

Что же касается изысканий, рассматривающих механизм правового регулирования миграционных процессов в странах ЕС, то можно выделить, например, книгу Е. Н. Егоровой [3].

Методы исследования

В статье посредством дескриптивного метода описаны основные тенденции становления и развития международной системы защиты прав беженцев. Содержание норм международного и национального законодательства проанализировано с помощью формально-юридического метода. Сравнение механизмов регулирования миграционного процесса на международном и национальном уровнях между собой проведено на основе сравнительно-правового метода. Путем использования метода анализа выделены основные проблемы, которые в настоящий период существуют на международном и национальном уровнях в отношении правового регулирования миграционных потоков.

Основное исследование

Согласно статистике, размещенной на сайте Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН), по состоянию на конец 2022 года в мире насчитывалось порядка 108,4 млн вынужденно перемещенных лиц (что приблизительно равно численности населения всего Египта, или 1 % от населения всего мира), из которых 35,3 млн имеют статус беженца, 62,5 млн — внутренне перемещенные лица, 5,4 млн ищут убежище и 5,2 млн — вынужденно перемещенные лица, нуждающиеся в международной защите. Кроме того, 40 % всех перемещенных лиц — дети. За период с 2018 по 2022 год 1,9 млн детей родились беженцами³.

Если сравнивать показатели 2012 и 2022 годов, то можно увидеть, что число беженцев и вынужденно перемещенных лиц выросло более чем в 2,5 раза⁴.

По данным МВД России, размещенным на сайте УВКБ ООН, по состоянию на 31 декабря 2022 года в РФ насчитывалось 67 496 лиц со статусом временного убежища, 277 беженцев, 100 995 лиц, ищущих убежище, 95 193 лица без гражданства. Однако данная статистика не в полной мере отображает реальное количество вынужденно перемещенных лиц, так как, согласно данным Совета Безопасности Российской Федерации, за период с 2014 по 2022 год

³ Статистика вынужденно перемещенных лиц по состоянию на конец 2022 года // Официальный сайт Агентства ООН по делам беженцев. URL: <https://www.unhcr.org/ru/stats> (дата обращения: 23.12.2023).

⁴ Data and statistics. Global Trends // Официальный сайт Агентства ООН по делам беженцев. URL: <https://www.unhcr.org/global-trends> (дата обращения: 23.12.2023).

около 5 млн жителей Донбасса и юго-восточных регионов Украины нашли убежище в России⁵, и это не считая переселенцев из других стран.

Сложность подсчета заключается в том, что многие переселенцы не вставали на учет в качестве беженцев или лиц, получивших временное убежище (хотя по факту таковыми являлись), а оформляли, например, патент на работу, разрешение на временное проживание (по браку с гражданином Российской Федерации), вид на жительство, а затем получали гражданство Российской Федерации по различным программам, ускоренным процедурам и другим основаниям (например, по Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом⁶).

Таким образом, Российская Федерация разработала расширенный порядок помощи нуждающимся переселенцам, благодаря чему каждый индивидуум может выбрать наиболее подходящий вариант получения возможности проживать на территории Российской Федерации с дальнейшим получением гражданства (в определенных случаях — в ускоренном порядке).

Итак, тенденция увеличения переселенцев является общей как для мира в целом, так и для России в качестве принимающей стороны в частности. Более того, данные ООН свидетельствуют, что порядка 70 % всех беженцев проживают в соседних странах (относительно государства своей гражданской принадлежности)⁷. Данное обстоятельство обусловлено не только географическим фактором (беженцы в большинстве случаев имеют ограниченное количество денежных средств для далеких путешествий, а некоторые и вовсе вынуждены переселяться без средств и документов), но и культурными, религиозными и языковыми особенностями. Обычно граничащие государства часто имеют сходства по данным факторам. С этой точки зрения переселение для беженцев требует меньше адаптации и реже встречается с резким неприятием со стороны местного населения.

Следует отметить, что именно поддержание баланса между помощью переселенцам и сохранением интересов местного населения служит залогом грамотной миграционной политики государства. Как покажет наш дальнейший анализ, дисбаланс в одну из сторон провоцирует как внутренние конфликты, так и споры на международной арене.

⁵ Комментарий для средств массовой информации Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушева по итогам заседания Совета Безопасности от 19.10.2022 года // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3360/> (дата обращения: 23.12.2023).

⁶ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Сайт «Русский Век», учрежденный Министерством иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://ruvek.mid.ru/relocation/> (дата обращения: 23.12.2023).

⁷ Статистика вынужденно перемещенных лиц по состоянию на конец 2022 года // Официальный сайт Агентства ООН по делам беженцев. URL: <https://www.unhcr.org/ru/stats> (дата обращения: 23.12.2023).

Для начала необходимо рассмотреть эволюцию гуманитарного права в отношении беженцев и иных вынужденно перемещенных лиц.

Отправной точкой международного права в области защиты беженцев считается Конвенция о статусе беженцев 1951 года⁸. Ранее упоминаемое нами УВКБ ООН, известное также как Агентство ООН по делам беженцев, было учреждено после Второй мировой войны, 14 декабря 1950 года. Изначально оно создавалось сроком на три года, однако по истечении этого времени стало ясно, что необходимость в его существовании осталась.

В связи с изменением статуса УВКБ с временного на постоянный в 1967 году был принят Протокол, касающийся статуса беженцев⁹, который распространил действие Конвенции о статусе беженцев на лиц, пострадавших после 1 января 1951 года (Преамбула и статья 1 Конвенции).

Подчеркнем, что кардинальных изменений в сфере защиты прав беженцев в международном разрезе за все это время не произошло. Тем не менее мир сталкивается с новыми вызовами, повышением количества беженцев, что требует реакции со стороны законодателя.

Анализ обращает внимание на то, что главными причинами переселения выступают политические и идеологические факторы. Нежелание жить по правилам государства своего происхождения часто приводит к нелегальной миграции. Следует отметить, что количество таких переселенцев за 2022 год выросло примерно на 70 % (статистика указывалась относительно нелегальных въездов в страны Европейского союза — Число нелегальных въездов в страны Европейского союза) [7, с. 28].

Важный аспект в понимании природы Конвенции о статусе беженцев заключается в том, что данным статусом лица наделяются в индивидуальном порядке. Именно поэтому процессы массовой миграции породили необходимость совершенствовать механизм правового регулирования переселенцев как на международном, так и на национальном уровнях.

В конце прошлого века Исполнительный комитет УВКБ ООН начал поднимать вопросы предоставления временного убежища при массовых переселениях [4, с. 30]. В своих заключениях УВКБ ООН предлагало признавать беженцами не отдельных лиц, а группу переселенцев. Генеральная Ассамблея ООН в актах рекомендательного характера также поддержала идею предоставления временного убежища, характеризуя этот статус как обеспечение минимально необходимого уровня защиты переселенцам [10, р. 180]. С одной стороны, данный шаг отчасти является отступлением от Конвенции о статусе беженцев.

⁸ Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 23.12.2023).

⁹ Протокол, касающийся статуса беженцев, от 31 января 1967 года // Официальный сайт Агентства ООН по делам беженцев. URL: https://www.unhcr.org/ru/wp-content/uploads/sites/73/2019/08/протокол_касающийся_статуса_беженцев_31_января_1967_года.pdf (дата обращения: 23.12.2023).

С другой стороны, ряд государств, среди которых и Россия, используют расширительный подход в отношении лиц, которым предоставляется временное убежище, по сравнению со статусом беженцев. Именно статус временного убежища в большинстве своем получали лица, прибывавшие с территории Донбасса в 2014–2022 годах.

Что касается права ЕС, то массовая миграция стала причиной принятия Директивы о временной защите 2001 года¹⁰. Согласно положениям директивы мигрантам должна была предоставляться минимальная необходимая помощь, меньшая в сравнении с помощью, предоставляемой лицам, признанным беженцами. Данная директива должна была создать баланс между интересами мигрантов и интересами принимающего государства. В попытке урегулировать степень участия государств в приеме потока беженцев был составлен Лиссабонский договор 2007 года¹¹.

Миграционное законодательство продолжало претерпевать изменения. В 2020 году новым Пактом о миграции и предоставлении убежища было отменено использование Директивы о временной защите 2001 года¹². Тем не менее уже 2 марта 2022 года Комиссия предложила Совету ЕС проект Имплементационного решения, устанавливавшего наличие массового притока перемещенных лиц с Украины по смыслу статьи 5 Директивы № 2001/55/ЕС Совета ЕС от 20 июля 2001 года и имеющего следствием введение временной защиты.

Осознавая необходимость усовершенствования существующего международно-правового механизма защиты беженцев и вынужденных переселенцев, 10 декабря 2018 года на конференции в марокканском городе Марракеше 164 государствами мира был принят Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции¹³.

Однако, по мнению О. Ю. Потемкиной, «Глобальный договор не учитывает интересы стран-реципиентов мигрантов, нацелен на либерализацию режима миграции, в то время как население принимающих стран требует, напротив, ужесточения миграционной политики» [9, с. 88]. Вероятнее всего, именно

¹⁰ Council Directive 2001/55/EC of 20 July 2001 on minimum standards for giving temporary protection in the event of a mass influx of displaced persons and on measures promoting a balance of efforts between Member States in receiving such persons and bearing the consequences thereof // EUR-LEX. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32001L0055&qid=1648223587338> (дата обращения: 23.12.2023).

¹¹ Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества (Лиссабон, 13 декабря 2007 г.) (2007/С 306/01)*(1) // Право Европейского Союза. URL: <https://eulaw.ru/treaties/lisbon/> (дата обращения: 23.12.2023).

¹² Пакт о миграции и предоставлении убежища — основа для обновления миграционной политики // The Diplomatic Service of the European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/пакт-о-миграции-и-предоставлении-убежища—основа-для-обновления-миграционной-политики_ru (дата обращения: 23.12.2023).

¹³ Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration // Сайт ООН. URL: https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/180711_final_draft_0.pdf (дата обращения: 23.12.2023).

по этой причине договор вызвал неоднозначную реакцию со стороны государств (в том числе стран Евросоюза).

В свою очередь, Российская Федерация также высказала свое мнение относительно Глобального договора, в целом поддержав положения. В заявлении РФ к Глобальному договору отмечается его компромиссный характер, важность участия всего международного сообщества в разрешении проблем миграции, борьбы с нелегальной миграцией¹⁴. Также говорится о неприятии концепции разделения ответственности, которая заключается в том, что все государства должны в равной степени участвовать в помощи беженцам, несмотря на причины такой миграции. В заявлении справедливо указано, что первоочередную ответственность за жизни беженцев, их размещение и адаптацию должны нести государства, вмешавшиеся в дела других государств, что повлекло за собой миграцию.

Критика положений Глобального договора также основывается на том, что большая нагрузка возлагается именно на принимающие государства — четко прописаны их обязанности, при этом недостаточно внимания уделяется вопросу ответственности стран исхода за причины оттока их граждан.

Более того, в Глобальном договоре не раскрывается важный вопрос адаптации и надлежащего поведения мигрантов в странах, которые их готовы принять, не проработан вопрос о необходимости закрепления обязанностей мигрантов уважительно относиться к законам и культурному наследию стран, пытаться адаптироваться под обычаи, существующие в принимающей стране.

Как показывает исследование, на сегодняшний день отсутствует единая универсальная международная система защиты прав беженцев. По факту мы имеем достаточно проработанный национальный уровень регулирования, а также ситуативный, фрагментарный международный уровень регулирования, который требует дальнейшего совершенствования. Основной проблемой видится соотношение интересов самих мигрантов, стран исхода мигрантов и принимающих стран. Именно на поиск этого баланса должно быть направлено как международное, так и национальное законодательство.

Результаты исследования

В настоящий период вопрос регулирования статуса беженца и в целом миграционных потоков является актуальным для всего мирового сообщества.

Однако на современном международном и национальном правовых уровнях отсутствует единая универсальная система защиты прав беженцев. По факту мы имеем достаточно проработанный национальный уровень регулирования,

¹⁴ Заявление Российской Федерации к Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/conf/migration/assets/img/statement_russia_ru.pdf (дата обращения: 23.12.2023).

а также ситуативный, фрагментарный международный уровень регулирования, который требует дальнейшего совершенствования.

В процессе исследования выявлено, что основной проблемой видится соотношение интересов самих мигрантов, стран исхода мигрантов и принимающих стран. Именно на поиск этого баланса должно быть направлено как международное, так и национальное законодательство.

Список источников

1. Алиев Д. М. Статус беженцев и лиц, ищущих убежище, по европейскому праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М.: [б. и.], 2020. 282 с.
2. Бекашев Д. К., Иванов Д. В. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография. М.: Проспект, 2014. 392 с.
3. Егорова Е. Н. Правовое регулирование миграционных потоков. М.: МГИМО-Университет, 2018. 280 с.
4. Иванов Д. В., Алиев Д. М. Временная защита в праве Европейского союза: тенденции и перспективы // Право и управление. XXI век. 2023. Т. 19, № 3 (68). С. 28–37.
5. Карташкин В. А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. М.: Норма, 2022. 176 с.
6. Киселева Е. В. Международно-правовое регулирование миграции: монография. М.: РУДН, 2015. 198 с.
7. Кравцова Е. Р. Сравнительно-правовой анализ положения беженцев и мигрантов в России и Западной Европе // ExLegis: правовые исследования. 2023. № 2. С. 28–32.
8. Павлова Л. К вопросу о понятии «беженец» в международном праве // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 2. С. 15–20.
9. Потемкина О. Ю. Глобальный договор о миграции — успех или провал? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 6 (6). С. 86–91.
10. UNHCR Roundtable on Temporary Protection International Institute of Humanitarian Law // International Journal of Refugee Law. 2013. Vol. 25. Iss. 1. P. 178–186.

References

1. Aliev D. M. Status bezhencev i licz, ishshushhix ubezhhishhe, po evropejskomu pravu: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.10. M.: [b. i.], 2020. 282 s.
2. Bekyashev D. K., Ivanov D. V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vy`nuzhdennoj i trudovoj migracii: monografiya. M.: Prospekt, 2014. 392 s.
3. Egorova E. N. Pravovoe regulirovanie migracionny`x potokov. M.: MGIMO-Universitet, 2018. 280 s.
4. Ivanov D. V., Aliev D. M. Vremennaya zashhita v prave Evropejskogo soyuza: tendencii i perspektivy` // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2023. T. 19, № 3 (68). S. 28–37.
5. Kartashkin V. A. Organizaciya Ob`edinenny`x Nacij i mezhdunarodnaya zashhita prav cheloveka v XXI veke. M.: Norma, 2022. 176 s.
6. Kiseleva E. V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie migracii: monografiya. M.: RUDN, 2015. 198 s.

7. Kravczova E. R. Sravnitel'no-pravovoj analiz polozheniya bezhencev i migrantov v Rossii i Zapadnoj Evrope // ExLegis: pravovy'e issledovaniya. 2023. № 2. S. 28–32.
8. Pavlova L. K voprosu o ponyatii «bezhencez» v mezhdunarodnom prave // Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodny`x otnoshenij. 1998. № 2. S. 15–20.
9. Potemkina O. Yu. Global'ny`j dogovor o migracii – uspekh ili proval? // Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy` RAN. 2018. № 6 (6). S. 86–91.
10. UNHCR Roundtable on Temporary Protection International Institute of Humanitarian Law // International Journal of Refugee Law. 2013. Vol. 25. Iss. 1. P. 178–186.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

УДК 37.014.1:37.01:004
DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-68-76

Л. А. Емелина

Институт государственной службы и управления РАНХиГС,
Москва, Российская Федерация,
urconsull@yandex.ru

С. А. Яворский

юрист, магистр права,
Москва, Российская Федерация,
491899@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Современная юридическая доктрина сталкивается с проблемой поиска эффективной модели правового регулирования цифрового пространства. Попытки унификации интернет-регулирования осложняются географической фрагментацией и отсутствием международных норм. Также отмечается отсутствие регулирования использования искусственного интеллекта (ИИ) в законодательстве об образовании и необходимость создания нормативного фреймворка для ИИ-систем. Предлагаемые изменения включают в себя введение новых положений в Гражданский кодекс Российской Федерации для обеспечения правовой ясности и предсказуемости в отношении ИИ. Это будет способствовать правовой интеграции ИИ в общественные отношения, защите прав участников гражданского оборота и развитию инновационной экономики страны. Авторы считают, что правовое регулирование должно сосредоточиваться на отношениях, возникающих при использовании технологий, и предлагают рассматривать право как эффективный регулятор, способный адаптироваться к вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровое пространство; правосубъектность искусственного интеллекта; цифровизация образования.

UDC 37.014.1:37.01:004

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-68-76

L. A. Emelina

Institute Public Service and Management RANEPa,
Moscow, Russian Federation,
urconsul1@yandex.ru

S. A. Yavorsky

Lawyer, master of law,
Moscow, Russian Federation,
491899@mail.ru

THE LEGAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SYSTEM OF RUSSIAN EDUCATION

Abstract. Modern legal doctrine faces the problem of finding an effective model of legal regulation of digital space. Attempts to unify Internet regulation are complicated by geographical fragmentation and lack of international norms. There is also a lack of regulation of the use of artificial intelligence (AI) in education law and the need to create a regulatory framework for AI systems. The proposed changes include the introduction of new provisions in the Civil Code of the Russian Federation to provide legal clarity and predictability in relation to AI. This will contribute to the legal integration of AI into social relations, the protection of the rights of civil turnover participants and the development of the country's innovation economy. The authors believe that legal regulation should focus on the relations arising from the use of technology, and propose to consider law as an effective regulator capable of adapting to the challenges of the digital era.

Keywords: digital space; legal personality of artificial intelligence; digitalization of education.

Введение

В правовом контексте Российская Федерация уделяет особое внимание развитию искусственного интеллекта (ИИ), что говорит о стремлении к научным и технологическим инновациям, формируя стратегическую ориентацию государства в аспекте научно-технического лидерства.

Президент В. В. Путин еще в 2017 году выразил мнение о доминировании на международной арене той страны, которая достигнет прорыва в освоении ИИ, что подчеркивает важность технологического суверенитета. Изначально, согласно доктринам национальной безопасности, усилия в области ИИ были направлены на укрепление оборонного потенциала России. В соответствии с Указом Президента «О развитии искусственного интеллекта»¹ законодателем

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

была закреплена Национальная стратегия по развитию искусственного интеллекта до 2030 года², задающая комплексный подход к формированию инфраструктуры и правового поля, необходимых для интеграции ИИ в различные сферы жизнедеятельности страны.

Несмотря на то что в настоящее время «происходит принятие новых нормативных правовых актов в данных сферах, формируются правовые массивы, складываются новые правовые институты» [1, с. 12], все большую актуальность приобретает вопрос детализации законодательных определений, касающихся таких новаторских понятий, как ИИ. Напомним, что поскольку упомянутый нами Указ Президента № 490 от 2019 года затрагивает эту тему и предоставляет определение, его содержание и смысл относятся в значительной степени к области научного знания, нежели к правовому полю. Это создает некоторую неопределенность в правовом статусе искусственного интеллекта, что, в свою очередь, порождает дискуссии в научном сообществе. Они связаны с вопросами необходимости внесения поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), чтобы адекватно отразить развитие данной сферы в правовой системе.

В эпоху трансформации информационных технологий массовая цифровизация образовательного пространства Российской Федерации набирает обороты, что коррелирует с ключевыми положениями национального проекта «Образование»³. Согласно положениям Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁴ (далее — Закон «Об образовании») и стратегическим документам, задающим направление развития цифровой инфраструктуры в образовательной сфере, предусмотрены комплексные меры по интеграции цифровых ресурсов и инновационных образовательных технологий⁵. Эти меры, направленные на усиление доступности и качества образования, вносят значительный вклад в формирование конкурентоспособного человеческого капитала, что в конечном итоге способствует устойчивому социально-экономическому развитию страны.

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

³ Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72192486/> (дата обращения: 05.10.2024).

⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Российская газета. 31.12.2012. № 303.

⁵ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Российская газета. 28.04.2020. № 92.

По мнению большинства ученых, образовательная сфера должна стать одной из наиболее перспективных областей для применения искусственного интеллекта, учитывая его потенциал для повышения эффективности обучения и персонализации учебного процесса [7, с. 35].

Процессы цифровой трансформации играют ключевую роль в социально-экономических отношениях и формируют при этом новую реальность этой области. На основании Указа Президента Российской Федерации В. В. Путина № 204 в редакции от 2020 года⁶ цифровая образовательная среда становится сегодня приоритетом в образовательной сфере, что свидетельствует о стремлении государства к активной интеграции новейших информационных технологий в образовательную систему.

В Законе «Об образовании» говорится о том, что реализация подобных стратегических задач требует не только обновления учебных программ, но и разработки соответствующего законодательства, направленного на обеспечение правовой защиты персональных данных обучающихся, а также на урегулирование цифровых образовательных процессов.

В современной юридической доктрине вопросы поиска эффективной модели правового регулирования цифрового пространства остаются актуальными. Стремление к унификации интернет-регулирования сталкивается с тенденцией к географической фрагментации, обусловленной отсутствием устоявшихся международных нормативов. Комплексность и многоаспектность данной проблематики делает невозможным ее полное освещение в рамках одного исследовательского труда.

Настоящее исследование предлагает сфокусировать внимание научного сообщества на анализе правового регулирования в области обеспечения прав и свобод личности. Это предложение нашло свое отражение как во Всеобщей декларации прав человека⁷, так и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁸.

В контексте же юридической науки и доктрины вопрос интеграции ИИ в существующую нормативно-правовую базу представляет собой сложную задачу. Отсутствие четко определенной позиции законодателя относительно юридического статуса ИИ порождает дискуссии о правовом механизме его регулирования. Возможно, стоит квалифицировать ИИ как объект гражданских прав аналогично вещам. Кроме того, можно рассматривать его в контексте результатов интеллектуальной деятельности, что предполагает совершенно иной подход к правовому регулированию. В связи с этим мы разделяем мнение, что «эволюция общества и технический прогресс являются причиной определенных изменений в восприятии юридической сущности имущества» [6, с. 57].

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. 09.05.2018. № 97с.

⁷ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 05.10.2024).

⁸ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 05.10.2024).

Отечественные ученые в свое время единодушно считали, что «объектом является все то, что может служить средством осуществления интереса» [3, с. 15]. Данная проблематика акцентирует внимание на необходимости разработать специализированные нормы, которые бы отражали уникальные характеристики ИИ.

Возможным решением может стать введение новых статей в ГК РФ, что позволит урегулировать не только вопросы правового статуса ИИ, его прав и обязанностей, но и вопросы ответственности за действия, совершаемые с использованием ИИ. Таким образом, перед законодателем стоит задача создания комплексной системы правового регулирования, способной адаптироваться к быстроразвивающимся технологиям и их влиянию на общество и государство.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день актуальна не только проблема цифровой колонизации общества, которая может вызвать поражение когнитивных функций мозга и сознания, но и привести к утрате навыков анализа и мышления, квалифицирующихся как «цифровая деменция» или «цифровое слабоумие» [2, с. 82].

Стоит признать, что, несмотря на позитивный взгляд относительно пользы и возможностей ИИ, свыше тысячи исследователей в марте 2023 года обратились в научный центр Future of Life Institute с просьбой прекратить дальнейшее обучение нейросетей по причине наличия как правового вакуума, непрозрачности внутренних протоколов безопасности, так и риска возникновения «революции ChatGPT»⁹. Причиной такого волнения стали непредвиденные проявления необъяснимых способностей моделей ИИ-систем.

В контексте юриспруденции процесс моделирования и создания образовательной цифровой реальности представляет собой тревожную тенденцию. В недалеком будущем общественная воля, личные предпочтения и социальные устоявшиеся формы поведения могут быть подменены алгоритмами разработчиков программного обеспечения и получением цифрового кода, перевод в который, в том числе и правовых норм, создаст некую программную оболочку и функционал, далекий от духа закона.

Данное программное обеспечение способно не только сократить или урезать творческую мысль его пользователей в образовательном контексте, но и лишить их права подачи претензий и жалоб. Такое обстоятельство ограничивает конституционные свободы воли и выбора, вытесняя эти правовые доктрины за рамки правил, предписанных разработчиками.

Стандарты для цифрового права и инновационного правового регулирования в общем смысле часто разрабатываются без участия юристов или даже без их вмешательства. Очарованность прогрессом цифровых технологий подчас вынуждает отбросить ценностные достижения и наследие правовой науки, заменяя нормы закона обыденным уровнем правосознания. Теперь правовое

⁹ Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. (2023, March 22). URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 05.10.2024).

регулирование будет отождествляться с применяемым программным алгоритмом в ущерб этическому, аксиологическому и социокультурному контексту права.

Необходимо отметить, что в своей виртуальной форме ИИ все еще не получил особого правового статуса и регулируется как непоименованный объект авторских прав. Кроме того, ИИ признается компьютерной программой¹⁰, фактически идентифицируемой как литературное произведение, хотя и нашедшее свое местоположение в Федеральном законе от 24.04.2022 № 123 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”».

В связи с этим пока на законодательном уровне не определен круг лиц, кто несет ответственность за причиненный ИИ-системой вред. Необходимо обратить внимание, что все более растущая автономия ИИ-систем, в зависимости от деятельности человека, делает этот вопрос весьма актуальным и, как нам кажется, лежит в плоскости определения правосубъектности.

В контексте динамично развивающейся сферы цифровых технологий, особенно в области искусственного интеллекта, юридическая наука сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных категорий, включая понятие правосубъектности. Развитие ИИ порождает сложные вопросы о его месте в системе правовых отношений и рамках системы правовых связей, особенно в пределах действующего законодательства.

Правосубъектность как основополагающий элемент в теории права и государства, а также в области гражданского права обычно связывается со способностью субъекта обладать правами и исполнять обязанности. Согласно юридическим теориям правосубъектность — неотъемлемая характеристика субъекта права, который активно вовлечен в правовые взаимоотношения. С учетом этого анализ современного положения ИИ в контексте правовой субъектности требует тщательного исследования. Необходимо определить, может ли ИИ, обладая неким уровнем автономии и когнитивных способностей, выполнять роль субъекта в юридически значимых действиях. Это, в частности, предполагает возможность признания ИИ носителем прав и обязанностей, что может потребовать корректировки нормативной базы, включая ГК РФ.

Таким образом, перед юридическим сообществом и законодателем стоит задача не только теоретического осмысления правового статуса ИИ, но и практической разработки нормативных актов, которые бы отражали уникальные особенности цифровых субъектов и обеспечивали эффективное правовое регулирование в этой новой реальности.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Российская газета. 22.12.2006. № 289. Ст. 1259.

Возникающий при этом правовой статус субъектов может изменяться под действием юридически значимых событий, к которым относится, например, регистрация юридического лица, достижение совершеннолетнего возраста. Однако в отечественном законодательстве не встречаются нормы, указывающие на момент возникновения у ИИ правового статуса. Тем не менее с точки зрения права процесс создания ИИ, а также имитирующих мыслительную деятельность человека весьма интересны и нетривиальны. Несмотря на то что носитель ИИ всего лишь технический инструмент, он все же остается объектом права, а не его субъектом. В этом аспекте ясно, что объект права не может быть источником правового субъекта. Это основополагающий принцип, который лежит в основе всей правовой системы. Из этого можно сделать вывод о том, что носитель ИИ не может быть признан субъектом права.

В контексте юридической науки особое внимание уделяется концепции правосубъектности, которая представляет собой один из фундаментальных аспектов правовой системы. В соответствии с действующим законодательством само понятие ИИ относится к категории технических средств, предназначенных для обработки информации, а следовательно, ИИ может быть только объектом правоотношений, а не субъектом. Это подтверждается и легальным определением ИИ как комплекса технологических решений. Таким образом, ИИ не может обладать деликтоспособностью, поскольку для ее наличия требуется не только интеллектуальная активность, но и волевой компонент, который у ИИ отсутствует.

Наконец, обращение к федеральному закону, регулирующему использование ИИ, позволяет увидеть, что целью внедрения технологий ИИ является улучшение качества жизни граждан, повышение эффективности государственного управления и оптимизация социальных процессов. Таким образом, ИИ и его носители рассматриваются как инструменты для достижения общественных благ, а не как независимые правосубъекты. В этом контексте законодательство должно адаптироваться к новым технологическим реалиям, чтобы обеспечить правовую ясность и защиту интересов всех участников правоотношений.

На основании нормы пункта 2 статьи 1 ГК РФ субъектом гражданских прав и обязанностей могут быть только граждане (физические лица) и юридические лица, в то время как ИИ не обладает физическими или юридическими свойствами, необходимыми для признания его субъектом права. Таким образом, ИИ остается за пределами рамок, установленных для правосубъектности, и не может обладать правами и исполнять обязанности, что выступает основным атрибутом участников правовых отношений.

Учитывая стремительный рост ИИ-систем, мы наблюдаем и трансформацию самого права, на которое также оказывает влияние ИИ. Весьма вероятно, что признанный в уже недалеком будущем за ИИ статус субъекта права, само законодательство может быть подвергнуто изменениям с участием самого ИИ. Впоследствии возникнет необходимость в защите действующих норм права от вмешательства в него самой ИИ-системы. Возможно, эта идея звучит немного фантастично, однако все предпосылки к этому уже сложились.

Подводя итоги исследования, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время отсутствует регулирование на законодательном уровне, которое бы учитывало применение технологий ИИ-систем в образовательной сфере. Действующий Закон «Об образовании» не содержит терминов, содержащих понятия «искусственный интеллект» в каких-либо правовых конструкциях, за исключением упоминания дистанционного и электронных форм обучения, при которых не применяются технологии ИИ в широком смысле этого понятия.

Безусловно, в эпоху цифровизации образования ИИ выступает в качестве ключевого фактора трансформации. Важно отметить, что «действующий образовательный стандарт весьма нечетко формулирует основные требования» [5, с. 22], например в юридическом образовании.

Тем не менее существующее законодательство не содержит ясных положений, регламентирующих правовой статус ИИ. Такая неопределенность порождает дискуссию ученых о том, следует ли рассматривать ИИ как объект или субъект гражданских правовых отношений. В связи с этим нам кажется важным, чтобы законодатель обратил особое внимание на создание нормативного фреймворка, который бы ясно определял правовые границы для систем ИИ.

Это может включать в себя разработку и внесение новых статей в ГК РФ, что позволит обеспечить правовую ясность и предсказуемость в отношении ИИ, его прав и обязанностей. Все это даст возможность урегулировать вопросы ответственности, связанные с его использованием. Такой подход будет способствовать правовой интеграции ИИ в общественные отношения, обеспечивая при этом защиту прав и интересов участников гражданского оборота, содействуя тем самым развитию инновационной экономики страны.

Следует помнить, что «Семейный кодекс Российской Федерации, устанавливающий исчерпывающий объем прав для несовершеннолетних детей, на практике не создает их реального благополучия» [4, с. 142]. Цифровизация представляет собой междисциплинарный вопрос, требующий прогнозирующего исследования, включая анализ потенциальных угроз на долгосрочную перспективу. В контексте юриспруденции правовое регулирование необходимо не столько для технологий как таковых, сколько для отношений, возникающих при их использовании. Это означает, что в первую очередь следует регулировать действия людей, обладающих естественным интеллектом. Такой подход позволяет рассматривать действующее законодательство как актуальный и эффективный регулятор с высоким потенциалом. В то же время потребность в принципиально новых регуляторах поведения станет предметом дискуссии и вызовет много сомнений, что покажет время.

Список источников

1. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 1 (53). С. 7–13.

2. Балашова Т. Н. Проблемы реализации права на образование в условиях информационно-цифровой реальности и развития искусственного интеллекта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4 (60). С. 78–85.

3. Емелина Л. А. Вещи как объекты гражданского права (историко-правовой аспект) // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений: проблема соотношения гражданского и семейного законодательства: монография / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: РГ-Пресс, 2023. С. 14–20.

4. Емелина Л. А., Яворский С. А. Актуальные проблемы защиты жилищных прав несовершеннолетних // Детство — территория безопасности: сб. материалов конф., Москва, 07 декабря 2023 г. М.: Саратовский источник, 2023. С. 142–145.

5. Емелина Л. Проблемы российского правового образования // Юрист вуза. 2009. № 2. С. 22–24.

6. Ефимова О. В. О залоге цифровых прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 6 (249). С. 57–61.

7. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии / В. В. Блажеев [и др.]; под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой; Московск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2020. 240 с.

References

1. Abramov R. A., Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya vliyaniya sovremenny`x tehnologij na razvitie prava // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2024. № 1 (53). S. 7–13.

2. Balashova T. N. Problemy` realizacii prava na obrazovanie v usloviyax informacionno-cifrovoj real`nosti i razvitiya iskusstvennogo intellekta // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvenny`e nauki. 2021. № 4 (60). S. 78–85.

3. Emelina L. A. Veshhi kak ob`ekty` grazhdanskogo prava (istoriko-pravovoj aspekt) // Primenenie polozhenij chasti pervoj GK RF pri regulirovanii semejny`x otnoshenij: problema sootnosheniya grazhdanskogo i semejnogo zakonodatel`stva: monografiya / отв. ред. Yu. F. Bespalov. M.: RG-Press, 2023. S. 14–20.

4. Emelina L. A., Yavorskij S. A. Aktual`ny`e problemy` zashhity` zhilishhny`x prav nesovershennoletnix // Detstvo — territoriya bezopasnosti: sb. materialov konf., Moskva, 7 dekabrya 2023 g. M.: Saratovskij istochnik, 2023. S. 142–145.

5. Emelina L. Problemy` rossijskogo pravovogo obrazovaniya // Yurist vuza. 2009. № 2. S. 22–24.

6. Efimova O. V. O zaloge cifrovyy`x prav // Imushhestvenny`e otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2022. № 6 (249). S. 57–61.

7. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta v usloviyax pandemii i infodemii / V. V. Blazheev [i dr.]; pod obshh. red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorovoj; Moskovsk. gos. yurid. un-t im. O. E. Kutafina (MGYuA). M.: Prospekt, 2020. 240 s.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

УДК 347.635

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-77-87

М. Н. Сурилов

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
surilovmn@mgpu.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В ЧАСТИ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ
(ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ)
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАЩИХСЯ
В СФЕРЕ СТОЛИЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования законодательства в области прав и обязанностей родителей (законных представителей) несовершеннолетних учащихся в сфере столичного образования. Актуальность темы обусловлена необходимостью модернизации правовых норм, регулирующих взаимоотношения между родителями, учащимися и образовательными организациями в условиях динамично развивающейся системы образования города Москвы. Цель исследования заключается в выявлении пробелов и коллизий в действующем законодательстве, а также в разработке предложений по его оптимизации. В ходе исследования применялись общенаучные и специальные юридические методы, в частности анализ нормативно-правовых актов федерального и регионального уровня, изучение правоприменительной практики, сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта, анкетирование родителей учащихся московских школ (выборка — 1200 респондентов).

Ключевые слова: законодательство об образовании; права и обязанности родителей; несовершеннолетние учащиеся; столичное образование; управление образовательной организацией; ответственность за воспитание.

UDC 347.635

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-77-87

M. N. Surilov

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
surilovmn@mgpu.ru

IMPROVEMENT OF LEGISLATION REGARDING THE RIGHTS AND OBLIGATIONS OF PARENTS (LEGAL REPRESENTATIVES) OF UNDERAGE STUDENTS IN THE FIELD OF METROPOLITAN EDUCATION

Abstract. This article discusses the issues of improving legislation in the field of the rights and obligations of parents (legal representatives) of underage students in the field of metropolitan education. The relevance of the topic is due to the need to modernize the legal norms governing the relationship between parents, students and educational organizations in the context of a dynamically developing education system in Moscow. The purpose of the study is to identify gaps and conflicts in the current legislation, as well as to develop proposals for its optimization. In the course of the study, general scientific and special legal methods were used, in particular, the analysis of regulatory legal acts at the federal and regional levels, the study of law enforcement practice, comparative legal analysis of foreign experience, and questioning of parents of Moscow school students (sample — 1200 respondents).

Keywords: legislation on education; rights and obligations of parents; underage students; metropolitan education; management of an educational organization; responsibility for upbringing.

Введение

Динамичное развитие системы столичного образования, обусловленное как общими тенденциями модернизации данной сферы общественных отношений, так и спецификой образовательной среды мегаполиса, актуализирует проблему совершенствования законодательства, регулирующего права и обязанности родителей (законных представителей) несовершеннолетних учащихся. Будучи ключевыми участниками образовательного процесса, родители призваны не только реализовывать предписанные законом полномочия, но и активно вовлекаться в управление образовательной организацией, содействовать повышению качества обучения и воспитания детей. Между тем анализ действующих правовых норм и правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда пробелов и коллизий, препятствующих эффективной реализации родительских прав и обязанностей.

Прежде всего, следует отметить недостаточную конкретизацию в законодательстве форм и способов участия родителей в управлении школой. Согласно

части 6 статьи 26 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон «Об образовании в РФ») в целях учета мнения родителей по вопросам управления образовательной организацией и при принятии локальных нормативных актов, затрагивающих права и законные интересы учащихся, создаются советы родителей. При этом на уровне закона не регламентируется ни порядок формирования данных советов, ни объем их полномочий, что порождает весьма разнородную практику на местах. Так, в некоторых московских школах родительские советы фактически наделяются правом вето при решении ключевых вопросов (утверждение образовательных программ, бюджета организации и т. п.), тогда как в других они носят сугубо номинальный характер. По данным проведенного опроса, лишь 28 % родителей считают объем своих управленческих полномочий достаточным.

Не менее остро стоит проблема отсутствия четких законодательных критериев ответственности родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и обучению детей. Безусловно, статья 44 Закона «Об образовании в РФ» закрепляет общую обязанность родителей заботиться о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей, однако какие-либо конкретные меры ответственности за злостное уклонение от воспитания в законе не предусмотрены. В этом контексте весьма показательны результаты анкетирования: 65 % опрошенных родителей констатировали отсутствие реальных правовых рычагов воздействия на нерадивых родителей. Сложившаяся ситуация недопустима, поскольку по своим последствиям безответственное отношение к воспитанию ребенка сопоставимо с прямым нарушением его права на образование. Еще один проблемный аспект — несогласованность норм федерального и московского законодательства в части установления дополнительных образовательных прав и гарантий для отдельных категорий учащихся. Наиболее ярко данная коллизия выражается в правовом регулировании инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Так, статья 79 Закона «Об образовании в РФ» гарантирует данной категории учащихся создание специальных условий для получения качественного образования, включая разработку адаптированных образовательных программ, предоставление услуг тьютора, обеспечение доступа в здания организаций и др. Вместе с тем финансирование указанных мероприятий, равно как и установление требований к их материально-техническому оснащению, отнесено к полномочиям региона (ст. 8, 99 Закона «Об образовании в РФ»). На практике это приводит к тому, что в силу дефицита местных бюджетов многие московские школы оказываются не готовы к полноценной реализации инклюзивного подхода. На данную проблему, в частности, указали 37 % респондентов — родителей детей с ОВЗ.

Нормативно-правовая основа и методы исследования

В качестве нормативной базы исследования выступили положения Конституции Российской Федерации, Закона «Об образовании в РФ», Закона города Москвы от 10.03.2004 № 14 «О развитии образования в городе Москве», а также подзаконных актов федерального и регионального уровней, регламентирующих права и обязанности родителей в сфере образования. При этом особое внимание уделялось анализу новелл образовательного законодательства, в частности Федеральному закону от 05.04.2021 № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”», направленных на усиление роли родителей в вопросах воспитания детей.

Эмпирическую основу исследования составили данные анкетного опроса 1 200 родителей учащихся московских школ, проведенного в период с сентября по ноябрь 2023 года. Выборка респондентов формировалась по квотному принципу с учетом территориальной принадлежности (охвачены все административные округа города Москвы), типа образовательной организации (общеобразовательные школы, гимназии, лицеи), возрастной категории детей (начальное, основное, среднее общее образование). Опросный лист включал в себя 20 вопросов, сгруппированных в три смысловых блока: 1) осведомленность родителей о своих правах и обязанностях; 2) оценка эффективности механизмов реализации родительских прав; 3) предложения по совершенствованию законодательства.

В ходе исследования применялись как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), так и специальные юридические методы. В частности, посредством формально-юридического анализа выявлялось буквальное содержание правовых норм, регламентирующих права и обязанности родителей, устанавливались присущие им пробелы и противоречия. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении положений федерального и регионального законодательства, а также при изучении зарубежного опыта правового регулирования родительских прав в образовательной сфере (в качестве объектов компаративного анализа были избраны страны ЕС и США). Благодаря социологическому методу, реализованному в форме анкетирования, были получены ценные эмпирические данные относительно практического применения законодательства и возникающих в связи с этим проблем.

Основное исследование

В результате проведенного анализа нормативно-правовой базы и правоприменительной практики выявлен ряд существенных недостатков в законодательном регулировании прав и обязанностей родителей (законных представителей) несовершеннолетних учащихся в сфере столичного образования. Установлено,

что действующие правовые нормы не в полной мере отвечают потребностям динамично развивающейся московской образовательной среды, характеризующейся высокой степенью инновационности и вариативности образовательных моделей¹.

Одной из ключевых проблем является недостаточная конкретизация управленческих полномочий родителей на уровне федерального законодательства. Согласно данным опроса, 72 % родителей считают свое участие в управлении образовательной организацией недостаточно эффективным ввиду отсутствия четких правовых механизмов реализации соответствующих прав. При этом сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта показывает, что в странах с развитыми системами образования (Финляндия, Германия, Великобритания) законодательно закреплены разнообразные формы родительского участия: представительство в школьных советах, согласование образовательных программ, контроль за расходованием бюджетных средств и др. [8]. В этой связи представляется целесообразным внести в статью 44 Закона «Об образовании в РФ» пункт, детализирующий полномочия родителей в управленческой сфере, а также предусмотреть корреспондирующую обязанность образовательных организаций по их обеспечению.

Весьма острой остается проблема ответственности родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и обучению детей. Согласно результатам анкетирования, 65 % респондентов отметили отсутствие в законодательстве действенных мер воздействия на нерадивых родителей. Действительно, несмотря на то что статья 44 Закона «Об образовании в РФ» закрепляет общую обязанность родителей обеспечивать получение детьми общего образования, а также заботиться об их физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, какая-либо конкретная ответственность за злостное уклонение от воспитания не предусмотрена. В связи с этим заслуживает внимания законодательный опыт ряда зарубежных стран (США, Франция), где установлена административная, а в некоторых случаях и уголовная ответственность родителей за непосещение ребенком школы без уважительных причин, вплоть до ограничения родительских прав [5]. Полагаем, что подобные меры могут быть имплементированы и в российское законодательство, например, путем внесения соответствующих дополнений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Семейный кодекс Российской Федерации.

Проведенное исследование выявило также проблему несогласованности федеральных и региональных норм в части установления дополнительных гарантий образовательных прав отдельных категорий учащихся. Наиболее показательна в этом отношении ситуация с правовым регулированием

¹ Любичкая К. А. Родительская вовлеченность в формирование образовательного пространства детей: дис. ... канд. наук об образовании. М.: НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/371817057> (дата обращения: 27.01.2025).

инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Так, в соответствии со статьей 79 Закона «Об образовании в РФ», для данной категории учащихся организации обязаны создавать специальные условия обучения, включая разработку адаптированных образовательных программ, предоставление услуг тьютора, обеспечение доступа в здания и др. Вместе с тем финансовое и материально-техническое обеспечение указанных условий отнесено к полномочиям субъектов РФ (ст. 8 Закона «Об образовании в РФ»). Как показывает практика, многие московские школы в силу дефицита ресурсов оказываются не готовы к полноценной реализации инклюзивного подхода: лишь в 24 % организаций имеются специально оборудованные учебные места для детей-инвалидов, в 32 % — обеспечена архитектурная доступность, в 41 % — предоставляются услуги сурдопереводчика и тифлосурдопереводчика [3]. С учетом масштабности проблемы (по официальным данным, в Москве проживает более 39 тыс. детей-инвалидов школьного возраста [9]), видится необходимым законодательно закрепить повышенные нормативы финансирования инклюзивного образования за счет средств регионального бюджета.

Пробелы в правовом регулировании выявлены и в части закрепления дополнительных мер поддержки одаренных детей, получающих образование в специализированных школах и классах. Несмотря на то что московское законодательство предусматривает систему мер по развитию таланта и способностей учащихся (гранты, стипендии, льготы при поступлении в вузы и др.), их реализация часто носит несистемный характер [2]. Так, по данным Департамента образования и науки города Москвы, в 2022 году специальную стипендию для одаренных детей получили лишь 1,7 % учащихся 5–11-х классов, тогда как в среднем по регионам России этот показатель составляет 4,8 %. В этой связи целесообразно рассмотреть вопрос о закреплении в Законе города Москвы «Об общем образовании в городе Москве» минимальных квот на предоставление грантов и стипендий одаренным школьникам. Еще одним направлением совершенствования законодательства является нормативное закрепление механизмов родительского контроля в сфере организации школьного питания. Согласно результатам опроса, 43 % родителей не удовлетворены качеством питания своих детей в образовательных организациях. При этом лишь в 6 % московских школ функционируют родительские комитеты по контролю за организацией питания [1]. По нашему мнению, в целях преодоления указанной проблемы необходимо внести в статью 37 Закона «Об образовании в РФ» норму, предоставляющую родителям право на участие в мониторинге качества питания, а также корреспондирующую обязанность школ по созданию соответствующих комиссий с участием родительской общественности.

Согласно данным анкетирования, лишь 31 % респондентов в полной мере осведомлены о содержании законодательства об образовании в части родительских прав и обязанностей. В этой связи целесообразно рекомендовать органам управления образованием и непосредственно школам активизировать

разъяснительную работу в данном направлении. В частности, можно предложить такие формы, как консультации юристов, выпуск специальных памяток и буклетов, проведение родительских собраний с участием компетентных специалистов [4].

В заключение следует отметить, что проблема совершенствования правового статуса родителей как участников образовательных отношений носит комплексный характер и требует последовательной работы как на законодательном, так и на правоприменительном уровне. Приоритетными направлениями такой работы, по мнению автора, должны стать: конкретизация полномочий родителей в сфере управления образовательной организацией; усиление ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей; обеспечение полноценных гарантий образовательных прав детей с ОВЗ и одаренных детей; повышение уровня правовой грамотности родительской общественности. Только при условии системного подхода возможно создание оптимальной модели правового регулирования, отвечающей интересам всех участников образовательного процесса и способствующей поступательному развитию столичной системы образования.

Результаты исследования также выявили существенные диспропорции в уровне вовлеченности родителей в образовательный процесс в зависимости от типа школы и социально-экономического статуса семьи. Так, если в гимназиях и лицеях доля родителей, активно участвующих в школьной жизни, составляет 67 %, то в обычных общеобразовательных школах — лишь 34 %². Аналогичным образом среди родителей с высшим образованием и доходом выше среднего уровень вовлеченности достигает 71 %, тогда как для малообеспеченных семей этот показатель не превышает 19 % [7]. Данные цифры свидетельствуют о необходимости разработки специальных мер поддержки подобных школ и семей в целях обеспечения равных возможностей для реализации родительских прав.

Сравнительный анализ динамики правонарушений, связанных с ненадлежащим исполнением родительских обязанностей, показывает неоднозначные тенденции. С одной стороны, за последние 5 лет количество родителей, привлеченных к административной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию детей (ст. 5.35 КоАП РФ), снизилось на 18 % (с 6,7 тыс. в 2017 г. до 5,5 тыс. в 2022 г.) [6]. С другой стороны, число случаев лишения родительских прав за этот же период выросло на 12 % (с 2,1 тыс. до 2,3 тыс.). Это может свидетельствовать о недостаточной эффективности существующих механизмов профилактики семейного неблагополучия и необходимости их совершенствования, в том числе путем усиления

² Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-п // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734/ (дата обращения: 20.12.2024).

межведомственного взаимодействия школы, органов опеки и комиссий по делам несовершеннолетних.

Весьма показательна статистика реализации права детей с ОВЗ на инклюзивное образование. Согласно данным мониторинга, проведенного Департаментом образования и науки города Москвы, в 2022 году лишь 27 % школ были полностью готовы к приему данной категории учащихся с точки зрения обеспечения специальных условий (в 2018 г. — 14 %). При этом в разрезе округов наблюдается существенная дифференциация: если в Центральном административном округе доля инклюзивных школ составляет 41 %, то в Троицком и Новомосковском административных округах — лишь 9 % [10]. В то же время, по экспертным оценкам, потребность в инклюзивном образовании испытывают не менее 50 % московских детей с ОВЗ школьного возраста [2]. Приведенные данные свидетельствуют о необходимости увеличения бюджетных расходов на создание в школах безбарьерной среды, а также разработки специальных мер поддержки инклюзии в наименее благополучных округах.

Результаты исследования

Резюмируя результаты проведенного исследования, можно констатировать, что состояние правового регулирования прав и обязанностей родителей в сфере столичного образования характеризуется наличием ряда проблем, препятствующих полноценной реализации родительского потенциала. Сложившаяся ситуация обусловлена как пробелами и противоречиями действующего законодательства, так и недостаточной эффективностью правоприменительной практики.

В частности, на федеральном уровне отсутствует четкая регламентация управленческих полномочий родителей, не предусмотрены действенные меры ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию детей. На региональном уровне наблюдается дефицит финансового и материально-технического обеспечения дополнительных гарантий образовательных прав отдельных категорий учащихся (детей с ОВЗ, одаренных детей). Серьезной проблемой остается низкая вовлеченность родителей в школьную жизнь, особенно в социально неблагополучных семьях и районах.

Вместе с тем анализ динамики рассмотренных показателей за последние 5 лет позволяет говорить о наметившихся позитивных сдвигах. Так, почти вдвое (с 14 до 27 %) выросла доля московских школ, обеспечивающих полноценные условия для инклюзивного образования; на 18 % снизилось число родителей, привлекаемых к административной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию. Однако темпы происходящих изменений пока не позволяют говорить о качественном рывке в модернизации рассматриваемой сферы правового регулирования.

По прогнозам экспертов, при условии реализации предложенных мер по совершенствованию законодательства (конкретизация родительских полномочий в сфере управления школой, усиление ответственности за неисполнение обязанностей, увеличение бюджетного финансирования инклюзии и поддержки одаренных детей) уже к 2030 году может быть обеспечен рост уровня родительской вовлеченности до 70–80 %, а также создана безбарьерная среда не менее чем в 90 % столичных школ. Достижение указанных показателей, в свою очередь, будет свидетельствовать о формировании в Москве одной из наиболее прогрессивных в России моделей образовательного законодательства, в полной мере обеспечивающей гармонизацию прав и интересов всех участников образовательных отношений.

Безусловно, решение поставленных задач потребует значительных усилий как от законодателя, так и от правоприменителя. Однако без их реализации вряд ли возможно поступательное развитие столичной системы образования, призванной обеспечить формирование личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире. И ключевая роль в этом процессе по-прежнему будет принадлежать семье как первичному институту социализации ребенка. Именно поэтому создание максимально комфортных правовых условий для реализации родительских функций должно рассматриваться в качестве одного из приоритетов образовательной политики Москвы на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Список источников

1. Гошин М. Е., Мерцалова Т. А. Типы родительского участия в образовании, социально-экономический статус семьи и результаты обучения // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 68–90.
2. Дзускаев М. Э. Особенности договора о приемной семье // Студенческая наука — агропромышленному комплексу: сб. науч. тр. Владикавказ: Горский гос. аграрный ун-т, 2017. С. 377–382.
3. Захаров А. Б., Адамович К. А. Региональные различия в доступе к образовательным ресурсам, в академических результатах и в траекториях российских учащихся // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 1. С. 60–80. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-1-60-80>
4. Крылова М. А. Практика модернизации системы школьного образования глазами семей учащихся: ожидания, проблемы и стереотипы восприятия // Основные направления исследований проблем модернизации России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. д-ра пед. наук, проф. Е. В. Конеевой. М.: Социально-культурная инициатива, 2023. С. 64–67.
5. Петербургский учитель и родители: в поисках оптимальных моделей взаимодействия: кол. монография / А. Н. Шевелев [и др.]; под ред. А. Н. Шевелева. СПб.: [б. и.], 2021. 218 с.
6. Поливанова К. Н., Любичкая К. А. Семейное образование в России и за рубежом // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 72–80.

7. Пчелинцева Л. М. Семейное право: учебник / под общ. ред. Л. В. Цитович. М.: Юрайт, 2019. 399 с.
8. Разорвина А. С. Родительский университет как новая форма взаимодействия семьи и образовательных организаций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1. Ч. 2. С. 167–172.
9. Сутужко Е. А. Договор о приемной семье: вопросы теории и практики // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2018. № 4. С. 13–17.
10. Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 539–554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>
11. Чернова Ж., Шпаковская Л. Политэкономика современного родительства: сетевое сообщество и социальный капитал // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 3. С. 85–105.

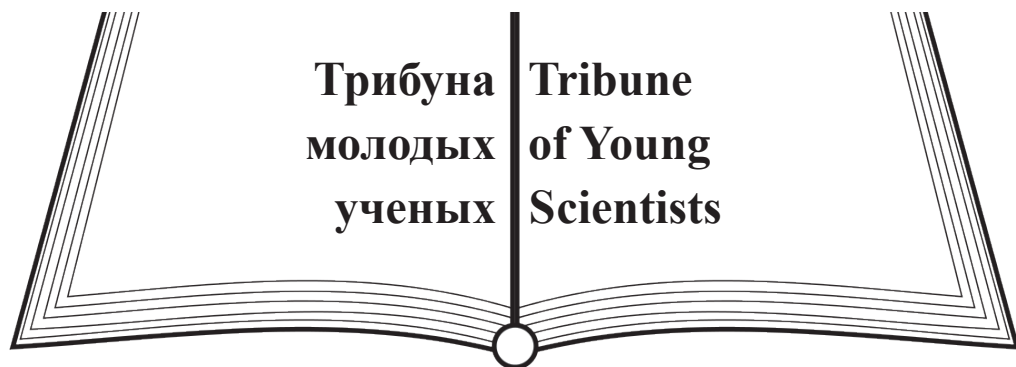
References

1. Goshin M. E., Merczalova T. A. Tipy` roditel` skogo uchastiya v obrazovanii, social`no-e`konomicheskij status sem`i i rezul`taty` obucheniya // Voprosy` obrazovaniya. 2018. № 2. S. 68–90.
2. Dzuskaev M. E`. Osobennosti dogovora o priemnoj sem`e // Studencheskaya nauka — agropromy`shlennomu kompleksu: sb. nauch. tr. Vladikavkaz: Gorskij gos. agrarny`j un-t, 2017. S. 377–382.
3. Zaxarov A. B., Adamovich K. A. Regional`ny`e razlichiya v dostupe k obrazovatel`ny`m resursam, v akademicheskix rezul`tatax i v traektoriyax rossijskix uchashhixsya // E`konomicheskaya sociologiya. 2020. Т. 21. № 1. S. 60–80. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-1-60-80>
4. Kry`lova M. A. Praktika modernizacii sistemy` shkol`nogo obrazovaniya glazami semej uchashhixsya: ozhidaniya, problemy` i stereotipy` vospriyatiya // Osnovny`e napravleniya issledovaniy problem modernizacii Rossii: materialy` Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. d-ra ped. nauk, prof. E. V. Koneevoj. M.: Social`no-kul`turnaya iniciativa, 2023. S. 64–67.
5. Peterburgskij uchitel` i roditeli: v poiskax optimal`ny`x modelej vzaimodejstviya: kol. monografiya / A. N. Shevelev [i dr.]; pod red. A. N. Sheveleva. SPb.: [b. i.], 2021. 218 s.
6. Polivanova K. N., Lyubiczkaya K. A. Semejnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom // Sovremennaya zarubezhnaya psixologiya. 2017. Т. 6. № 2. S. 72–80.
7. Pchelinceva L. M. Semejnoe pravo: uchebnyk / pod obshh. red. L. V. Citovich. M.: Yurajt, 2019. 399 s.
8. Razorvina A. S. Roditel`skij universitet kak novaya forma vzaimodejstviya sem`i i obrazovatel`ny`x organizacij // Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl`. 2017. Т. 9. № 1. Ч. 2. S. 167–172.
9. Sutuzhko E. A. Dogovor o priemnoj sem`e: voprosy` teorii i praktiki // A-faktor: nauchny`e issledovaniya i razrabotki (gumanitarny`e nauki). 2018. № 4. S. 13–17.
10. Xavenson T. E., Chirкина T. A. Obrazovatel`ny`j vy`bor uchashhixsya posle 9-go i 11-go klassov: sravnenie pervichny`x i vtovichny`x e`ffektov social`no-e`konomicheskogo polozheniya sem`i // Zhurnal issledovaniy social`noj politiki. 2019. Т. 17. № 4. S. 539–554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>

11. Chernova Zh., Shpakovskaya L. Polite`konomiya sovremennogo roditel`stva: setevoe soobshhestvo i social`ny`j kapital // E`konomicheskaya sociologiya. 2011. T. 12. № 3. S. 85–105.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

УДК 347.725

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-88-99

Д. А. Беляев

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
dbelyaev.rus@gmail.com

ЦЕЛЬ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Аннотация. В статье поставлена задача определить, что есть цель акционерного общества, как ее понимание развивалось в России с конца XIX века, когда наиболее широкое распространение получила акционерная форма хозяйствования, что обеспечило высокие темпы промышленного производства в стране. Автор проводит сравнение с современным пониманием целей акционерного общества, описывает, какие цели преследуют различные группы лиц в отношении акционерного общества, и делает предположение о наиболее полезном понимании цели, которое позволило бы обеспечить усиление акционерных обществ за счет привлечения дополнительного финансового капитала для ускорения перехода страны к шестому технологическому укладу.

Ключевые слова: акционерное общество; цель в праве; цель акционерного общества; интерес; акционеры; члены правления; совет директоров; технологический уклад.

UDC 347.725

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-88-99

D. A. Belyaev

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
dbelyaev.rus@gmail.com

THE PURPOSE OF A JOINT-STOCK COMPANY IN THE HISTORICAL AND LEGAL CONTEXT IN THE CONDITIONS OF CHANGE IN TECHNOLOGICAL ORDERS

Abstract. The article sets the task of determining what is the purpose of a joint-stock company, how its understanding developed in Russia from the end of the 19th century, when the joint-stock form of business became most widespread, which ensured high rates of industrial production in the country. The author makes a comparison with the modern understanding of the purposes of a joint-stock company, describes the purposes pursued by various groups of people in relation to a joint-stock company and makes an assumption about the most useful understanding of the goal, which would ensure the strengthening of joint-stock companies by attracting additional financial capital to accelerate the country's transition to the sixth technological order.

Keywords: joint-stock company; purpose in law; purpose of a joint-stock company; interest; shareholders; board members; board of directors; technological order.

Введение

В процессе деятельности человеку свойственно задумываться о ее целях и задавать вопрос: для чего и зачем он что-то делает? Профессор Р. фон Иеринг писал, что индивид совершает деяние не потому что, а для того, чтобы деянием достигнуть того или иного [4, с. 2; 7, с. 110–115]. Когда мы говорим о целях акционерного общества, то немного приближаемся к тому, чтобы разобраться в более глобальном для нас вопросе — о целях человека вообще, ведь акционерное общество представляет собой одновременно союз людей и союз капиталов.

Акционерная форма хозяйствования сохраняет свое движущее значение в экономике при прохождении ею очередных новых технологических укладов. Детальное теоретическое обоснование целевых установок и правильное понимание цели акционерного общества позволят нам предпринимать необходимые практические шаги для развития и концентрации акционерной формы, облегчить и ускорить переход нашей экономики к шестому технологическому укладу.

Методы исследования

При написании статьи нами использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. При обращении к российской и зарубежной юридической доктрине применен метод контент-анализа, с помощью которого выявлены основные идеи, содержащиеся в рассмотренных трудах. Для сопоставления идей и норм задействован формально-юридический метод. Также использован сравнительный диахронный метод, чтобы показать различия в понимании целей акционерного общества в корпоративной практике разных исторических периодов.

Основное исследование

Акционерное общество имеет долгую историю, которая наиболее цельно изложена профессором А. И. Каминкой [5, с. 46–319], она проистекает из римского права и создания протокомпаний в наиболее развитых торговых средневековых городах; впоследствии именно эта форма служила основой для организации рискованных и капиталоемких предприятий, для снаряжения далеких экспедиций и освоения природных ресурсов в колониях. Но действительное свое призвание акционерные общества реализовали начиная с XIX века, когда мир вступил в период стремительного развития промышленного производства и закономерно сменяющихся друг друга технологических укладов.

Цель (*нем.* *ziel*) — это понимание будущего или желаемого результата, который человек или группа людей представляют себе, планируют и обязуются достичь. Цель представляет собой философскую категорию и очень широкое понятие, которое уточняется в зависимости от области знания и деятельности человека. Значение термина будет отличаться в технике, военном деле, философии, управлении. Рассматривая цели акционерного общества, мы будем говорить о правовом, экономическом и управленческом понимании.

Чтобы попытаться ответить на вопрос «Что есть цель акционерного общества?», обратимся к доктринальным источникам XIX – начала XX века, историческим и архивным данным о деятельности акционерных компаний в Российской империи, а также к современной корпоративной практике и теоретическим научным источникам.

Правоведы сходятся во мнении, что акционерное общество по своей природе — это в первую очередь союз капиталов, но, делая такой вывод, они основываются на сравнении с другими формами предприятий, в которых преобладает элемент личности: личного труда, личной полной ответственности, личного капитала, который может возвращаться при прекращении предприятия, как, например, в артелях и простых товариществах. Однако капитал тоже создан человеком, это производное от него явление, которое принадлежит человеку и служит его целям.

С точки зрения интересов и целей капитал все же неодушевленная энергия, он представляет собой деньги, здания, оборудование и прочие вещи. В то же время капитал самым непосредственным образом пробуждает в людях интересы, формирует в них цели и заставляет их действовать определенным образом. Если бы у лица не было возможности и способности действовать каким-то необходимым ему образом для достижения целей лица, то капитал не играл бы никакой роли для обсуждения вопроса цели акционерного общества, но на поверку это оказывается не так, его роль хоть и не в своих особенных целях, но в служении целям субъектов права. Цели капитала антропоцентричны.

Кроме того, все исследователи отмечают и личный элемент акционерного общества, говоря, что оно создается именно людьми (лицами), которые вносят в его уставный капитал некоторую часть своего имущества, становясь при этом акционерами, получая акцию, удостоверяющую права в отношении акционерного общества. Имущественные права на получение дивидендов, на владение частью общества и на получение остаточного имущества при выходе из общества (при продаже акций лицо получает фактически рыночную стоимость предприятия или при ликвидации и ином прекращении общества, например при реорганизации, — для всех случаев для акционера предусмотрено предоставление акций или денег). Неимущественные права, которые связаны с управлением, а именно возможность формировать органы управления и самому баллотироваться в эти органы управления (правление, совет директоров) и участвовать в голосовании в общем собрании акционеров.

Будучи лицом, акционерное общество является гораздо более сложным организмом, в котором сосредоточены различные группы лиц: 1) акционеры; 2) члены совета директоров; 3) члены (директора) правления; 4) иные руководящие работники, в том числе руководители обособленных подразделений; 5) трудовой коллектив: рабочие и служащие; 6) государственные органы; 7) другие компании-стейкхолдеры, влияющие на деятельность рассматриваемого общества.

Все указанные группы имеют свои собственные интересы, иногда пересекающиеся, иногда нет; более того, внутри каждой из групп также нет полной общности интересов, часто нет и общности целей.

Хороший пример достижения цели акционерного общества приводит Р. фон Иеринг, говоря о строительстве железной дороги. Может быть, что никому из акционеров нет никакого дела до строительства железной дороги и открытия нового пути для облегчения оборота. Эту цель, возможно, имеет одно правительство при выдаче концессии; следовательно, только его цель и интерес взаимно покрываются, и то иногда требуется искусственный прием, чтобы подвинуть дело вперед. Из акционеров: один имеет в виду продолжительное помещение своего капитала; другой подписывается на акции, чтобы тотчас перепродать их; третий, богатый владелец недвижимой собственности и фабрикант, приобретает акции в целях более легкого сбыта своих продуктов и фабрикатов; четвертый, потому что владеет акциями железной дороги,

конкурирующей с проектируемой; пятым является община, которая в подписке на акции видит для себя необходимое условие более выгодного для нее направления железнодорожной линии, — одним словом, всякий заботится о своем собственном интересе, никто не думает о цели общества, а между тем последняя таким путем достигается, может быть, вернее и быстрее, нежели в том случае, когда бы преследовалась не косвенно, а непосредственно [4, с. 34]. Здесь мы видим, как различные, в хорошем смысле эгоистические цели акционеров слагаются в одном направлении, обеспечивая достижение цели акционерного общества.

Обратимся к формулированию целей некоторых акционерных компаний периода Российской империи, которые вели свою деятельность в период второго и третьего технологических укладов. В уставе акционерного общества «Вакуум Ойль Компания» отмечалось, что оно создается для приобретения, эксплуатации и развития в Москве торгового дела американского акционерного общества «Вакуум Ойль Компания», правление коего в городе Рочестер штат Нью Йорк, для устройства и содержания заводов для производства масел, нефтяных и жировых продуктов для технических целей [11, с. 1].

Акционерное общество «Телефон» определяло своей целью организацию междугороднего телефонного сообщения на основе концессий в Москве, во Владимире, в Орехово, Нижнем Новгороде, Шуе, Иваново-Вознесенске, Харькове, Павлограде, Екатеринославе, Бахмуте, Луганске и Бухаре [12, с. 4]. То есть цель формулировалась как ведение определенной деятельности, для которой создавалась компания.

К тому же цель должна иметь не только качественное, но и количественное измерение, коим выступает дивиденд. Поскольку акционерный капитал более рискован, то он требует повышенной нормы прибыли в сравнении с банковским вкладом, поэтому все уставы акционерных компаний в Российской империи конца XIX века содержали подробное описание дивидендной политики, которая в обязательном порядке исполнялась менеджментом компании.

При банковском проценте на вклады не более 4 % годовых дивиденды составляли (приводим средние годовые значения по справочным данным): 6,5 % (1910–1912 гг.) по акциям (паям) акционерного общества Коломенского машиностроительного завода; 6 % (1911 г.) нефтепромышленного и торгового общества «А. И. Манташев и К^о»; 15 % (1909–1912 гг.) Товарищества нефтяного производства братьев Нобель; 10 % (1910–1911 гг.) акционерного общества «Вакуум Ойль Компания»; 8,7 % (1910–1912 гг.) Товарищества мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями [1, с. 174–175, 221, 255–266, 51–52]. Действительное достижение акционерными компаниями своих целей в количественном выражении путем выплаты стабильно высоких дивидендов акционерам способствовали притоку частных капиталов в акционерные компании, что обеспечивало быстрое развитие производства и давало возможность накапливать ресурсы для качественных технологических изменений. Промышленность Российской империи находилась на технологическом уровне

западных стран, немного отставая в общем выпуске продукции, но имела более высокие темпы роста при более низком подушевом выпуске продукции и доходе населения.

Переходя к современному периоду, отметим, что статья 50 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо указывает, что основная цель акционерного общества — извлечение прибыли, поскольку оно является коммерческой организацией. По этой причине извлечение прибыли механистически отражено в уставах всех без исключения акционерных обществ в качестве их цели. Но также и другие цели встречаются в подобных документах компаний.

Как правило, ученые юристы ограничивают свои выводы именно описанием цели как извлечения прибыли, говоря, что учредителями (особенно государством) могут ставиться и некоммерческие цели, которые не связаны с получением прибыли. Действительно, можно выделить две цели: извлечение прибыли и выплату дивидендов акционерам либо направление прибыли на расширение производства. Такой точки зрения придерживаются, например, профессор Н. В. Козлова и С. Ю. Филиппова, относя цель извлечения прибыли к одному из признаков акционерного общества. Вместе с тем Н. В. Козлова акцентирует внимание на том, что, несмотря на фактическое недостижение цели извлечения прибыли, акционерное общество, не имеющее прибыли и не выплачивающее дивиденды акционерам, остается коммерческой организацией [6, с. 3–25], что безусловно так с точки зрения позитивизма и следует из буквального прочтения нормативных правовых актов и учредительных документов. Однако отсутствие прибыльной деятельности и способности распределять доходы идет вразрез с духом права, предназначением акционерной формы хозяйствования, а также не отвечает экономическому наполнению правоотношений с участием акционерного общества.

Приведем несколько современных примеров формулирования целей.

Основной целью Публичного акционерного общества (ПАО) «Газпром»¹ выступает организация эффективной работы и получение прибыли в сфере обеспечения отечественных и зарубежных потребителей газом, газовым конденсатом, нефтью и продуктами их переработки на основе прямых договоров, а также в сфере обеспечения поставок газа за пределы России по межгосударственным и межправительственным соглашениям. ПАО «РусГидро»² образовано в целях создания условий обеспечения надежности и безопасности генерирующих объектов, реализации государственной политики в области гидроэнергетики, обеспечения условия для эффективного функционирования оптового рынка электроэнергии и мощности, реализации единой стратегии в области инвестиций и привлечения капитала для решения общесистемных задач развития гидроэнергетики, освоения возобновляемых источников

¹ URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/gazprom-articles-2023-06-30-ru.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).

² URL: https://storage.yandexcloud.net/storage.rushydro.ru/iblock/ff8/ff8817d4dfaa4f71197a33cd0b7513a3/Ustav%20_redaktsiya%200_ .pdf (дата обращения: 25.01.2025).

электрической энергии, получения прибыли. В Уставе ПАО «Сбербанк России»³ указано лишь, что основной его целью служит получение прибыли, в том числе при осуществлении банковских операций. Устав ПАО «Транснефть»⁴ называет целью деятельности лишь извлечение прибыли, но с уточнением, что таковое выступает основной целью, подразумевая наличие и других целей.

В действительности формулирование целей для акционерных обществ осуществляется при утверждении советами директоров документов стратегического планирования, которые разрабатываются правлениями. Именно стратегии развития, долгосрочные программы развития и иные стратегические документы устанавливают для менеджмента компаний ключевые цели, измеримые показатели деятельности в части производственных результатов, структуры видов деятельности, а также целевые финансовые результаты. Данные документы являются инструментом упорядочения интересов и целей менеджмента и всех нижестоящих лиц, образующих акционерное общество, и их подчинения целям акционеров.

В частности, уточнения по целям деятельности даны в Долгосрочной программе развития ПАО «Транснефть», где цель уже сформулирована как «полное обеспечение потребностей нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих компаний в транспортировке нефти и нефтепродуктов на внутреннем рынке и экспортных направлениях посредством эффективной эксплуатации, развития и модернизации системы магистрального трубопроводного транспорта России»⁵.

В то же время значительная часть российских акционерных обществ не имеет понятной акционерам дивидендной политики, а также не готова выплачивать акционерам дивиденды, которые бы превышали ставки по вкладам или по долговым инструментам суверенного качества. Компании в первую очередь стремятся направить прибыль на развитие, инвестиции и расширение производства, которое может принести прибыль лишь в далеком будущем и в неопределенных объемах. Такая деформация целей акционерных обществ привела к тому, что денежная масса частных лиц не может быть мобилизована в короткие сроки и направлена в акционерные капиталы современных крупных компаний, на долю которых должна выпасть активная роль лидерства при вступлении России в шестой технологический уклад. По этим причинам нет и широкой программы акционирования и привлечения средств в уставные капиталы публичных акционерных обществ. В условиях отсутствия необходимого финансового капитала сложно ожидать высоких результатов и скорости преобразований при смене технологических укладов.

³ URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/ustav_pao_sberbank_21042023.pdf (дата обращения: 25.01.2025).

⁴ URL: <https://www.transneft.ru/upload/iblock/a9d/c1yttapjckmiebggoamwvmam1stv5pj8/Tekst-Ustava-s-vnesennymi-izmeneniyami.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).

⁵ URL: <https://ptport.ru/development/perspective/long-term-program/> (дата обращения: 25.01.2025).

Продолжая мысль о том, что акционерное общество также союз лиц, попробуем кратко изложить цели всех выделенных нами ранее субъектов права, которые образуют акционерное общество.

Сразу же начнем с членов совета директоров, поскольку цели акционеров наглядно изложены Р. фон Иерингом. Члены совета директоров избираются голосами акционеров, поэтому в большей степени преследуют их интересы и проводят ту политику, которую им сообщают акционеры [3, с. 18–21]. Таким образом, в этом состоит их основная цель: следование своей профессиональной деятельности, получение вознаграждения за свою деятельность в совете директоров и часто на предприятии акционера, которое является его основным местом работы и дохода; также член совета может стремиться к переходу в правление, представляющее собой нижестоящий орган управления, но нередко с более высоким вознаграждением и большим объемом управления, поскольку правление — исполнительный орган, непосредственно совершающий сделки и управляющий людьми, объем власти в привычном ее понимании больше. Встречаются при этом и случаи расхождения интересов члена совета директоров и акционера [2, с. 87–92].

Члены правления относятся к высшим работникам общества, подотчетным совету директоров; эта деятельность, как правило, для них основная, поэтому их цель — выполнение тех планов и финансовых показателей, которые утверждает для них совет директоров, в конечном счете для того, чтобы получить максимально возможный размер вознаграждения и обеспечить себе резюме (набор успешно выполненных публичных проектов для повышения своей привлекательности на рынке труда), а также наработать деловые связи. Учитывая, что правление определяет коммерческие условия сделок, всегда само себе (с согласия совета) формирует производственные и финансовые планы, отчетность и дает предложения о распределении прибыли, в правлении формируется ключевой центр конфликта интересов, поскольку свои цели члены правления могут стремиться реализовать в приоритете перед целями компании.

Иные руководящие работники представляют собой широкую общность должностей, которые условно можно назвать средним менеджментом. Это и директора по направлениям, не входящие в состав правления, и директора подразделений (департаментов), также сюда можно отнести руководителей филиалов, которые могут собой представлять отдельные заводы, фабрики, электростанции, рудники, шахты. Цели данной категории лиц заключаются в максимизации и обеспечении длительности своего вознаграждения за труд, а также создание условий для получения карьерного роста внутри компании или при переходе в другое акционерное общество.

Рабочие и служащие непосредственно выполняют те действия и операции, которые называются хозяйственной деятельностью, цель их — получение вознаграждения и компенсаций в качестве оплаты за свой труд, поэтому они заинтересованы в выполнении того минимального качества в своей работе,

которое гарантирует им получение максимальной оплаты. Отдельные работники обладают амбициями для карьерного роста, поэтому готовы делать больше, чем требуется, обучаться, нарабатывать связи, чтобы получить рост и стать руководящим работником.

Государственные органы имеют весьма разносторонние цели, оговоримся, что эта тема — предмет больших самостоятельных исследований. Цели зависят от того, какое имеет отношение конкретный орган власти к акционерному обществу. Орган может: 1) быть курирующим с точки зрения отраслевой принадлежности; 2) курировать конкурирующую отрасль (например, энергетика и металлургия, энергетика и сельское хозяйство, угольная промышленность и электроэнергетика); 3) не иметь отношения к курированию акционерного общества; 4) выполнять функции акционера, если речь идет об акционерном участии государства в предприятии. В свою очередь, государственный орган также имеет сложную состоящую из лиц структуру, где каждое лицо выполняет руководящие функции в рамках определенных полномочий органа, часто волеизъявление различных служащих и служащих различных органов по одним и тем же вопросам даже в пределах полномочий каждого из них может не в полной мере совпадать между собой.

Тем не менее попробуем кратко изложить цели государственных органов в отношении акционерных обществ. Курирующие органы будут стремиться к тому, чтобы создавать для акционерного общества своей отрасли условия, позволяющие реализовать им производственные планы, повысить его финансовые результаты, достигнуть отраслевых целевых показателей и лучших межотраслевых метрик, чтобы подтвердить успех отраслевого ведомства и карьерного кредо руководящих служащих ведомства.

Конкурирующие министерства (одно и то же ведомство для каких-то компаний отраслевое, для других — конкурирующее) для компаний другой отрасли будут готовы создавать препятствия и невыгодные условия работы, с тем чтобы капитал и финансовые потоки перетекали в свою отрасль и за счет чужих ресурсов улучшались свои результаты.

Те органы власти, которые напрямую не являются отраслевыми, заинтересованы в том, чтобы обеспечивать за счет акционерного общества свои цели, в том числе финансовые, например максимизацию налоговой и тарифной нагрузки для пополнения статей бюджета, за которые отвечает ведомство, а также продажу услуг и работ своих подведомственных организаций за счет введения каких-либо регулирующих норм и стандартов, в том числе в форме государственных услуг по экспертизе, стандартизации проектов, продукции и направленной деятельности. В отдельных случаях ведомства выступают потребителями промышленной продукции, в этих случаях их цели состоят в реализации инвестиционных и производственных программ акционерными обществами, чтобы они могли обеспечивать государственного заказчика необходимым объемом продукции для выполнения своих функций ведомством, прибыль акционерного общества при этом не будет играть для них существенной роли.

Когда государство выполняет функции акционера, казалось бы, что его цель тут не отличается от целей частного акционера, как мы рассмотрели ранее, просто эти цели могут быть разными. Особенность государства-акционера в том, что иногда эти цели могут быть амбивалентны за счет формирования целевых установок в различных органах власти и на разных уровнях государственного аппарата.

Профессор Д. А. Пашенцев считает, что поиск баланса государственных и негосударственных форм социальной организации может лежать в плоскости повышения значимости человека, превращения его из средства обеспечения функционирования публичной власти в цель ее деятельности. Теоретическое обоснование такого поиска, отмечает он, следует строить на современном постклассическом понимании государства и его сущности, которое синтезирует как традиционные представления о государстве, так и новые методологические подходы [8, с. 34–39; 9, с. 12–14].

Результаты исследования

Множественность лиц, которые образуют акционерное общество, либо вступают с ним в устойчивые правовые отношения, определяет, что у общества формируется множественность целей в зависимости от того, насколько сильна корпоративная власть той или иной группы и той или иной личности в компании или за ее пределами. Действительно, извлечение прибыли и доведение доли этой прибыли до акционеров венчает собой эту иерархию, но в современной практике так происходит далеко не всегда.

К. Перес справедливо отмечает, что огромную роль в необходимых для каждой промышленной революции инвестиционных сдвигах берет на себя финансовый капитал [14, с. 47], поэтому для обеспечения эффективного перехода России к шестому технологическому укладу необходимо привлечение колоссального объема акционерного капитала как в базовые, так и перспективные отрасли промышленности. Без переосмысления целей акционерного общества, определения и исполнения прозрачных и понятных инвесторам дивидендных политик едва ли возможно создать условия для притока частных накоплений в уставные капиталы акционерных обществ.

Исторический контекст, а именно практика работы акционерных компаний в Российской империи в пореформенный период, а также глубокий анализ современной корпоративной практики позволят нам более полно ответить на этот вопрос, переосмыслить имеющееся понимание и сформировать современные теоретические основы целей акционерного общества, что поможет усилить науку в преддверии вступления России в шестой технологический уклад. Полное понимание цели акционерного общества даст возможность подойти более внимательно к совершенствованию акционерного законодательства, поскольку удастся расставить приоритеты в регулировании, чтобы обеспечить

экономику притоком средств инвесторов в акционерный и долговой капитал акционерных обществ.

Выводы автора могут быть использованы для продолжения исследований в области правовых целей, совершенствовании законодательства, корпоративной практики, как методологический элемент в разработке программ для преподавания теории и истории государства и права, а также корпоративного права в учебных заведениях.

Список источников

1. Акционерно-паевые предприятия России: составлено по официальным данным, извлеченным из материалов, утвержденных общими собраниями акционеров и пайщиков, и опубликованным в органах Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов / под общ. ред. В. В. Лаврова. М., 1912–1915.
2. Беляев Д. А. Интересы акционерного общества и понятие недобросовестности директоров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 5. С. 87–92.
3. Беляев Д. А. Правовые основы взаимодействия акционера и его представителей в совете директоров акционерного общества // Право и экономика. 2006. № 8. С. 18–21.
4. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1 / [соч.] Рудольфа фон-Иеринга; пер. В. Р. Лицкого [и др.]; под ред. В. Р. Лицкого. СПб.: Изд-во Н. В. Муравьева, 1881. [2], II, VIII, 412 с.
5. Каминка А. И. Акционерные компании. Т. 1. СПб.: Типо-Литография А. Е. Ландау, 1902. 490 с.
6. Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. Понятие, признаки и виды акционерных обществ в свете реформирования ГК РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 6. С. 3–25.
7. Мотова Е. А. Влияние идей Рудольфа фон Иеринга на становление русской правовой мысли XIX века // Теория государства и права. 2021. № 3 (24). С. 110–115.
8. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 34–39.
9. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2024. 184 с.
10. Пашенцев Д. А. Финансово-правовая традиция России: монография. М.: Кнорус, 2017. 184 с.
11. Устав Русского акционерного общества для производства и продажи смазочных материалов и других химических продуктов под фирмою «Вакуум Ойль Компания». М.: [б. и.], 1907. 23 с.
12. Устав Акционерного общества «Телефон». М.: Типография П. И. Грузинова, Ипатьевский пер., д. 8, 1912. 33 с.
13. Устав Товарищества мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями. М.: Типо-Литография Н. И. Куманина, Мясницкая близ Почтамта, 1887. 26 с.
14. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / пер. с англ. Ф. В. Маевского. М.: Дело, 2011. 232 с. (Современная институционально-эволюционная теория).

References

1. Akcionerno-paevy`e predpriyatiya Rossii: sostavleno po oficial`ny`m danny`m, izvlechenny`m iz materialov, utverzhdenny`x obshhimi sobraniyami akcionerov i pajshhikov, i raspublikovanny`m v organax Ministerstva trgovli i promy`shlennosti i Ministerstva finansov / pod obshh. red. V. V. Lavrova. M., 1912–1915.
2. Belyaev D. A. Interesy` akcionernogo obshhestva i ponyatie nedobrosovestnosti direktorov // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2009. № 5. S. 87–92.
3. Belyaev D. A. Pravovy`e osnovy` vzaimodejstviya akcionera i ego predstavitelej v sovete direktorov akcionernogo obshhestva // Pravo i e`konomika. 2006. № 8. S. 18–21.
4. Iering R. Cel` v prave. T. 1 / [soch.] Rudol`fa fon-Ieringa; per. V. R. Liczkogo [i dr.]; pod red. V. R. Liczkogo. SPb.: Izd-vo N. V. Murav`eva, 1881. [2], II, VIII, 412 s.
5. Kaminka A. I. Akcionerny`e kompanii. T. 1. SPb.: Tipo-Litografiya A. E. Landau, 1902. 490 s.
6. Kozlova N. V., Filippova S. Yu. Ponyatie, priznaki i vidy` akcionerny`x obshhestv v svete reformirovaniya GK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2014. № 6. S. 3–25.
7. Motova E. A. Vliyanie idej Rudol`fa fon Ieringa na stanovlenie russkoj pravovoj my`сли XIX veka // Teoriya gosudarstva i prava. 2021. № 3 (24). S. 110–115.
8. Pashencev D. A. Antropologiya gosudarstva: ochelovechivanie pravovoj real`nosti kak vy`zov Leviafanu // Vestnik MGOU. Seriya: Yurisprudenciya. 2020. № 3. S. 34–39.
9. Pashencev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. Smena texnologicheskix ukладov i pravovoe razvitie Rossii: monografiya. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2024. 184 s.
10. Pashencev D. A. Finansovo-pravovaya tradiciya Rossii: monografiya. M.: Knorus, 2017. 184 s.
11. Ustav Russkogo akcionernogo obshhestva dlya proizvodstva i prodazhi smazochny`x materialov i drugix ximicheskix produktov pod firmoyu «Vakuum Ojl` Kompaniya». M.: [b. i.], 1907. 23 s.
12. Ustav Akcionernogo obshhestva «Telefon». M.: Tipografiya P. I. Gruzinova, Ipat`evskij per., d. 8, 1912. 33 s.
13. Ustav Tovarishhestva manufaktur P. M. Ryabushinskogo s sy`nov`yami. M.: Tipo-Litografiya N. I. Kumanina, Myasniczkaya bliz Pochtamta, 1887. 26 s.
14. Peres K. Texnologicheskie revolyucii i finansovy`j kapital. Dinamika puzy`rej i periodov proczvetaniya / per. s angl. F. V. Maevskogo. M.: Delo, 2011. 232 s. (Sovremennaya institucional`no-e`volyucionnaya teoriya).

Статья поступила в редакцию: 28.12.2024;
одобрена после рецензирования: 22.01.2025;
принята к публикации: 27.01.2025.

The article was submitted: 28.12.2024;
approved after reviewing: 22.01.2025;
accepted for publication: 27.01.2025.

УДК 349.2: 331.102.146

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-100-111

В. О. Боровченкова

Юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация,

borovchenkova.vo@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РЕАЛИЗАЦИЯ РАБОТОДАТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ

Аннотация. Под влиянием цифровизации в сфере труда происходит адаптация трудового права к происходящим изменениям в цифровой экономике, в том числе в части реализации работодательской власти и осуществления работодателю контроля как компонента работодателю власти. Если раньше контроль часто проводился непосредственно работодателем, то в настоящее время работодатели используют технические средства и информационные технологии, в том числе искусственный интеллект, в качестве инструментов контроля за выполнением трудовой функции работников. Все это ставит вызовы перед трудовым регулированием. В настоящей статье рассмотрены вопросы выбора работодателем в рамках его власти того или иного способа осуществления работодателю контроля, влияния новых технических средств и информационных технологий на этот выбор в контексте затронутой темы, а также правовые аспекты реализации контроля в современных условиях.

Ключевые слова: трудовые отношения; работодателю контроль; цифровизация; способы осуществления работодателю контроля; работодателю власть.

UDC 349.2: 331.102.146

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-100-111

V. O. Borovchenkova

Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russian Federation,

borovchenkova.vo@gmail.com

INFORMATION TECHNOLOGY AND THE EXERCISE OF EMPLOYER POWER: LEGAL ASPECTS OF EXERCISING CONTROL

Abstract. Under the influence of digitalization in the sphere of labor, labor law is adapting to the ongoing changes in the digital economy, including in terms of the exercise of employer power and the exercise of employer control as a component of employer power. Whereas in the past control was often exercised directly by the employer, nowadays employers use technical means, including artificial intelligence, as tools to control the fulfillment

of employees' labor function. All this poses challenges to labor law regulation. This article will discuss the issues of the employer's choice within its power to exercise employer control, the impact of new information technologies on this choice in the context of the topic under consideration, as well as the legal aspects of exercising control.

Keywords: labor relations; employer control; digitalization; methods of exercising employer control; employer power.

Введение

Под воздействием глобальных процессов, цифровизации, автоматизации бизнеса происходят изменения в общественной деятельности людей, в том числе и на рынке труда. Так, развитие цифровых технологий, распространение нетипичных форм занятости и стремление работодателей к поддержанию конкурентоспособности формируют новые вызовы трудовому праву. В этом контексте происходит трансформация работодательской власти и работодательского контроля за выполнением трудовой функции работников как структурного компонента работодательской власти, появляются новые способы осуществления контроля, основанные на технических средствах и искусственном интеллекте. Такие изменения требуют правового регулирования, поскольку затрагивают права и интересы работников области реализации их трудовой деятельности.

Цель исследования состоит в концептуальном анализе правовых аспектов осуществления контроля работодателя посредством технических средств через призму реализации работодательской власти.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- определение влияния информационных технологий на реализацию работодательской власти;
- выделение видов работодательского контроля посредством технических средств и определение их характеристик;
- рассмотрение зарубежной и отечественной судебной практики в контексте поставленной проблематики.

Степень научной разработанности темы

Вопросы работодательской власти изучаются в трудах Л. С. Таля, Ю. В. Пенова, А. Г. Подупейко, А. А. Линца и др. Значительный вклад в исследование контроля работодателем за выполнением трудовой функции работника внесли Е. М. Офман, И. А. Филипова и др. Анализ цифровизации в трудовых отношениях посвящены работы А. А. Бережнова, И. В. Войтковской, И. А. Костян, А. М. Куренного, А. М. Лушниковой, М. В. Лушниковой, Н. Л. Лютова и др.

Основное исследование

Специфику норм трудового права определяют такие факторы, как развитие экономических отношений в сфере труда, структур общественной и локальной организации труда. Нельзя отрицать огромное влияние цифровой экономики на развитие юриспруденции, и в частности на сферу регулирования труда. Как отмечает В. А. Вайпан, цифровая экономика неизбежно затронет трудовые отношения [7], с чем трудно не согласиться. Цифровизация оказывает значительное влияние на бизнес-процессы, происходящие во всем мире. В рамках развития цифровой экономики в Российской Федерации распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹ (далее — Программа). Поскольку без развитых цифровых информационно-коммуникационных технологий национальные организации будут вытеснены с рынка из-за неконкурентоспособности, то Программа сфокусирована на ряде направлений, к которым относятся нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность. В связи с этим работодатели следуют мировым тенденциям и модернизируют локальную организацию труда, чтобы быть конкурентоспособными и эффективно взаимодействовать с персоналом. При этом среди ученых нет единого мнения о понимании цифровизации в трудовом праве. Так, А. М. Лушников под данным феноменом понимает «процесс адаптации трудовых отношений к требованиям цифровой экономики» [4, с. 29]. Описывая понятие цифровизации, Л. Н. Чайка указывает, что она не только предполагает преобразование информации в цифровую форму, но и влияет на способы взаимодействия и жизнь человека [10].

Контроль как компонент работодательской власти подразумевает выбор работодателем способов осуществления контроля за выполнением трудовой функции работника. Причем интерес работодателя выражается в выборе такого способа контроля, который будет отражать как экономическую эффективность внедрения (улучшение показателей эффективности и производительности труда работников, выявление и предотвращение дисциплинарных нарушений), так и полную свободу по реализации своей власти. Однако в противовес этому выступают интересы работников, поскольку способы реализации контроля не должны ухудшать их положение по сравнению с законодательно закрепленным. Работодателю, осуществляющему дискреционные полномочия в рамках работодательской власти по выбору способов проведения контроля за работниками, необходимо удостовериться в том, что при принятии решения в пользу того или иного способа соблюдены следующие требования: разумность

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/72296050/> (дата обращения: 18.02.2025).

и добросовестность использования своей власти/полномочий; неухудшение положения работников относительно законодательно закрепленных норм; доведение информации до работников и др.

Рассматривая влияние цифровизации на общественную и локальную организацию труда, стоит отметить, что развитие новых технологий и внедрение искусственного интеллекта в жизнедеятельность общества происходит гораздо быстрее, чем изменение рынка труда и трудового законодательства. Причем изменения в сфере труда приобретают как количественный, так и качественный характер, в том числе в области внедрения цифровых информационных технологий. С точки зрения взаимодействия работодателей и работников это выражается в изменениях: отдельных характеристик отношений, в том числе в части осуществления работодателем контроля (качественные); структуры локальной организации труда (количественные) [3]. Если автоматизацию и оптимизацию бизнес-процессов, внедрение контроля посредством технических средств можно отнести к качественным изменениям в отношениях между работниками и работодателями, то роботизацию, использование искусственного интеллекта — к количественным. Разница заключается в том, что новые цифровые технологии в трудовых отношениях могут применяться как замена человеческого труда и привести к потере рабочих мест. Все это ставит вызовы перед трудовым законодательством. В отношении изменений качественного характера это в первую очередь определение правовых пределов реализации работодателем власти (с учетом порядка изменения определенных сторонами условий трудового договора по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда (ст. 74 Трудового кодекса Российской Федерации² (ТК РФ)) и закрепленного в трудовом законодательстве принципа определенности трудовой функции (ст. 72 ТК РФ), вопроса правомерности использования тех или иных средств контроля с точки зрения обеспечения права работников на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции Российской Федерации³), защиты персональных данных (гл. 14 ТК РФ) и др.). В отношении изменений количественного характера это вопросы квалификации тех или иных отношений в качестве трудовых или гражданско-правовых (ст. 15, 19.1 ТК РФ), проблемы осуществления увольнений по экономическим основаниям (сокращение численности или штата работников — п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Существуют различные мнения касательно того, что именно произойдет с рынком труда с развитием автоматизированных систем, робототехники и использования искусственного интеллекта в сфере труда [1, 4, 8]. Общим является понимание, что происходит изменение труда, стремительно возрастает потребность в переобучении и повышении квалификации рабочей силы,

² Трудовой кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ч. I. Ст. 3 (с послед. изм.).

³ Конституция Российской Федерации / Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 25 дек. 1993 г. № 237 (с поправками).

уменьшаются рабочие места⁴. Тем не менее можно выделить негативный и позитивный взгляды на эту проблематику. Сторонники первой точки зрения придерживаются позиции, что под влиянием цифровизации происходит снижение спроса на рабочую силу, исчезают некоторые профессии в связи с заменой работников на робототехнику. В то же время, несмотря на негативные аспекты, не стоит отрицать, что происходит изменение рабочей силы и круга задач работников, что может влиять на занятость в целом и производительность труда в конкретной организации в лучшую сторону.

В современных условиях работодатели используют технические средства и информационные технологии при осуществлении контроля за выполнением трудовой функции работников. При этом стоит обратить внимание на то, что внедрение такого контроля тесно сопряжено с правами работников на неприкосновенность частной жизни, защитой их персональных данных, а также с возможностью злоупотреблений со стороны работодателя при проведении работодателю контроле. По мнению И. А. Филиповой, такой контроль в трудовом праве будет считаться нарушением законодательства только в некоторых случаях: при применении работодателем запрещенных законом цифровых средств, при осуществлении наблюдения без предварительного предупреждения работников и в случае, если цели контроля не соответствуют выполнению трудовой функции работника [9].

Значение современных технологий в трудовых отношениях в контексте появления нетипичных форм занятости под влиянием цифровизации, использования искусственного интеллекта и автоматизации рабочих процессов, например внедрении электронного документооборота, необходимо оценивать, не упуская из виду воздействие данных технологий на работодателю контроль и тем самым его усиление в современных условиях и не ограничиваясь лишь упоминанием данной проблематики без ее концептуального рассмотрения.

Работодателю контроль — это междисциплинарный инструмент, поэтому требует оценки не только с точки зрения права, но и с точки зрения экономической целесообразности задействования технических средств в качестве контроля. Так, работодателю контроль как экономическая категория сводится по большей части к повышению производительности и эффективности труда работников. То есть цель контроля за выполнением трудовой функции работников нежелательно рассматривать только через призму управления персоналом (как экономический аспект) без привязки к трудовому законодательству, это приведет к злоупотреблениям со стороны работодателя. Фактически происходит ситуация, когда повышением производительности и эффективности труда работодатели могут объяснить внедрение в рабочий процесс любого технического средства в ущерб не только частной жизни работников, но и их психосоциальным рискам. Существуют исследования, в которых электронный

⁴ Unlocking Technology for the Global Goals. As part of Frontier 2030: Fourth Industrial Revolution for Global Goals Platform. World Economic Forum, January 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/Unlocking_Technology_for_the_Global_Goals.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

мониторинг приводил к негативным последствиям, например к снижению восприятия справедливости [12], снижению удовлетворенности работой и настроения [11, 14], повышению уровня стресса [13]. Это говорит о повышении психосоциальных рисков работников при проведении электронного мониторинга.

Психосоциальные риски в трудовом праве могут рассматриваться через призму охраны труда. Согласно статье 214 ТК РФ работодатель обязан создавать безопасные условия труда исходя из оценки факторов производственной среды и трудового процесса, которые могут привести к нанесению вреда здоровью работников. С данной точки зрения психофизическое здоровье работников можно также отнести к факторам риска, подвергающимся воздействию со стороны работодателского контроля посредством технических средств.

Цифровая экономика имеет огромное значение при изменении процесса работодателского контроля за выполнением трудовой функции работников. Так, происходит усиление и ужесточение контроля при помощи технических средств. С одной стороны, в трудовом законодательстве напрямую не прописан запрет на применение любых механизмов контроля за деятельностью и поведением работников в различных целях посредством технических средств, в том числе основанных на системах искусственного интеллекта. С другой стороны, чрезмерный контроль и ограниченное законодательное регулирование могут привести к злоупотреблениям со стороны работодателя.

К основным способам осуществления контроля работодателя посредством технических средств относят отслеживание телефонных звонков и электронной переписки, социальных сетей работников, использования сети Интернет, активности работника за компьютером, осуществление видеонаблюдения, GPRS и GPS-наблюдения, прослушивание разговоров, а также отслеживание психофизиологического состояния работника [5]. В свою очередь, И. А. Филипова делает акцент на робототехнике, нейронаблюдении и системах искусственного интеллекта, внедряемых работодателем в целях прогнозирования поведения работников при выполнении ими трудовой функции [9].

Действительно, такие способы осуществления контроля за выполнением трудовой функции работников набирают все больше популярности со стороны работодателей, поскольку обеспечивают наиболее детальное наблюдение за работниками. Тем не менее с точки зрения доктринального и практического рассмотрения данной проблематики необходима более структурная классификация, отражающая особенности и различия правового регулирования внедренного контроля посредством технических средств на объектах работодателя. Так, следует выделять два вида контроля посредством технических средств: отслеживание деятельности и поведения работников посредством технических средств и делегирование принятия отдельных решений системами искусственного интеллекта (ИИ). К первому стоит причислить использование различных цифровых технологий в качестве отслеживания выполнения трудовой функции работников, например: видео- и аудиофиксации, датчиков слежения, пропускной системы посредством биометрических персональных данных работников,

браслетов с тактильной обратной связью, GPS-наблюдения, поведенческой биометрической системы отслеживания типичного поведения работника за работой за компьютером и т. д., а ко второму — предупреждение работника о невыполнении нормы выработки на основе анализа ИИ, разработку профиля типичного поведения работника, автоматизированную оценку работника и принятие решений об увольнении и т. д.

Различие заключается в функциональной части выделенных видов контроля. Если первый вид представляет собой вспомогательное средство для работодателя, то есть цифровые информационные технологии только собирают, обрабатывают и хранят информацию о выполнении трудовой функции работниками, а непосредственной оценкой и принятием решений на основании этой информации занимается работодатель (или ответственное лицо, назначенное работодателем), то второй вид контроля подразумевает делегирование работодателем части своих полномочий по принятию отдельных решений системам ИИ. С этой точки зрения очевидно, что правовое регулирование будет различаться. Так, обращение к ИИ в сфере труда, в силу отсутствия законодательного регулирования, требует от работодателя более детального составления локальных нормативных актов, учета прав и законных интересов работников в целях их защиты и недопущения злоупотребления.

Для контроля входа на территорию организации наиболее простыми являются: система контроля и управления доступом (СКУД); система операционного производственного контроля и предотвращения чрезвычайных происшествий (СОПК). Они относятся к контролю посредством технических средств, поскольку в их состав входят считыватели, магнитные и механические замки, система производственного видеонаблюдения, сигнализация и т. д. Тем не менее с развитием цифровых технологий работодатели все чаще обращаются к внедрению пропускного режима через биометрические данные работников, в частности посредством дактилоскопии или распознавания лиц. Это дает возможность обеспечить безопасность и реальную персонификацию работников, но и несет в себе серьезные риски несоблюдения законодательства о персональных данных.

Весьма значим контроль деятельности дистанционных работников, поскольку непосредственный личный контроль руководителем за работой таких лиц осуществлять невозможно. Наиболее эффективным способом контроля посредством технических средств за такими работниками является использование системы учета рабочего времени и действий работников на персональном компьютере (ПК) (например, отслеживание движений курсора на компьютере работника и запись на сервер работодателя [2], причем современные программы контроля за дистанционным работником предусматривают в случае отсутствия движения курсора в течение определенного времени информирование об этом работника и работодателя). Такого рода системы контроля фиксируют фактически отработанное время, начало и конец рабочего дня, все действия, совершенные в течение рабочего дня, блокируют сайты и приложения, не предназначенные для работы, и т. д. Особенность дистанционного труда проявляется

в организации труда: обеспечение работодателем необходимым оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами или дистанционный работник вправе использовать свои или арендованные технические средства (ст. 312.6 ТК РФ). В связи с этим возникает ряд вопросов: правомерность требования работодателя установить систему фильтрации веб-трафика [6], программы контроля работы за ПК, предусматривающие скриншоты экрана монитора, мониторинг и блокировку сайтов, мониторинг поисковых запросов, автоматизированную оценку продуктивности (при этом такие программы имеют доступ к веб-камерам и микрофонам компьютера работника, а также могут иметь скрытый режим, то есть работник не будет знать о том, какой именно мониторинг программа использует в конкретный момент времени), и т. д. Очевидно, что при использовании компьютера, предоставленного работодателем, на нем могут быть установлены такого рода программы, поэтому их применение законно и возможно только в период рабочего времени работника (согласно ст. 312.4 ТК РФ режим рабочего времени устанавливается дистанционным работником, если иное не предусмотрено, а также время взаимодействия такого работника с работодателем включается в рабочее время). Стоит отметить, что эксплуатация дистанционным работником личного компьютера подразумевает согласие работника на установление контролирующих программ работодателя.

Работодателю предпочтительнее предоставлять дистанционному работнику оборудование и программно-технические средства. Таким образом, снизится риск работодателя, связанный с незаконным вмешательством в частную жизнь работников.

Внедрение новых информационных технологий в трудовые процессы и сферу труда, а также проблемы при их правовом регулировании встречаются как в российском, так и в зарубежном правовом порядке. Например, суд Зеландии — Западного Брабанта (Нидерланды) рассмотрел следующую ситуацию: работодатель требовал от дистанционных работников демонстрировать экран рабочего стола компьютера и держать включенной камеру на компьютере на протяжении девяти часов (в рабочее время)⁵. Работник отказался от включения камеры, ссылаясь на то, что работодатель уже контролирует выполнение его трудовой функции за счет демонстрации экрана рабочего стола и включенная камера является излишней мерой. В связи с этим работник был уволен. Суд пришел к выводу, что требование работодателя включать камеру на протяжении рабочего дня нарушает право работника на частную жизнь.

В отечественной практике также встречаются случаи, когда работники оспаривают право работодателя на внедрение видеонаблюдения за рабочим местом. Они ссылаются на то, что видеонаблюдение нарушает их право на частную жизнь. Судебная практика по данному вопросу противоречива и не имеет

⁵ Rechtbank Zeeland-West-Brabant. 28-09-2022. № 10072897 AZ VERZ 22-61. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:RBZW:2022:5656> (дата обращения: 25.02.2025).

однозначного ответа. Так, Третий кассационный суд общей юрисдикции пришел к выводу, что видеонаблюдение может применяться только с учетом следующих целей: эффективности производства, контроля рабочего времени работников, рационального использования рабочего времени, повышения производительности труда⁶. Таким образом, установление видеонаблюдения в комнате отдыха не подходит ни под одну из указанных целей, а следовательно, нарушает права работников на неприкосновенность частной жизни. Примером обратной судебной практики может служить дело, суть которого состоит в том, что работодатель осуществлял непрерывное видеонаблюдение, в том числе тогда, когда у работников был перерыв для отдыха и питания⁷. Так, распоряжением руководителя был установлен запрет на изменение положения камеры, завешивание посторонними предметами и совершение иных действий, препятствующих обзору. Работник нарушил данный запрет, за что был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде выговора. Суд указал, что установление постоянного непрерывного видеонаблюдения работодателем не нарушает право работника на частную жизнь. Этот вывод вытекает из целей установления видеонаблюдения: обеспечение безопасности рабочего процесса, обусловленность характером работы и повышенной опасностью организации. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что суды неоднозначно смотрят на проблематику связи установления видеонаблюдения на рабочем месте и неприкосновенности частной жизни работников. В связи с этим работодателям необходимо четко прописать цели осуществления видеонаблюдения на рабочем месте в локальном нормативном акте.

Еще один распространенный способ контроля — применение полиграфа (детектора лжи). Работодатели обращаются к нему как к инструменту выявления недобросовестности кандидата/работника в различных случаях. Например, при приеме на работу с помощью полиграфа можно установить деловые качества кандидата на должность и проверить достоверность необходимой для данной должности информации. Несмотря на то что законодательного запрета нет на использование полиграфа в деятельности работодателя по управлению персоналом, работодатель должен соблюдать ряд ограничений: избегать дискриминационных вопросов, учитывать возраст и состояние здоровья исследуемого на полиграфе (нежелательно проходить полиграф беременным женщинам, несовершеннолетним и лицам с определенными заболеваниями), получить согласие на прохождение полиграфа. Тем не менее не стоит забывать о том, что результаты, полученные с помощью полиграфа, могут быть интерпретированы в качестве рекомендаций для принятия того или иного юридически

⁶ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.07.2023 № 88-14171/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=454821&ysclid=m7bso43vkm167047065> (дата обращения: 19.02.2025).

⁷ Апелляционное определение Мурманского областного суда от 25.04.2022 № 33-978/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://actofact.ru/case-51OS0000-33-978-2022-2022-03-11-0-1/> (дата обращения: 19.02.2025).

значимого решения. В контексте реализации работодательской власти важным фактором выступает то, что суды не считают использование такого технического средства нарушением прав работника⁸. Тем не менее они оценивают правомерность решений, принятых на основе полиграфа или в связи с его прохождением работником. Например, суд признал незаконным отстранение от работы работника, который отказался пройти проверку на детекторе лжи⁹. Суд мотивировал свое решение тем, что данное основание не включено в перечень для отстранения работника от работы.

Таким образом, цифровизация влияет на изменение не только отдельных характеристик трудовых отношений, но и способов осуществления работодателем контроля. Появляется более агрессивный контроль за выполнением трудовой функции работников посредством технических средств, что требует особого внимания со стороны законодательства (например, в части целесообразности внедрения такого контроля). Так, цели должны отвечать интересам работодателя, работника и государства.

Результаты исследования

В условиях постоянного развития информационных технологий, цифровизации, автоматизации бизнес-процессов трудовое право сталкивается с новыми вызовами, которые касаются как реализации работодательской власти, так и изменения способов осуществления работодателем контроля как компонента власти работодателя. Это выражается в стремлении работодателей максимально свободно реализовывать свою власть в контексте осуществления контроля за выполнением трудовой функции работников. Причем внедрение информационных технологий в рабочие процессы и те изменения, которые они вносят в сферу труда, приобретают количественный (квалификация отношений в качестве трудовых или гражданско-правовых, вопросы увольнения по экономическим причинам) и качественный (определение правовых пределов реализации работодателем власти) характер.

⁸ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2022 по делу № 88-16099/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=89883&cacheid=77AF1FDDEE7A814B2670F4319535736B&mode=splus&rnd=lzz8ww#Lp1TudUmpjBzb6Rk> (дата обращения: 25.12.2024); Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.12.2022 по делу № 88-33502/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=card&page=splus&rnd=AQz7tA&ts=Gv1TudUOWivK3abm4#splus> (дата обращения: 25.12.2024); Решение Кузнецкого районного суда № 2-363/2019 2-363/2019~М-335/2019 от 24 апреля 2019 г. по делу № 2-363/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7fYmanyc3FYI/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁹ Апелляционное определение Омского областного суда от 07.05.2018 г. по делу № 33-2721/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOSB&n=4991705&cacheid=779E2083509BB96BF1974734E04E34F5&mode=splus&rnd=AQz7tA#VaMTudUUgQpFlqc6> (дата обращения: 25.12.2024).

За счет внедрения контроля посредством технических средств происходит ужесточение контроля работодателя. С одной стороны, использование любых средств контроля за выполнением трудовой функции работника не запрещено законодательством, а с другой — может привести к злоупотреблениям со стороны работодателя и ухудшению положения работника.

Следует выделять два вида контроля посредством технических средств, которые будут различаться с точки зрения правового регулирования: отслеживание деятельности и поведения работников посредством использования технических средств и делегирование принятия отдельных решений системам искусственного интеллекта.

Список источников

1. Бережнов А. А. Цифровизация в сфере труда и ее влияние на повышение производительности труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 11–13.
2. Забрамная Е. Ю. Правовое поведение участников трудового правоотношения и его взаимосвязь с ответственностью по трудовому праву: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: [б. и.], 2022. 532 с.
3. Линец А. А. Правовые конструкции реализации работодательской власти // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 4. С. 12–15.
4. Лушников А. М. Цифровизация трудового права и трудовые отношения // Закон. 2022. № 10. С. 28–37.
5. Офман Е. М. Трансформация права работодателя на осуществление контроля за поведением работника в цифровой экономике // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 130–145.
6. Офман Е. М. Наблюдение и контроль в трудовых отношениях: баланс прав и интересов работников и работодателей // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 73–87.
7. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А. В. Белицкая [и др.]; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.
8. Филипова И. А. Трудовое право при переходе к цифровому обществу: происходящие изменения и контуры будущего // Журнал российского права. 2021. № 3. С. 92–105.
9. Филипова И. А. Трудовое право: вызовы информационного общества // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 162–182.
10. Чайка Л. Н. Действие Европейской социальной хартии в условиях цифровизации // Социальное и пенсионное право. 2021. № 4. С. 36–38.
11. Davidson R., Henderson R. Electronic performance monitoring: A laboratory investigation of the influence of monitoring and difficulty on task performance, mood state, and self-reported stress levels // Journal of Applied Social Psychology. 2000. N 30. Pp. 906–920.
12. McNall L. A., Roch S. G. A social exchange model of employee reactions to electronic performance monitoring // Human Performance. 2009. N 22 (3). Pp. 204–224.
13. The effect of age and task difficulty / J. Mallo [et al.] // Performance Improvement Quarterly. 2007. N 20. Pp. 49–63.
14. Thompson L. F., Sebastianelli J. D., Murray N. P. Monitoring online training behaviors: awareness of electronic surveillance hinders e-learners // Journal of Applied Social Psychology. 2009. N 39. Pp. 2191–2212.

References

1. Berezhnov A. A. Cifrovizaciya v sfere truda i ee vliyanie na povыshenie proizvoditel'nosti truda // *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. 2022. № 2. S. 11–13.
2. Zabramnaya E. Yu. Pravovoe povedenie uchastnikov trudovogo pravootnosheniya i ego vzaimosvyaz' s otvetstvennost'yu po trudovomu pravu: dis. ... d-ra jurid. nauk. M.: [b. i.], 2022. 532 s.
3. Linecz A. A. Pravovy'e konstrukcii realizacii rabotodatel'skoj vlasti // *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*. 2022. № 4. S. 12–15.
4. Lushnikov A. M. Cifrovizaciya trudovogo prava i trudovy'e otnosheniya // *Zakon*. 2022. № 10. S. 28–37.
5. Ofman E. M. Transformaciya prava rabotodatelya na osushhestvlenie kontrolya za povedeniem rabotnika v cifrovoj e'konomie // *Ezhegodnik trudovogo prava*. 2021. № 11. S. 130–145.
6. Ofman E. M. Nablyudenie i kontrol' v trudovy'x otnosheniyax: balans prav i interesov rabotnikov i rabotodatelej // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2021. № 11. S. 73–87.
7. Pravovoe regulirovanie e'konomicheskix otnoshenij v sovremenny'x usloviyax razvitiya cifrovoj e'konomie: monografiya / A. V. Beliczkaya [i dr.]; otv. red. V. A. Vajpan, M. A. Egorova. M.: Yusticinform, 2019. 376 s.
8. Filipova I. A. Trudovoe pravo pri perexode k cifrovomu obshhestvu: proisxozhshhie izmeneniya i kontury' budushhego // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2021. № 3. S. 92–105.
9. Filipova I. A. Trudovoe pravo: vy'zovy' informacionnogo obshhestva // *Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly' e'konomie*. 2020. № 2. S. 162–182.
10. Chajka L. N. Dejstvie Evropejskoj social'noj xartii v usloviyax cifrovizacii // *Social'noe i pensionnoe pravo*. 2021. № 4. S. 36–38.
11. Davidson R., Henderson R. Electronic performance monitoring: A laboratory investigation of the influence of monitoring and difficulty on task performance, mood state, and self-reported stress levels // *Journal of Applied Social Psychology*. 2000. N 30. Pp. 906–920.
12. McNall L. A., Roch S. G. A social exchange model of employee reactions to electronic performance monitoring // *Human Performance*. 2009. N 22 (3). Pp. 204–224.
13. The effect of age and task difficulty / J. Mallo [et al.] // *Performance Improvement Quarterly*. 2007. N 20. Pp. 49–63.
14. Thompson L. F., Sebastianelli J. D., Murray N. P. Monitoring online training behaviors: Awareness of electronic surveillance hinders e-learners // *Journal of Applied Social Psychology*. 2009. N 39. Pp. 2191–2212.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-112-118

А. Г. Герреро Манчай

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
anitagabriela539@gmail.com

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТРАСЛИ ПРАВА:
ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ**

Аннотация. В статье поставлена задача выявить современные тенденции трансформации отрасли права. Отмечается необходимость в модернизации и унификации сложившихся подходов. Действующие теоретические конструкции и модели в части системы права, несмотря на их фундаментальный и бесспорный характер, не охватывают в полной мере усложнившиеся общественные отношения. В это же время появляются новые концепции, попытки обоснования все новых отраслей права. Данная тенденция приводит к нерегулируемому размыванию возможных границ системы права, самой теоретической конструкции, ее элементов. На этом фоне сохраняются нерешенные в правовой науке фундаментальные проблемы, требующие разумного и согласованного разрешения. Кроме того, предложены возможные способы решения некоторых из изложенных проблем.

Ключевые слова: система права; структура права; отрасль права; комплексное правовое регулирование; систематизация права; критерии обособления.

UDC 340.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-112-118

A. G. Gerrero Manchay

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
anitagabriela539@gmail.com

**TRANSFORMATION OF THE BRANCH OF LAW:
THE MAIN TRENDS**

Abstract. The article discusses current issues and trends in the transformation of the branch of law. The need for modernization and unification of existing approaches is noted. The current theoretical constructions and models in terms of the legal system, despite their fundamental and indisputable nature, do not fully cover the complicated social relations. At the same time, new concepts and attempts to substantiate all new branches of law are growing rapidly. This trend leads to an unregulated blurring of the possible boundaries of the legal system, the theoretical structure itself, and the elements. Against

this background, fundamental problems that remain unresolved in legal science and require a reasonable and coordinated solution. In addition, possible solutions to some of the above problems are proposed.

Keywords: system of law; structure of law; branch of law; complex legal regulation; systematization of law; criteria of separation.

Введение

Усложнение общественных отношений, необходимость в структурировании и систематизации новых норм права в условиях быстро меняющихся правовых реалий XXI века возвращают к обсуждению устоявшихся правовых категорий, конструкций, пересмотру теоретических подходов. К одной из таких теоретических конструкций относится система права и ее наиболее крупная составная часть — отрасль права.

Задачи исследования: рассмотреть понятие «отрасль права», определить ее место в системе права, установить критерии ее обособления, обозначить имеющиеся проблемные вопросы в современной юридической науке, описать основные тренды модификации отрасли права.

Проработка темы осуществлялась на основе трудов советских и российских ученых с использованием логических методов, системного подхода и метода правового моделирования.

Основное исследование

В классической правовой научной литературе отрасль права рассматривается в качестве наиболее крупного элемента системы права.

Под системой права в самом общем смысле понимается исторически сложившаяся, объективно существующая внутренняя структура права, обусловленная характером регулируемых общественных отношений. Таким образом, это системное образование с присущими ему такими характеристиками, как реальность явления, динамичность и возникновение в результате формирования общественных отношений [4, с. 257]. По итогам анализа юридической литературы представляется разумным полагать, что данное определение в том или ином виде является широко признанным и классическим. В этой связи в статье будем исходить из признанных характеристик, лежащих в основе дефиниции.

Структура системы права иерархична. Венчает данную структуру отрасль права, а далее в упрощенном порядке по убыванию — институт права и норма права. Каждый элемент системы права, словно матрешка, заключает в себе меньшие элементы, и, наоборот, совокупность связанных между собой однородных норм объединяется в институты, которые также по принципу однородности группируются в отрасли права.

По мнению С. С. Алексеева, указанной ранее триадой не исчерпывается сложное строение права [2, с. 25]. Отрасль, институт и норма — необходимые элементы системы права. В свою очередь, дополнительно выделяются субинституты, подотрасли, а также отдельными учеными — правовые принципы, субъект права и иные элементы. Однако для целей настоящей статьи в исследовании дополнительных элементов системы права отсутствует потребность.

Институтом права считаются относительно обособленные группы взаимосвязанных между собой правовых норм, регулирующих определенный круг общественных отношений [3, с. 174].

Под нормой права понимаются общеобязательные правила поведения, которые исходят от государства. При этом норма права регулирует наиболее важные общественные отношения [3, с. 174].

Таким образом, отрасль права выступает в качестве некоей верхнеуровневой теоретической конструкции, позволяющей сгруппировать, систематизировать или упорядочить некие правовые массивы в те или иные правовые блоки.

Ключевую роль здесь играют критерии обособления отраслей права. Классическими критериями служат предмет и метод правового регулирования.

Предмет позволяет определить круг общественных отношений, на которые воздействует право. Метод является непосредственно способом воздействия на общественные отношения.

Однако в связи с возникновением новых феноменов в общественной жизни, в том числе связанных с развитием информационных технологий, складываются новые правовые отношения.

Непосредственную связь любых изменений социальных явлений и модернизации правового регулирования отмечает Д. А. Пашенцев. Более того, автором дается прогноз эволюции системы российского права, который опирается на положения теорий технологических укладов. Так, в настоящее время наблюдаются признаки зарождения нового, шестого технологического уклада [5, с. 32]. Таким образом, скорость развития придает хаотичность процессам, нуждающимся в дальнейшем упорядочении и надлежащем оформлении.

По мнению Д. М. Азми, при рассмотрении отраслевой конструкции системы права предмета и метода правового регулирования недостаточно для последовательного обособления и объединения правовых норм. Указание на наличие отрасли права должно осуществляться исходя из совокупности факторов разного правового воздействия [1, с. 105].

В свою очередь, метод правового регулирования с учетом глобальных изменений также может подвергнуться определенным модификациям. В частности, Д. А. Пашенцев выделяет активное развитие новой научной методологии, в основе которой лежит междисциплинарный синтез. Применительно к системе права перспективное внедрение современных технологий, по мнению автора, приведет к серьезным ее количественным и качественным изменениям [5, с. 36]. Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что это непосредственно затронет и отрасль права.

Таким образом, классические критерии обособления, такие как предмет и метод, в будущем, возможно, будут наполнены иным содержанием либо вовсе пересмотрены.

Возвращаясь к исследованию критериев обособления отраслей права в рамках выделения отраслей права, представляется необходимым придерживаться системного подхода, то есть применять комплекс критериев одновременно, так как самостоятельно взятый один критерий может быть присущ множеству разных отраслей права.

При этом при разграничении отраслей права необходимо исходить из идеальной модели такой отрасли, в которой имеются нормы только однородного характера. В реальности самостоятельные классического образца отрасли права могут содержать нормы разного порядка, однако четко обозначается тренд — преимущественные характеристики. Некоторыми учеными также выделяются комплексные отрасли права. К указанным можно отнести отрасли права, в которых пропорция разнопорядковых и однопорядковых норм составляет не менее 50 %. Вопрос о комплексных отраслях права имеет дискуссионный характер.

Один из представителей блока ученых, признающих комплексные отрасли права, — Ю. К. Толстой. Так, решая вопрос о хозяйственном праве, автор отмечает отсутствие препятствий к признанию хозяйственного права в качестве комплексной отрасли права. Хозяйственное право, по его мнению, составляют нормы государственного, административного, гражданского и процессуального права. При этом автор относит данную отрасль права не к системе, а к систематике права [7, с. 12].

В настоящее время все больше внимания в научной юридической среде обращается на тренд по формированию новых отраслей права, в том числе комплексных. Указанную тенденцию справедливо замечают и рассматривают, в частности, Т. Н. Радько и А. А. Головина. Авторы подчеркивают, что некоторые современные ученые предлагают «буквально экзотические идеи» — лечебно-исправительное, служебное, профсоюзное право, право Интернета и др. [6, с. 34].

Краеугольным камнем в сложившейся ситуации выступает отсутствие актуализированной и признанной в научной среде системы критериев обособления. Так, по итогам проведенного анализа Т. Н. Радько и А. А. Головина констатируют, что различными авторами используется более трех десятков критериев отраслеобразования [6, с. 37].

При изучении данного вопроса необходимо учитывать, что право как социальное явление меняется, трансформируется вместе с усложнением, изменением общественных отношений. Теоретическая проработка системы критериев обособления, ее компонентов, модернизация общепринятого подхода к решению данного вопроса представляются одними из приоритетных направлений в современной юридической науке. Так, система критериев, например, может выступать в качестве некой шкалы оценки, универсального чек-листа, где все единицы системы равны 100 %, а каждый критерий — долей.

В дальнейшем представляется целесообразным рассмотреть возможность включения в систему критериев обособления, помимо предмета и метода правового регулирования, следующие блоки:

- 1) деление на частное или публичное право;
- 2) деление на процессуальное или материальное право (учитывая, что процессуальное производно от материального);
- 3) возможность применения институтов иной отрасли права.

Включение пунктов 1–2 имеющейся классификации в праве может позволить сгруппировать нормы права по блокам с учетом указанных признаков. Пункт 3 позволяет выявить наличие или отсутствие признаков комплексного правового регулирования и поставить вопрос о реальном существовании той или иной отрасли права или наличии подотрасли (института), комплексной отрасли и др. Для понимания мысли прилагается сравнительная таблица отраслей права (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение отраслей права

№	Наименование отрасли права	Предмет	Метод	Частное/публичное	Процессуальное/материальное	Применение институтов иной отрасли права
1	Конституционное право	Индивидуальный	Императивный	Публичное	Материальное	Не применяется
2	Гражданское право	Индивидуальный	Диспозитивный	Частное	Материальное	Не применяется
3	Трудовое право	Индивидуальный	Диспозитивный	Частное	Материальное	Не применяется
4	Уголовно-процессуальное право	Индивидуальный	Императивный	Публичное	Процессуальное	Общие для процессуальных отраслей права
5	Гражданское процессуальное право	Индивидуальный	Императивный	Публичное	Процессуальное	Общие для процессуальных отраслей права
6	Земельное право	Индивидуальный	Императивно-диспозитивный	Частно-публичное	Материальное	Применяется. Например, институт гражданского права — обязательственное право

Результаты исследования

В процессе исследования рассмотрено понятие отрасли права, элементы отрасли права, место отрасли права в системе права, критерии обособления, обозначены имеющиеся проблемные вопросы в современной юридической науке. На этой основе представляется возможным выделить следующие основные тренды трансформации отрасли права:

1) пересмотр подходов к содержанию предмета и метода правового регулирования;

2) выработка унифицированных критериев обособления отраслей права (формирование чек-листа), в частности возможность применения отдельных способов классификации в качестве критериев обособления;

3) появление новых отраслей права, в том числе группировка норм права, степень их обобщения и однородности для признания отрасли сформировавшейся;

4) формирование комплексных отраслей права и комплексных правовых образований.

С учетом изложенного необходимо отметить, что теоретическая конструкция отрасли права требует обновления и унификации подходов в современном мире. Достижение консенсуса по данным вопросам в научной среде позволит упорядочить хаотические тенденции основополагающих теоретических блоков права, приблизить их к сложившейся общественной и правовой действительности, упрочить теоретические конструкции и модели.

Список источников

1. Азми Д. М. Правовая структуризация и систематика. М.: Юстиц-информ, 2010. 320 с.
2. Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 2: Специальные вопросы правоуедения. М.: Статут, 2010. 471 с.
3. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права России: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2: Право. М.: Проспект, 2019. 448 с.
4. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 464 с.
5. Пашенцев Д. А. Система права России в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 4. С. 32–38.
6. Радько Т. Н., Головина А. А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. 2017. № 2. С. 34–40.
7. Толстой Ю. К. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961–1965): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л.: [б. и.], 1970. 40 с.

References

1. Azmi D. M. Pravovaya strukturizaciya i sistematika. M.: Yusticz-inform, 2010. 320 s.
2. Alekseev S. S. Sobr. soch.: v 10 t. [+ Spravochn. tom]. T. 2: Special'ny'e voprosy' pravovedeniya. M.: Statut, 2010. 471 s.

3. Marchenko M. N., Deryabina E. M. Teoriya gosudarstva i prava Rossii: ucheb. posobie: v 2 t. T. 2: Pravo. M.: Prospekt, 2019. 448 s.

4. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebник. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2024. 464 s.

5. Pashencev D. A. Sistema prava Rossii v usloviyax perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2020. № 4. S. 32–38.

6. Rad'ko T. N., Golovina A. A. Sovremennaya sistemno-pravovaya teoriya: novy`j e`tap razvitiya ili metodologicheskij krizis? // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 2. S. 34–40.

7. Tolstoj Yu. K. Kodifikaciya grazhdanskogo zakonodatel`stva v SSSR (1961–1965): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. L.: [b. i.], 1970. 40 s.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

УДК 348.9:28

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-119-129

Р. М. Исмаилов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, Российская Федерация,
rashad.ismailov.2021@gmail.com

**ИСТОЧНИКИ ИСЛАМСКОГО ПРАВА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Аннотация. В статье автор характеризует главные особенности системы источников исламского права в различные исторические периоды — с момента формирования по настоящее время. Цель исследования — определить на основании анализа становления и развития источников мусульманского права ключевые этапы данного развития. Методологическую основу исследования составляют диалектика как всеобщий метод познания, общенаучные методы (исторический, системный) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). В работе приводятся аргументы в пользу обоснованности периодизации развития системы источников мусульманского права, включающей в себя пять стадий: 1) период формирования — с первой половины VII века по первую половину VIII века; 2) утверждение мазхабов — религиозно-правовых школ — вторая половина VIII – IX век; 3) период таклида (запрет самостоятельного толкования и выведения правовых норм) — X – первая половина XIX века; 4) период реформ европейского образца — вторая половина XIX – первая половина XX века; 5) период реисламизации — со второй половины XX века по настоящее время. Результаты исследования позволяют автору сделать прогноз о дальнейшем продолжении процесса реисламизации в правовых системах стран мусульманского мира.

Ключевые слова: исламское право; шариат; фикх; мазхаб; источник права; иджтихад.

UDC 348.9:28

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-119-129

R. M. Ismailov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russian Federation,
rashad.ismailov.2021@gmail.com

**SOURCES OF ISLAMIC LAW:
HISTORY AND MODERNITY**

Abstract. In the article the author characterizes the main features of the system of sources of Islamic law in different historical periods — from the moment of its formation to the present day. The purpose of the study is to determine the key stages of this development based on the analysis of the formation and development of the sources of Muslim law. The methodological basis of the study is dialectics as a general method of cognition, general scientific

methods (historical, systemic) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal). The work presents arguments in favor of the validity of the periodization of the development of the system of sources of Muslim law, which includes five stages: 1) the period of formation — from the first half of the 7th century to the first half of the 8th century; 2) the establishment of madhhabs — religious and legal schools — the second half of the 8th century — 9th century; 3) the period of taqlid (prohibition of independent interpretation and derivation of legal norms) — 10th century — first half of the 19th century; 4) the period of European-style reforms — the second half of the 19th century — first half of the 20th century. 5) the period of re-Islamization — from the second half of the 20th century to the present. The results of the study allow the author to make a forecast about the further continuation of the process of re-Islamization in the legal systems of the Muslim world.

Keywords: Islamic law; Sharia; Fiqh; madhhab; source of law; ijihad.

Введение

Одной из наиболее влиятельных правовых семей современности является исламская правовая семья. Нормы мусульманского права оказывают воздействие в той или иной степени на правовые системы более чем 50 государств. Вопреки этому, в отечественной правовой литературе не уделяется достаточного внимания изучению вопросов, связанных с основами мусульманского права. Одна из ключевых характерных особенностей исламской правовой семьи выражается в своеобразии источников права. Именно вопросу, связанному с источниками мусульманского права, и посвящена настоящая статья. Новизна исследования состоит в первую очередь в представлении оригинальной периодизации развития системы источников исламского права.

Актуальность данной темы становится особенно очевидной, если учитывать современные реалии: в условиях западных санкций для России крайне важно развивать дружественные отношения и взаимовыгодное сотрудничество со странами мусульманского мира. Очевидно, что для прогресса полноценных дружеских и взаимоуважительных отношений сторонам необходимо детально разбираться в особенностях политической, экономической, правовой систем друг друга. Не стоит забывать также о том, что в России проживает более 20 миллионов мусульман, значительная часть которых в той или иной степени соблюдает основные предписания и запреты своей религии. Незнание или игнорирование государством и обществом этих предписаний и запретов чревато возникновением различных социальных и политических конфликтов.

Цель настоящего исследования — определить на основании анализа становления и развития источников мусульманского права ключевые этапы данного развития.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать историю развития источников мусульманского права;
- выделить ключевые особенности системы источников исламского права на различных исторических отрезках.

Анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности

Как было указано ранее, вопрос, связанный с источниками мусульманского права, в отечественной правовой литературе исследован в недостаточной степени. Среди редких работ, посвященных данной теме, следует выделить труды Л. Р. Сюкияйнена [5], К. Ю. Якубенко [7], Г. И. Муромцева [3] и др.

Так, один из крупнейших отечественных исследователей исламского права — Л. Р. Сюкияйнен в монографии «Исламское право и диалог культур в современном мире» [5] убедительно доказывает, что основным источником мусульманского права в период от возникновения религиозно-правовых школ вплоть до XIX века служила правовая доктрина.

К. Ю. Якубенко в статье «К вопросу о понятии и источниках мусульманского права» [7] обращается к сопоставлению источников права с точки зрения различных религиозно-правовых школ ислама.

Среди зарубежных авторов вопроса об источниках исламского права касались такие правоведы, как Р. Давид [2], В. Халляк [6], Ф. Атар [1], М. Роэ [4] и др.

Основное исследование

Прежде чем переходить к анализу истории становления источников исламского права, следует сделать одно очень важное замечание. Дело в том, что, как верно указывает Г. И. Муромцев, понятие источника права в исламе включает в себя не только форму внешнего закрепления правовых норм, но и способ их создания [3, с. 95].

Приступая к исследованию развития системы источников исламского права, необходимо отметить, что само мусульманское право относится к категории религиозного права, поскольку его возникновение и развитие обусловлено становлением религии ислам. На формирование мусульманской религии огромное влияние оказал Пророк Мухаммед, религиозно-политическая деятельность которого приходится на 610–632 годы нашей эры. Мухаммед проповедовал на Аравийском полуострове монотеизм, который предполагает признание единого Бога (Аллаха) и отказ от придавания ему сотоварищей. Будучи религией авраамизма, ислам признает истинность пророческой миссии таких религиозных деятелей, как Авраам (Ибрахим), Моисей (Муса), Ной (Нух), Иисус (Иса) и многих других почитаемых иудеями и христианами личностей. Уважительное отношение предписано мусульманам и к религиозным писаниям иудаизма и христианства — Торе, Библии. Однако в связи с тем, что, согласно исламскому вероучению, христианство и иудаизм были впоследствии в значительной степени искажены противниками единобожия, появилась нужда в обновлении постулатов религии Аллаха. Это задача была возложена на последнего Пророка единобожия — Мухаммеда.

С именем Мухаммеда связаны два важнейших источника ислама как религии в целом, так и мусульманского права в частности — Коран и Сунна. Коран единогласно признается мусульманами в качестве Божественного Откровения — слова Аллаха, переданного людям посредством Пророка Мухаммеда. Под Сунной, в свою очередь, следует понимать совокупность хадисов (рассказов, сообщений) о жизни Пророка Мухаммеда, его действиях и высказываниях.

Важное значение для правильного восприятия мусульманского права имеет понимание и четкое различие двух терминов — шариат и фикх, которые часто отождествляются в правовой литературе. Более обоснованным представляется подход, в соответствии с которым данные понятия являются хоть и в значительной степени взаимосвязанными, но отличными друг от друга. Под шариатом понимается совокупность предписаний Бога, содержащихся в Коране и Сунне Пророка Мухаммеда. Под фикхом, в свою очередь, понимается, с одной стороны, наука, изучающая правила внешнего поведения, а с другой — сами эти правила.

Анализ исторического развития источников исламского права позволяет выделить следующую периодизацию: 1) период формирования (первая половина VII – первая половина VIII века), 2) период утверждения мазхабов (вторая половина VIII – IX век); 3) период таклида (X – первая половина XIX века); 4) период реформ европейского образца (вторая половина XIX – первая половина XX века); 5) период реисламизации (вторая половина XX века – настоящее время).

1. Период формирования (первая половина VII – первая половина VIII века).

В указанный период в качестве единственных источников права применялись Коран и Сунна. Коран состоит из 114 сур (глав) и более 6 000 аятов (смысловых единиц — стихов). Эти аяты касаются самых различных вопросов, в первую очередь вероубеждения, этики, правил внешнего поведения людей. Именно аяты, связанные с правилами внешнего поведения людей, условно можно назвать правовыми. Таких аятов в Коране насчитывается около 500. Достаточно подробно в Священном Писании мусульман описываются вопросы наследственного и семейного права, отдельные нормы посвящены уголовно-правовым вопросам. Однако в связи с тем, что количество правовых норм Корана ограничено и регулирование всех сфер жизни общества исключительно посредством этих норм невозможно, система источников мусульманского права достаточно быстро пополнилась другим источником — Сунной Пророка Мухаммеда. Вопреки довольно распространенному заблуждению, Сунна признается в качестве правового источника не только суннитскими течениями ислама, но и шиитами. Легитимность Сунны в качестве источника права вытекает из ряда коранических норм, в частности: «Если же вы станете препираться о чем-нибудь, то обратитесь с этим к Аллаху и Посланнику, если вы веруете в Аллаха и Последний день...» (сура 4 аят 59), «О те, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и Его Посланнику и не отворачивайтесь от него,

пока вы слышите...» (сура 8 аят 20) и др. Мусульманские ученые провели скрупулезную работу по выявлению достоверности отдельных хадисов и разделили их на категории — достоверные (сахих), хорошие (хасан), слабые (даиф) и ложные (мауду). Наиболее авторитетными сборниками достоверных хадисов являются сборники аль-Бухари, Муслима, Абу Дауда, Ат-Тирмизи, Ибн Маджа, Ан-Насаи, которые стоят в иерархии источников мусульманского права сразу за Кораном.

В рассматриваемый период начали проявляться такие отличительные черты юридической техники, как отсутствие четкой систематизации и некоторая казуистичность.

Особое внимание на себя обращает языковой стиль мусульманского права, который можно характеризовать как богословский. Объясняется это двумя факторами. Во-первых, два главных правовых источника представляют собой религиозные документы, что и предопределяет их богословский стиль. Во-вторых, мусульманская правовая семья не предполагает отдельной независимой профессии юриста. Лица, профессионально занимающиеся правовой деятельностью, обязаны досконально знать не только юридическую часть мусульманских знаний, но и другие аспекты ислама. Это способствует тому, что мусульманский правовец фактически обязан быть богословом.

Ранние мусульманские политические объединения не могут быть квалифицированы в качестве государств, гораздо правильнее относить их к политическим общинам. Однако нормы религиозного права в таких общинах широко применялись, в связи с чем профессор Г. И. Муромцев делает справедливый вывод: формирование и развитие мусульманского права предшествует возникновению мусульманских государств, что оказывается одним из доводов, опровергающих широко распространенную точку зрения, в соответствии с которой право возникает совместно с государством. Ученый отмечает сходство мусульманско-правовых норм раннеклассового периода с мононормами — нормами, соединяющими правила поведения общесоциального, религиозного и правового характера. В качестве общих черт можно выделить отношение населения к ним, как к возникшим помимо воли людей и беспробельным, слитность, отсутствие необходимости в аппарате принуждения и личный (а не территориальный) характер действия [3, с. 89–90].

2. Период утверждения мазхабов (вторая половина VIII – IX век).

Стремительный рост территории Арабского халифата, включение в состав населения самых различных народов со своеобразными обычаями и традициями вели к усложнению структуры общественных отношений, что, в свою очередь, сказывалось и на правовой системе. Решать возникающие юридические вопросы исключительно на основании однозначно толкуемых положений Корана и Сунны становилось все сложнее, что поставило мусульманское общество перед необходимостью разработки новых источников права. При этом, как очень точно замечает Р. Давид, «задача мусульманских правоведов состояла не в создании теории позитивного права, а в систематизации интеллектуальных

методов легитимации, ...поиска решений новых ситуаций, которые не противоречили бы общим принципам, содержащимся или вытекающим из Корана и Сунны» [2, с. 350]. Этим и занялись мусульманские правоведы, однако к единому мнению по вопросу источников права прийти не смогли. Деятельность ученых по самостоятельному поиску способов разрешения религиозно-правовых вопросов обозначается термином «иджтихад».

Расхождение исламских ученых по ряду религиозных, правовых, экономических и некоторых иных вопросов привело к формированию религиозно-правовых школ — мазхабов, каждый из которых имел свое видение спорных аспектов. В качестве наиболее влиятельных религиозно-правовых школ следует назвать четыре суннитских мазхаба: ханафитский, шафиитский, маликитский, ханбалитский — и один шиитский мазхаб — джафаритский. Кратко охарактеризуем каждую из названных школ с точки зрения их отношения к системе источников мусульманского права.

Основанная имамом Абу Ханифой и названная в его честь ханафитская школа при разрешении правовых споров широко применяет такие источники, как иджма и кияс.

Под иджмой в научной литературе понимается «консенсус всех авторитетных ученых, согласующийся с Кораном и Сунной» [4, с. 78]. Считается, что впервые иджма была применена в Медине во второй половине VII века, когда семь наиболее авторитетных знатоков шариата собрались для разработки процедуры рассмотрения спорных вопросов. Обязательными условиями иджмы являются: соответствие Корану и Сунне, единогласность, принятие наиболее знающими и авторитетными учеными в области ислама.

Киясом в исламском праве называют рассуждение по аналогии. Кияс применяется в тех случаях, когда конкретная ситуация не урегулирована Кораном и Сунной, однако в двух главных источниках имеются нормы, регулирующие аналогичные ситуации. В качестве наиболее известного примера кияса можно привести запрет на употребление не упоминающихся в Коране алкогольных напитков (водка, коньяк, виски и т. п.) по аналогии с запретом вина (сура 5 аят 90).

Характерная особенность ханафитского мазхаба заключается в обращении к такому институту, как истихсан (преимущество, предпочтение). Истихсан представляет собой альтернативу киясу в тех случаях, когда применение кияса неактуально либо наносит вред мусульманам. Примером истихсана служит разрешение на заключение сделки, связанной с пополнением счета мобильного телефона, несмотря на то что одна из сторон сделки не присутствует на месте.

Еще одна характерная черта ханафизма — активное обращение к местным обычаям (урф), что позволяет называть рассматриваемую религиозно-правовую школу наиболее гибкой.

Главными особенностями маликитской школы (основатель — Малик ибн Анас) в подходе к источникам исламского права являются предпочтение иджмы мединских правоведов как прямых потомков Пророка Мухаммеда, а также довольно ограниченное использование кияса. Маликиты активно применяют

принцип истислах (учет общей пользы) — способ вынесения решения на основе суждения о его пользе для общества. Отличие истислаха от истихсана базируется прежде всего на том, что истислах полностью независим от шариата, касаясь только сферы человеческих отношений [7, с. 13]. Известный пример истислаха — решение имама Малика о запрете продажи винограда изготовителям вина.

Шафиитский мазхаб получил свое название по имени основателя — имама Аш-Шафии. Представители данной школы, так же как и маликиты, отдают предпочтение иджме мединских правоведов. При этом шафиитский мазхаб отвергает как истихсан, так и истислах, предлагая иной принцип — истисхаб, под которым понимается принцип извлечения правового решения, согласно которому изменения считаются не наступившими до тех пор, пока их наступление не будет доказано. Примером истисхаба является продолжение принадлежности собственности лицу до того, пока не будет доказано ее прекращение.

Основанный имамом Ахмадом ибн Ханбалом ханбалитский мазхаб отличается крайне осторожным и ограниченным применением иджмы и кияса, обращаясь к ним только в исключительных случаях. Из всех приведенных религиозно-правовых школ ханбализм самый консервативный.

Представители наиболее распространенного среди мусульман-шиитов джафаритского мазхаба (основатель — Джафар ас-Садик) в качестве источников исламского права признают Коран, Сунну, иджму, акль (разум). Особенность данной религиозно-правовой школы заключается в том, что в качестве источника права признаются только те хадисы, которые переданы членами семьи Пророка Мухаммеда. Джафариты не признают кияс в качестве правового источника. Кроме того, представители джафаритского мазхаба широко применяют рациональные принципы. Так, в качестве источника права признается акль (разум) — метод рационального выведения норм исламского права из двух главных источников — Корана и Сунны.

В качестве еще одного источника мусульманского права, сформированного в рассматриваемый период, можно назвать акты главы государства — фирманы. Исламская религиозно-правовая доктрина признает в качестве законодателя только Аллаха. В связи с этим фирманы ближе по своей сущности к статусу регламентов, чем законов. Этим обусловлено достаточно низкое положение фирманов в иерархии источников мусульманского права.

3. Период таклида (X – первая половина XIX века).

Под таклидом в мусульманском праве понимается необходимость следования по вопросам фикха учениям авторитетных исламских правоведов — основателей вышеперечисленных религиозно-правовых школ. С момента окончательного оформления мазхабов в мусульманском мире сформировалась концепция закрытия врат иджитхада, в соответствии с которой верующие обязаны следовать учению одной из существующих религиозно-правовых школ, при этом не имея права на самостоятельное толкование и выведение правовых норм. Несмотря на то что у таклида были серьезные противники

как в лице выдающихся ученых, в частности Ибн Таймии и Ибн аль-Каййима, так и в лице целых течений ислама, например шиизма, тем не менее необходимость следования правовым учениям одного их мазхабов признавалась на протяжении многих веков большей частью мусульман.

С момента формирования основных мусульманских мазхабов в качестве главного источника мусульманского права фактически утвердилась правовая доктрина, поскольку правоприменители стали при разрешении юридических вопросов ссылаться не на первоисточники — Коран и Сунну, а в первую очередь на доктринальные источники религиозно-правовых школ. Эта особенность мусульманского права сохранялась вплоть до второй половины XIX века.

4. Период реформ европейского образца (вторая половина XIX – первая половина XX века).

Несмотря на то что влияние европейского права на мусульманскую правовую семью имело место и в более ранние периоды, наиболее отчетливо это выразилось во второй половине XIX века. Объясняется это двумя главными причинами, одна из которых носит политический характер, вторая — экономический. Причиной политического характера является активная колониальная политика западных государств (Франция, Великобритания, Италия и др.), приводящая к навязыванию метрополиями своим колониям определенных стандартов в различных сферах, в том числе в правовой. Экономическая причина состоит в том, что в этот период западная цивилизация за счет индустриализации, научного прорыва и фактического ограбления колоний совершила резкий экономический скачок. Для того чтобы иметь возможность, с одной стороны — конкурировать, а с другой — активно сотрудничать с европейскими державами, некоторые мусульманские государства (в первую очередь Османская империя) решились на проведение серьезных реформ европейского образца, в том числе в правовой сфере.

Французский правовед Р. Давид выделяет три феномена в праве мусульманских стран в XIX и XX веках: вестернизацию; кодификацию разделов, которых не коснулась вестернизация; упразднение призванных применять мусульманское право специальных судов [2, с. 364].

Общепризнанным фактом является то, что впервые кодификация норм мусульманского права произошла в Османской империи в 1869–1877 годах, в результате которой на основе исламско-правовых норм был составлен единый документ — Маджалла, состоящий из 1850 статей. С этого момента мусульманские правоприменители в Османской империи при разрешении юридических вопросов могли применять только те нормы исламского права, которые были закреплены в позитивном законодательстве государства. Перевод мусульманского права из доктринальной формы в форму закона изменяет соотношение между позитивным законодательством и религиозно-правовыми нормами шариата: главенство переходит к государственному законодательству, поскольку именно оно решает, какие нормы религиозного права следует применять, а какие — нет.

Главенство норм, принятых государственными органами и должностными лицами, над богооткровенными нормами имеет в качестве естественного последствия ослабление влияния религиозных постулатов на общественные отношения.

Тенденция на кодификацию фикха и изменение соотношения между позитивным законодательством и богооткровенными нормами проявилась не только в турецком законодательстве. Параллельно формированию Маджаллы значительному реформированию подвергается и египетское законодательство: принимаются гражданский, торговый, уголовный, гражданско-процессуальный, торгово-процессуальный кодексы. После упразднения Османского халифата в 1924 году правовые реформы европейского образца произошли и во многих других мусульманских государствах.

Концепция таклида в этот период теряет свои позиции, многие реформы производятся на основании иджтихада известных мусульманских ученых того периода (например, Мухаммед Абдо).

Огромное влияние европейские правовые традиции оказали и на содержание правовых норм мусульманских стран, которые стали все дальше отходить от традиционных исламских норм. Относительно в неизменной форме осталась лишь отрасль — право личного статуса, регулирующая брачно-семейные, наследственные отношения; отношения, связанные с опекой и попечительством, с учреждением благотворительной собственности, с дарением и т. п.

Таким образом, на данном этапе традиционные источники мусульманского права уходят на второй план, преимущество постепенно переходит к государственному законодательству, положения которого часто противоречат основам мусульманской религии.

5. Период реисламизации (вторая половина XX века – настоящее время).

Начиная со второй половины XX века влияние ислама на общественные отношения в странах мусульманского мира значительно возросло. Принятые в указанный период основные законы подавляющего большинства мусульманских стран признают шариат в качестве главного, а иногда и единственного источника законодательства. Из порядка 50 государств мусульманского мира светскими можно назвать лишь Турцию, мусульманские страны постсоветского пространства, Албанию. Даже в этих странах позиции ислама в последние десятилетия укрепляются. Так, современная Турция, правители которой в XX веке всячески боролись с любыми проявлениями религиозности, на сегодняшний день управляется сторонниками идеологии политического ислама.

Однако влияние западных правовых систем на исламское право продолжает оставаться довольно серьезным, прежде всего в том, что касается внешней формы, а также ряда отраслей права (главным образом уголовного права, нормы которого в современных мусульманских странах имеют гораздо больше общего с европейским правом, чем с традиционным исламским).

Тем не менее значительная часть современных мусульманских государств в процессе законодательной деятельности учитывает как положения

первоисточников — Корана и Сунны, так и положения классической религиозно-правовой доктрины.

Очень точную характеристику современному мусульманскому праву дал профессор Л. Р. Сюкияйнен: «В настоящее время есть основания говорить о формировании своего рода современного исламского права, которое по своим принципам и содержанию ориентируется на исходные начала традиционного фикха, а по форме испытывает глубокое влияние европейской правовой традиции» [5, с. 120].

Результаты исследования

Резюмируя вышесказанное, отметим, что обоснованной выглядит следующая периодизация истории развития источников права в исламской правовой семье:

- 1) период формирования (первая половина VII – первая половина VIII века);
- 2) период утверждения мазхабов (вторая половина VIII – IX век);
- 3) период таклида (X – первая половина XIX века);
- 4) период реформ европейского образца (вторая половина XIX – первая половина XX века);
- 5) период реисламизации (вторая половина XX века – настоящее время).

Представляется, что в ближайшие десятилетия процесс реисламизации права в мусульманских странах продолжится, а влияние европейских стандартов на исламскую правовую семью, в том числе систему источников права, со временем будет ослабевать. Как было сказано ранее, основными причинами резкого усиления влияния европейского права на исламскую правовую семью в XIX веке являлись колониальная политика западных держав и их быстрый экономический рост. Оба вышеназванных фактора постепенно теряют свое значение. С одной стороны, западным государствам начиная со второй половины XX века все сложнее вести колониальную политику и силой навязывать свое видение другим цивилизациям. С другой стороны, мусульманская наука в XX веке выработала достаточно устойчивые экономические модели (исламский банкинг, исламское страхование и др.), соответствующие нормам шариата, которые в перспективе могут способствовать значительному снижению экономической зависимости мусульманского мира от Запада.

Список источников

1. Атар Ф. Основы теории и методологии фикха. М.: Мир знаний, 2019. 148 с.
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности; пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Международные отношения, 2021. 456 с.
3. Муромцев Г. И. Мусульманское право в контексте правогенеза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 80–106.
4. Роэ М. Исламское право: история и современность / пер. с нем. А. Мухаматчиной; науч. ред. М. Кудратов; под общ. ред. Д. Мухетдинова. М.: Медина, 2019. 576 с.

5. Сюкияйнен Л. Р. Исламское право и диалог культур в современном мире / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 684 с.

6. Халляк В. История исламских теорий права: введение в суннитскую теорию права: учеб. пособие / пер с англ. И. А. Царегородцевой; под науч. ред. И. Л. Алексеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 464 с.

7. Якубенко К. Ю. К вопросу о понятии и источниках мусульманского права // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4. С. 7–15.

References

1. Atar F. *Osnovy` teorii i metodologii fikha*. М.: Mir znaniy, 2019. 148 с.

2. David R., Zhoffre-Spinozi K. *Osnovny`e pravovy`e sistemy` sovremennosti*; per. s fr. V. A. Tumanova. М.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 2021. 456 s.

3. Muromcev G. I. *Musul`manskoe pravo v kontekste pravogeneza* // *Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki*. 2021. № 1. S. 80–106.

4. Roe` M. *Islamskoe pravo: istoriya i sovremennost`* / per. s nem. A. Muxamatchinoy; nauch. red. M. Kudratov; pod obshh. red. D. Muxetdinova. М.: Medina, 2019. 576 s.

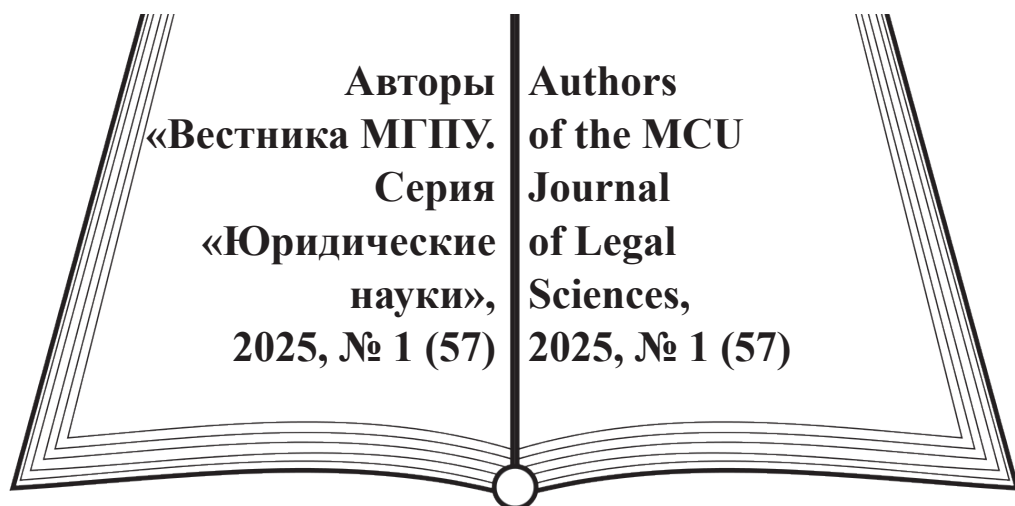
5. Syukiyajnen L. R. *Islamskoe pravo i dialog kul`tur v sovremennom mire* / Nacz. issled. un-t «Vy`sshaya shkola e`konomiki». М.: Изд. дом Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2021. 684 с.

6. Халляк В. *Istoriya islamskix teorij prava: vvedenie v sunnitskuyu teoriyu prava: ucheb. posobie* / per s angl. I. A. Czaregorodcevoj; pod nauch. red. I. L. Alekseeva; Nacz. issled. un-t «Vy`sshaya shkola e`konomiki». М.: Изд. дом Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2020. 464 с.

7. Yakubenko K. Yu. *K voprosu o ponyatii i istochnikax musul`manskogo prava* // *Sibirskij yuridicheskij vestnik*. 2007. № 4. S. 7–15.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2024;
одобрена после рецензирования: 22.11.2024;
принята к публикации: 29.11.2024.

The article was submitted: 01.11.2024;
approved after reviewing: 22.11.2024;
accepted for publication: 29.11.2024.

Авторы **Authors**
«Вестника МГПУ. **of the MCU**
Серия **Journal**
«Юридические **of Legal**
науки», **Sciences,**
2025, № 1 (57) **2025, № 1 (57)**

Бабаева Юлия Григорьевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова.

Babayeva Yulia Grigorievna — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence at the Moscow City University of Management of the Moscow Government named after Yu. M. Luzhkov.

E-mail: babaevayg@edu.mos.ru

Беляев Дмитрий Александрович — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Belyaev Dmitry Aleksandrovich — Postgraduate Student of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: dbelyaev.rus@gmail.com

Боровченкова Виктория Олеговна — аспирант кафедры трудового права Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Borovchenkova Victoria Olegovna — Postgraduate Student of the Department of Labor Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: borovchenkova.vo@gmail.com

Герреро Манчай Анна Габриэла — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Gerrero Manchay Anna Gabriela — Postgraduate Student of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: anitagabriela539@gmail.com

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.

Dorskaya Alexandra Andreevna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Емелина Людмила Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент Института государственной службы и управления РАНХиГС.

Emelina Lyudmila Anatolyevna — Candidate of Law, Associate Professor Institute public service and management RANEPА.

E-mail: urconsull@yandex.ru

Исмаилов Рашад Махир оглы — аспирант кафедры теории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Ismailov Rashad Makhir oglu — Postgraduate Student of the Department of Theory of Law and State, Institute of Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

E-mail: rashad.ismailov.2021@gmail.com

Лановая Галина Михайловна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Lanovaya Galina Mikhailovna — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

E-mail: lanovaya-galina@mail.ru

Петрова Наталья Дмитриевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.

Petrova Natalya Dmitrievna — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev.

E-mail: nava2009@yandex.ru

Смирнов Леонид Борисович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Smirnov Leonid Borisovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, The Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: lbs1958@yandex.ru

Сурилов Меир Нисонович — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией образовательного права Института экономики, управления и права МГПУ.

Surilov Meir Nisonovich — Candidate of Economic Sciences, Head of the Laboratory of Educational Law at the Institute of Economics, Management and Law MCU.

E-mail: surilovmn@mgpu.ru

Хоршева Юлия Олеговна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.

Khorsheva Yulia Olegovna — Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev.

E-mail: y.horsheva@szfrgup.ru

Яворский Сергей Анатольевич — юрист, магистр права.

Yavorsky Sergey Anatolyevich — lawyer, master of law.

E-mail: 491899@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- классификационные индексы Универсальной десятичной классификации — УДК (выравнивание по левому краю);
- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- сведения об авторе (выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).
- благодарности (при необходимости) организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском языке и транслитерированным, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В начале статьи (после аннотации на русском языке) приводятся на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: pashencevda@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
...a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2025, № 1 (57)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 28.03.2025 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 8,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.